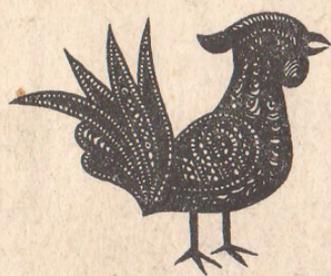

Фолькл.

A 83

армянский
фольклор

Академия наук СССР

армянский фольклор

перевод с армянского

Издательство «Наука»
Главная редакция
восточной литературы
Москва 1967

Предисловие

История армянского народа насчитывает более двух с половиной тысячелетий. Среди шести стран, изображенных на древнейшей в мире звездобразной Вавилонской карте (V век до н. э.), есть и Армения — страна жаркого солнца, горных массивов и плодородных долин. В тяжелых и длительных войнах отстаивало армянское государство свою свободу и независимость. Едва возникнув, оно было вынуждено скрестить оружие с Мидийским царством, ахеменидской Персией, греко-македонскими завоевателями и их преемниками — Селевкидами. В последующие столетия Армении пытались покорить римские императоры и багдадские халифы, византийские властители и турецкие султаны. По ее землям, словно смертоносный самум, проносились орды монголов и полчища Тамерлана. Страна переживала периоды стремительных взлетов и трагических падений; ее города и села то невиданно расцветали, то превращались в дымящиеся руины.

Но какими бы суровыми ни были испытания, выпавшие на долю Армении, духовная жизнь народа не иссякала, ее течение всегда было глубоким и самобытным. На армянской земле воздвигались великоленные памятники архитектуры — храмы, дворцы, крепости, сохранившиеся до наших дней; две тысячи лет назад, в 56 году до н. э., в тогдашней столице Армении — Арташате был создан театр, репертуар которого состоял из оригинальных и переводных (греческих) пьес; спустя четыре с половиной столетия, в 396 году, великий ученый Месроп Маштоц изобрел армянскую письменность, ставшую могучим средством национального самосохранения.

Неотъемлемой частью многовековой армянской культуры является устное народное творчество: мифические и эпические сказания, песни, сказки, притчи, пословицы и поговорки, дошедшие до нас с незапамятных времен и не потерявшие, однако, своего познавательного значения и эстетической прелести. Сегодня, обращаясь к этому богатству, мы снова и снова проникаемся чувством особого уважения к его творцам: народным сказителям и певцам-гусанам. Они создавали свои произведения страстно, вдохновенно, с высокой ответственностью перед сов-

роменниками и грядущими поколениями. Быть может, в этом одна из прекрасных тайн долговечности и прочности совершенного ими труда.

В этом сборнике представлены лишь некоторые жанры армянского народного творчества: пословицы и поговорки, истории о карабахском балагуре Пулу-Пуги, загадки, сказки и отрывок из героического эпоса «Давид Сасунский». Они возникли в разные исторические эпохи, главным образом в трудовой крестьянской среде, и, разумеется, с наибольшей полнотой передают мироощущение именно этой среды. Но бесспорно также их общенациональное значение. Так, например, «Давид Сасунский» — героический эпос всего армянского народа, а не только той его части, которая проживала в горном Сасунском крае. Сказка «Азаран-Блбул», записанная в селении Аштарак, — яркое выражение общенародной мечты о справедливости и счастье.

Большой популярностью у армян пользуются пословицы и поговорки — один из древнейших жанров устного народного творчества. Много лет их собирал и изучал член-корреспондент Академии наук Армянской ССР А. Т. Ганалаян. Его капитальная работа «Айкакан арацани» («Тексты и исследование народных пословиц и поговорок»), впервые изданная в 1951 году, явилась ценным вкладом в фольклористику. Чтобы установить время возникновения многих пословиц и поговорок, ученому пришлось «пробиваться» сквозь многослойную оболочку этих произведений, постигать их первоначальный смысл, учитывать тончайшие намеки и оттенки, сопоставлять различные варианты и так далее. В ряде случаев решение этой задачи облегчалось тем, что в пословицах и поговорках нередко упоминаются имена мифологических персонажей, исторических лиц, названия городов, областей, районов Армении, а также другие реалии. Весьма любопытна, например, очень древняя по «возрасту» пословица, приведенная историком V века Мовсесом Хоренаци. В ней речь идет о богатых амбарах Ширака и ненасытном обжоре Шаре — внуке легендарного праотца армян Гайка («Чрево у тебя, как у Шара, да амбары наши не ширакские»). По мнению академика А. Манандяна, название благодатного края Армении — Ширака — возникло от названия племени шираков, прародителем которого и был Шар (от Шармат, то есть сармат). А поскольку захват сарматами земель, ставших впоследствии армянскими, произошел в IV—III веках до н. э., то эта пословица, видимо, восходит к далеким историческим вре-

менам и по крайней мере является своеобразной трансформацией легенды о Шаре.

А вот другой пример. Издавна в Армении бытует пословица: «Нет свадьбы без ослиной головы». Конечно же, в этой пословице, как и во многих других, таится иносказательный смысл. А. Т. Ганалаянц, изучив большой этнографический материал, пришел к выводу, что пословица эта связана с обычаем, распространенным в Армении до XIX века и берущим свое начало чуть ли не в эпоху тотемизма. Согласно тотемистической обрядности несколько участников свадьбы, а также других празднеств должны выступать под масками зверей, в том числе и под ослиной маской. «Ослиная голова» на свадьбе — одна из центральных фигур, подобно шуту в королевском дворце или клоуну у циркового ковра.

Среди армянских пословиц и поговорок немало заимствованных у других народов. И это вполне естественно, так как взаимодействия и взаимовлияния — неперенное условие развития культуры любых народов. Устное народное творчество со всей очевидностью подтверждает эту закономерность. Нельзя, однако, не отметить, что заимствованные у других народов пословицы и поговорки на армянской почве, как правило, максимально «приближаются» к национальным условиям и закрепляются в сознании народа как вполне оригинальные. Познакомившись с пословицами и поговорками, мы обнаружим среди них пословицы, по форме весьма схожие с пословицами других народов, в частности с русскими. И в этом также нет ничего удивительного, ведь, несмотря на своеобразие исторического и социального пути и условий жизни, в развитии каждого народа, формировании его философских и этических взглядов можно найти много общего. И эти общие черты и рождают некоторую схожесть пословичного фонда.

Трудно назвать хоть какую-нибудь область деятельности или черту человеческого характера, не запечатленную в пословицах и поговорках армянского народа. А. Т. Ганалаянц, говоря об идейном богатстве и художественном разнообразии армянских пословиц и поговорок, справедливо подчеркивает, что в них отразилось социальное, политическое, общественное развитие Армении, экономические, правовые, бытовые отношения, философские, эстетические и этические взгляды народа. Старое и новое, злое и доброе, смешное и возвышенное, необыкновенное и обыденное — словом, жизнь в ее непрерывном движении, в развитии и борьбе, многовековой опыт народного бытия, народная мудрость удивительнейшим образом «вмещены» в емкие, поучи-

тельные, разящие остроумием слова. Именно эти качества делают пословицы и поговорки едва ли не самым любимым и самым распространенным жанром устного народного творчества армян.

Остряк и балагур Пулу-Пуги («сумасшедший Потос») — популярный герой карабахского фольклора¹. Он сродни знаменитому Молле Насреддину, слава которого на Востоке вне всякой конкуренции. По преданию, Пулу-Пуги состоял «на службе» при знатном карабахском помещике Мелик-Шахназаре, развлекал гостей своего хозяина веселыми рассказами, прибаутками, притчами, остроумными анекдотами. Возможно, и на самом деле был такой человек, однако, как это часто бывает в подобных случаях, со временем имя Пулу-Пуги стало нарицательным и народ охотно приписывал ему поступки, к которым он в действительности не имел никакого отношения. Но как бы то ни было, Пулу-Пуги в представлении простых людей — непреклонный поборник правды, заступник и защитник обиженных, умный, обладающий богатым житейским опытом человек. Пулу-Пуги не просто словоохотливый рассказчик. Он главное действующее лицо почти всех историй, в которых высмеивается высокомерие, чванливость, глупость и ограниченность дворян, помещиков, князей и утверждается народная прозорливость и смекалка.

Сборник знакомит читателей и с загадками — важным и неотъемлемым жанром армянского народного творчества. Так же как в пословицах и поговорках, в загадках в иносказательной форме отражены все стороны материальной и духовной жизни народа. Многие армянские загадки восходят к далекому прошлому: в них сохранились, например, отголоски исторических названий местностей и памятников зодчества, существовавших в далекие времена.

Впервые армянские загадки привлекли внимание исследователей в конце XIX века. В Армении они были изданы С. Арутюняном, который снабдил их пространном комментарием. В русском переводе загадки публикуются впервые.

¹ Карабах — ныне Нагорно-Карабахская автономная область Азербайджанской ССР со смешанным армяно-азербайджанским населением.

Различают две основные группы армянских сказок — волшебные, или фантастические, и бытовые. Из вошедших в этот сборник сказок к первой группе относятся: «Азаран-Блбул», «Братец-ягненок», «Аревахат и змееныш», «Сказка о красной короле», «Волшебный перстень», «Чопчи», «Бадикан и Хан-Боху», «Сказка о правом и неправом», «Не рой другому яму — сам в нее попадешь», «Змея преданней жены», «Змея и бедняк», «Разум и сердце», «Глупец»; ко второй группе — все остальные. Как правило, главным действующим лицом волшебных сказок выступают пастух или рыбак, охотник или земледелец, ткач или чопчи (собиратель хвороста), наделенные честностью, добротой, бесстрашием. Волею судеб они сталкиваются с фантастическими трудностями, на их пути к счастью и справедливости встают змеи — вишаны, злые старухи, белые, черные и красные дэвы, огненные кони; их преследуют, вероломно предают, подвергают пыткам. Но справедливость и народная мудрость сильнее всех этих зол, и правда в конце концов торжествует.

Вот почему волшебным сказкам органически свойствен оптимизм, и они пронизаны глубокой верой в существование царства справедливости, добра и подлинной человечности. Эти сказки пленяют читателей увлекательной формой повествования, занимательными интригами и коллизиями, романтическим пафосом.

Подчеркнутая обыденность сюжета, социальная насыщенность эпизодов, а также почти полное отсутствие фантастических и символических образов придают остро злободневный характер бытовым сказкам. Адрес критики в них всегда точен. Это царь, князь, помещик, кулак, ростовщик, поц, торговец — класс ненавистных народу эксплуататоров. Бытовые сказки в отличие от волшебных предельно приземлены, описанные в них события в большинстве случаев лишены традиционного сказочного ореола и воспринимаются как случаи, действительно происходившие в жизни.

В богатейшей сокровищнице духовных ценностей, созданных армянским народом, героический эпос «Давид Сасунский», конечно же, самое прекрасное творение. Это не историческое повествование или хроника, а живой отклик на события армянской истории X века. Как и эпосы других народов, армянский эпос с самого начала не был чем-то единым и цельным. Он состоит из трех изначально самостоятельно существовавших эпи-

ческих произведений: сказаний о братьях Санасаре и Багдасаре — основателях «сасунского дома», сказаний о Мгере Старшем и Мгере Младшем (первоначально один Мгер) и сказания о Давиде. Эти части («ветви») эпоса, дополняя друг друга, отражают представления народа о его судьбе, думы о мирной, счастливой жизни. Исследователи эпоса проделали большую работу, чтобы уточнить его историческую основу, определить его организующее ядро, иными словами — ответить на вопрос: как сложился эпос, какое из сказаний послужило фундаментом этого великолепного сооружения? Анализ вариантов позволил установить следующую закономерность. Сказание о Санасаре и Багдасаре мифологического характера и восходит к библейской легенде об ассирийском (или багдадском) царе Сенакериме, который обещал идолу в случае благополучного возвращения из очередного похода на Иерусалим принести в жертву двух сыновей — Санасара и Багдасара. Узнав об этом, братья убили отца и бежали в Араратскую долину — в Армению, где и основали крепость Сасун.

Образ главного героя второго сказания, Мгера, принято считать сложным видоизменением образа бога Солнца — Митры-Михра, встречающегося у многих народов. Это некогда единое сказочное божество, оказавшись на земле, как бы раздвоилось. И в армянском эпосе живут и действуют два Мгера: Мгер Старший («Раздирающий Льва»), сын Санасара, и Мгер Младший, сын Давида, в бесконечных странствиях по белу свету ищущий справедливости, защитник и покровитель слабых, заточивший себя в скалу и поклявшийся выйти к людям, когда на земле восторжествует справедливость.

Наконец, сказание о Давиде Сасунском — наиболее разработанная «ветвь», занимающая господствующее положение среди других сказаний, сердцевина всего эпоса. Значение этой «ветви» в формировании армянского героического эпоса образно объяснил академик Иосиф Орбели. «Вспомним,— писал он,— процесс образования жемчужины в раковине. Пока в раковину моллюска не проникает постороннее тело в виде ничтожной песчинки, пока в силу этого обстоятельства животное не заболевает и не образуется у него совершенно незначительный, невидимый глазу известковый нарост, никакой жемчужины нет. А затем вокруг этого нароста наслаиваются отложения, образующиеся под влиянием солей, и в конце концов вырастает замечательная жемчужина. То же самое происходит и с любым народным сказанием: в основе его лежит, быть может и незначительное по размеру, ядро, которое принимает на себя

всё новые и новые наслоения и превращается нередко в жемчужину, являющуюся результатом творчества десятков и сотен поколений людей. Вот так именно обстоит дело со сложением эпоса о Давиде Сасунском».

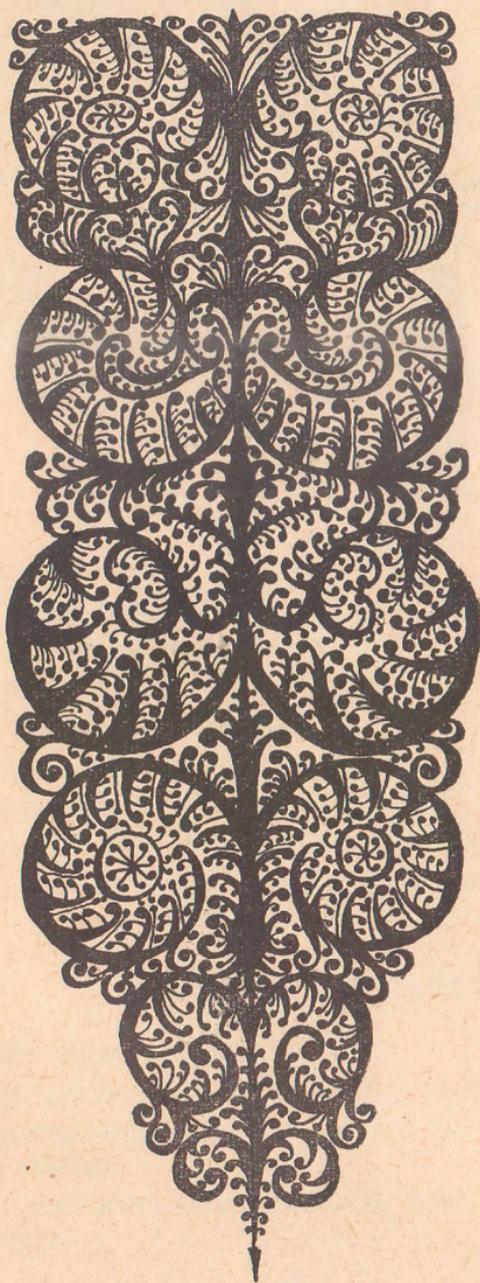
Давид — наиболее реальный, наиболее земной из всех героев эпоса. Подобно своим предкам — деду Санасару и отцу Мгеру Старшему, он наделен сверхчеловеческой, титанической силой, одарен многими доблестями, но особенно привлекателен он еще и потому, что людские слабости, людские переживания ему не чужды.

«Давид Сасунский» — венец устного поэтического творчества армян.

Сборник «Армянский фольклор» познакомит читателей с наиболее популярными жанрами богатейшего устного творчества армянского народа.

А. Салахян

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Народ. Личность

Голос народа сильнее грохота пушек.
Сердце народа необъятно.
Встанет село — ломает бревно.
С народом и в черный день праздник.
Две руки стоят одной головы.
Одной рукой в ладоши не хлопнешь.
Ум хорошо, а два лучше.
Одиночество подобает только богу.
«Куда вы, меньшинство?» — «К большинству».

Закон. Правосудие

Из царской чаши не пей.
Даже царь должен быть достойным своего трона.
Лучше пусть царь упадет со своего трона, чем ребенок
из люльки.
Верблюду сказали: «Поздравляем, тебя сам царь
зовет». —

«Знаю,— ответил верблюд,— или в Кохб¹
за солью, или в Шарур² за рисом пошлет».
Закон — для богача, а наказание — для бедняка.
Рай не для грешников.
Право есть, да закона нет.
У судьи нет глаз, а есть уши.
Бывает и палач с совестью, бывает и судья без совести.
Вместо сокола ворбона стала судьей.
Каждый в ответе за свою вину.
Бог на стороне богатого.
Свидетель сельского старосты — его же рассыльный.
Правду не утаишь.
Взятка и в темноте видна.
Согрешил Айрапет, а в ответе Карапет³.
Нет ничего тяжелей сознания вины.
И я грешен, и ты грешен; а кто же пойдет в рай?
Рай — не место для осла.

Богатство. Бедность. Пандухт⁴

Один умирает от обжорства, другой — от голода.
У кого соболья шуба, а у кого холщовая рубаха.
Плов есть — аппетита нет, аппетит есть — плова нет.
Куры есть — корма нет, корм есть — кур нет.
Сила и душа богатого в его кармане.
Чрево у тебя, как у Шара, да амбары наши не ширак-ские.
Пока богатый разорится, бедный богу душу отдаст.
Богатство подобно любовнице — не сегодня так завтра может уйти.

¹ Кохб — местность, где добывалась соль. (Здесь и далее примечания переводчика).

² Шарур — местность, где возделывался и продавался рис.

³ Айрапет и Карапет — мужские имена.

⁴ П а н д у х т — изгнанник, скиталец: нищета и бедность, на которые были обречены многие армяне до революции, вынуждали их покидать родину и скитаться на чужбине.

Наследство — источник худших пороков.
И сытый рукоплещет и голодный.
Слово богатого что звонок, а бедного что хлопок.
Богач и солжет — ему поверят, бедный и правду скажет — назовут лжецом.
Варил один, а съел другой.
За одну нитку потянешь — тысяча заплаток отвалится.
Маленькой заплатой большую дыру не прикроешь.
На одной заплате сорок дырок.
Если бедняк ест курицу, значит, или он болен, или курица.
Имущество бедного — добыча богатого.
Откуда знать сытому, что есть на свете и голодные?
Откуда зиме знать, что у бедного дров нет?
Коза — корова бедняка.
Солнце — ковер для бедняка.
— Апу¹, сколько нам еще терпеть такую нужду?
— Сорок дней.
— А потом?
— Привыкнем.
Была у бедняка корова, да и та нетельная.
Никто бедняку руки не подаст.
Бедняка многие уму-разуму учат, да хлеба никто не дает.
Пеший всаднику не товарищ.
Бедность что огненная рубашка.
Лучше умереть, чем обеднеть.
Бедняк бедняка всегда поймет.
Даже сорок разбойников не смогли обокрасть одного бедняка.
Когда у бедняка есть хлеб и сыр, ему ночью не спится.
Хлебом бедняка не насытишься.
Бог захотел порадовать бедняка: сначала спрятал его осла, а потом помог найти.
Для богатого каждый день — масленица.

¹ Апу — в некоторых районах Армении так называют отца.

У богача курдюк большой — все грехи прикрывает.
Когда богатый в ад идет, он с собой лед берет.
Бедняк съел змею — сказали: «Голоден», богач
съел — сказали: «Лекарство».
Надел богатый новую одежду — сказали: «Поздрав-
ляем», надел бедный — спросили: «Откуда взял?».
Бедный сказал: «Кошка съела печенку» — не поверили,
богатый сказал: «Мышь съела железо» —
поверили.
Умрет богач — село всполошится, умрет бедняк — никто
не узнает.
Бедняк нуждается в хлебе, а богатый — во всем.
Дочку богатого взять в жены трудно, а содержать —
легко.
Как увидели богача, так забыли про бедняка.
Хотел бедняк утопиться, увидел, что богач топится,
и вернулся домой.
Мышь и так не могла пролезть в дыру, а ей к хвосту
еще метлу привязали.
Сытый голодному мелко крошит.
Когда волк от голода не может подняться на гору, гово-
рят: «Объелся».
Черный дрозд от голода подох — сказали: «Какой у него
клюв красивый».
Хоть сам ты не был бедняком, но был же у тебя бедный
сосед.
Раненый уснет, а голодный — нет.
Что мне от того, что в Багдаде хурмы много.
Скатерть одна, а на ней тысячи.
На смиренного осла двое садятся.
Труд щедрого ест скупой.
У кого есть Шаки-Ширван¹, а у кого и веревки нет
удавиться.
Пошел посмотреть на царский дворец, вернулся — свою
избу сжег.

¹ Шаки-Ширван — название местности, которая олицетво-
ряла богатство.

Сердце широко, да руки коротки.
Кто надеждой жил, того голод убил.
Один не может найти воды, чтобы напиться, а другой —
брода через реку.
Муку мололи мы, а пахлаву¹ ел другой.
Что вол зарабатывает, лошадь проедает.
Много трудился, да ни с чем остался.
Хлеб едет на коне — пешком не догонишь.
У него хоть дом сожги — хлебом не запахнет.
Мышь упадет — и та голову разобьет (так пусто
в доме).
Голова есть, руки есть, да хлеба нет.
Вор с чем пришел, с тем и ушел.
У бедняка один вол двумя волами не станет.
У бедняка в хате и дым едкий.
Беден, да честен.
Пусть в лохмотьях, зато человек.
У бедного сердце широкое.
Лучше быть голым, чем голодным.
Счастье на бедняка в обиде.
Когда нет хлеба, едят и желуди.
Когда армянин бедствует, он вспоминает масленицу.
Хлеб дома, лад в семье.
Что в доме, что на кровле — всюду пусто.
Купил бедняк двух коз, да кормить их нечем.
У голодного хлеба не найдешь.
К пустому корыту вор не идет.
Сирота сказал: «Я порадуюсь», бог ответил: «А я на
что?».
Завелся волк в стаде — горе тому, у кого одна овца.
Когда хлеб дорог, смерть дешева.
Хлеб пандухта — горький, а вода — отрава.
Скитальца скиталец поймет.
Могила пандухта останется без памятника.
Один день на чужбине равен году.

¹ П а х л а в а — восточная сладость.

Сердце пандухта всегда обращено к родине.
Пандухт на чужбине бедности не стыдится.
Сладка родная кровь, но вода родины слаще.

Деньги. Купля-продажа. Долг

Лучше быть без денег, чем без сердца.
Кто молится деньгам, у того нет ни души, ни веры.
Деньги что грязь на руках: сегодня есть, завтра нет.
Деньги светят и в темноте.
У кого деньги есть — ума нет, у кого ум есть — денег нет.
Деньги и без языка дорогу находят.
И горы денег боятся.
Наверху — бог, внизу — золото.
Белые деньги ¹ на черный день.
Удачи на деньги не купишь.
С деньгами можно и горы перевернуть.
Деньги из кармана голос подают.
Деньги подобны соленой воде: сколько ни пьешь — еще хочется.
У кого деньги, тому и первое слово.
С деньгами — ага ², без денег — слуга.
Богатый всем мил.
Заработать — легко, сберечь — трудно.
С деньгами и немой объяснится.
Нечестные деньги буря уносит.
Хочешь сберечь деньги, не клади их в дырявый кошелек.
Покупатель находит, продавец теряет.
На рынке вместе с товаром и душа продается.
Кто не торгует, тот не теряет и не находит.
Тонко спрял — дорого продал.

¹ Имеется в виду серебро.

² Ага — господин, хозяин.

Продай дом — год богачом проживешь, купи дом — год бедняком будешь.

Сказал брат брату: «Сперва рассчитайся со мной, а потом станешь светом моих очей».

Куиля-продажа не признают ни отца, ни мать.

Покупай у того, у кого недавно умер отец, или у того, кто только что разделился с братом.

Без денег, будь ты женихом на свадьбе, никто на тебя не посмотрит.

Для продавца одного взгляда достаточно, для покупателя и тысячи мало.

Дешевая вещь обходится дорого, дорогая — дешево.

Дешевый дошаб¹ вкуснее меда.

Осла, купленного по цене огурцов, когда-нибудь найдешь утонувшим.

Торгаш знает характер своего осла.

Прибыль и убыток — братья.

Долг подобен верблюжонку: чем дольше его держишь, тем больше он растет.

Когда долг достиг тысячи, ешь плов с курицей.

Задолжай он хоть тысячу, его жена не перестанет ходить по базарам.

Долг должен быть равен состоянию должника.

Долг — огненная рубашка.

Долг что камень на сердце.

Приходи грешником, но не должником.

Когда занимает — слуга, когда возвращает — ага.

Коли дела нет — стань свидетелем, коли долга нет — стань поручителем.

Не бери в долг у того, кого не знаешь.

Долг приносит больше процентов, чем свинья — поросят.

Долг платежом красен.

Дверь для долга всегда открыта.

¹ Дошаб — уваренный до густоты виноградный или тутовый сок.

Крестьяне. Крестьянский быт. Горожане

Все богатство — от земли.

О состоянии крестьянина спроси у пастуха.

Для землепашца черная земля — постель, а сухой камень — подушка.

Если спина у землепашца прямая, посев добром не взойдет.

Трудами крестьянина пользуются и кочевники.

Прошел март — прошла и забота.

Лучше быть землепашцем, чем жестоким князем.

Когда умирает крестьянин, остается кожа быка; а что останется, когда умрет горожанин?

Словами пустую торбу не наполнишь.

Если осел ревет, значит, весна близка.

Груша, поспевшая летом, не увидит осени.

В году двенадцать месяцев, и в каждом свои ягоды.

Четыре времени года что враждующие соседи.

Посев — надежда земледельца.

Сад — ненадежный брат.

Дерево у воды быстрее растет, зато и быстрее стареет.

Деревенская собака в городе ходит, поджав хвост.

Крестьянина хлебом горожанина не насытить.

Умение подобно роднику: собирается по капле, а разольется — нет ему конца.

Умелый ремесленник сидит голодным до полудня, неумелый — до вечера.

Одна кувалда мастера стоит тысячи рублей.

В руках мастера работа спорится.

У сапожника башмаки всегда худые.

У кузнеца лошадь ходит неподкованной.

Сам кузнец, а ножа нет.

Сказали портному: «Переезжай». Он воткнул иголку в лацкан и поехал.

Усердие и ремесло — братья.

Церковь. Священники

- Человек — от природы, а не от бога.
Где масло, там и обедня.
Вкусный яд лучше, чем невкусная святая вода.
В пустой церкви черти заводятся.
Если тысячу телег орехов высыпать на купол церкви,
на нем все равно ни одного не останется.
Если утром увидел попа, день будет неудачным.
Братъ — поп ловкий, а отдавать — хворый.
Что попу отдать, что волку в пасть бросить.
Поп только тогда узнал, что есть смерть, когда умерла
попадья.
Черту поверь, а попу — нет.
Мир разорился с помощью попа.
Родич покойника оплакивает, а поп радуется.
Снаружи поп, а внутри черт.
Одной рукой крест держит, другой — ворует.
Сделай его попом в деревне — если и тут не разбогатеет,
утопи его в реке.
Сколько бы народу в церкви ни собралось, поп одно
и то же бубнит.

Правда. Ложь

- Прямая стена не рухнет.
Кто идет по прямой дороге — не устанет.
Справедливому нет наказания.
Тысяча неправд не стоит одной правды.
У справедливого шапка дырявая.
У того, кто правду говорит, должна быть наготове ло-
шадь у дверей и одна нога в стремяни.
Правду говорят шуткой.
Сядем криво, а поговорим прямо.
У лжеца дом сгорел — никто не поверил.

Лжец должен свидетеля всегда при себе держать.
У лгуна светильник горит до полуночи (т. е. рано или поздно он попадетсЯ).
У лжи ножки коротки.
У лжеца язык короткий.
У лжи нет ушей.
Ложь — ремесло черта.
Лживый хоть и правду скажет, никто не поверит.
Что лживо, то и сгнило.
Пусть ложь станет собольей шубой — человек ее на себя не накинёт.
Пока правда придет, ложь весь свет проглотит.
Когда он врет, даже осел в стойле ревет.
Лги так, чтобы правда рядом была.
У куропатки спросили: «Почему лапки красные?».—
«Холодно». — «Да мы тебя и летом с красными лапками видели», — ответили ей.
Не раздобыла кошка мяса, сказала: «Сегодня пятница»¹.
Не дотянулась лиса до винограда, сказала: «Кислый».

Знание. Опыт. Невежество

Лучше знание, чем богатство.
Черные буквы красные дни приносят.
Кто много читает, тот много знает.
Образование что золотой браслет на руке.
Ученый голодным не останется.
Многого не сделаешь, пока не выучишься, но многое надо сделать, чтобы выучиться.
Возраст уму не помеха.
Проверенное пахтанье лучше, чем непроверенная простокваша.
Знакомый черт лучше незнакомого ангела.

¹ По канонам христианской церкви пятница считается постным днем.

Не тот больше знает, кто больше жил, а тот, кто больше ходил.

Лиса, которая много ходит, знает больше лежащего льва.

Кто долго жил, тот много видел.

Кто меньше испытал, тот меньше и знает.

Цену золота знает лишь ювелир.

Чтобы узнать человека, надо съесть с ним пуд соли.

Хорошая роза на своей земле растет.

Кто любит розу, полюбит и ее шипы.

Заболит голова, вспомнишь и про боль в ноге.

Если однажды по канаве текла вода, потечет и второй раз.

Пока волк не съел овцу у соседа, сосед не стерег своих.

И волк-то нестоящий, а осла съел.

Рука руку моет, а руки — лицо.

Ворон у ворона глаз не выключет.

Лишь потеряв свой дом, оценишь его по достоинству.

Когда нет коня, и осел хорош.

Пока родники не высохнут, цену воды не узнаешь.

Вода себе дорогу всегда найдет.

Вода утечет, песок останется.

На болоте дом не построишь.

Лучше один раз попросить у бога, чем сорок раз у сорока святых.

Утопающий в море и за пену хватается.

Утопающий и за змею ухватится.

В воду не войдешь — плавать не научишься.

Кто в воде, тот дождя не боится.

Кто переплыл море, тот в речке не утонет.

Кто выбрался из лесу, тот сада не боится.

Сокол, который торопится, не охотится.

Кто видел черную змею, тот и черной веревки боится.

Глаза волка сделали лису мастером.

Сломанный хлеб не склеишь.

Где тонко, там и рвется.

Град бьет и поле праведника, и поле грешника.
Сердце что стекло, разобьется — не склеишь.
Птицу упустишь — вновь не поймашь.
Из высохшего родника воды не напьешься.
Стена падает — пыль поднимается.
Стоячая вода протухает.
Тяжелый камень на месте останется.
Ветер от камня ничего не возьмет.
Огонь маслом не потушишь.
Брошенный камень обратно не возвращается.
Тигр и олень по одной дороге не ходят.
И тополь высок, да какая польза в нем, если не дает
плодов.
Осел все тот же, хоть и сменил палан ¹.
Вместе с сухим поленом и сырое сгорает.
Не все то золото, что блестит.
Не каждый в черной одежде — священник.
Хорошего вола узнают в ярме.
День узнается с утра, а год — с весны.
У осла о весне не спрашивают.
Одна кукушка весны не делает.
Один цветок не делает весны.
Волк меняет шерсть, но не характер.
Всякое начало трудно.
На ошибках учатся.
Руки слепого поймают и блоху.
Для слепого что ночь, что день.
Слепому и свет кажется темным.
В дырявой сковородке яичницу не приготовишь.
Все может случиться, но у безбородого борода не выра-
стет.
Черное сукно не выкрасишь в красное.
Без зерна мельница не работает.
Без воды мельница не мелет.

¹ П а л а н — седло для вьючных животных.

Скот без хозяина — добыча хищника.

Есть птица, мясо которой едят, но есть и такая, что сама
мясо ест.

Пока не помутнеет, не прояснится.

Когда дерево падает, ветки поднимаются.

Рано поспевший овес не дойдет до гумна.

У рыбака рыба всегда свежая.

С каждой бороды по волосу — безбородому борода.

Скала не обрушится — ущелье не заполнится.

Не уколешься — розу не сорвешь.

Кто воду носит, тот и кувшин разбивает.

Кто семью разрушит, у того семьи не будет.

У птицы, которая ест мясо, клюв крючком.

Из одного изюма кабак не построишь.

Чеснок не бывает сладким.

Светильник без масла не горит.

Рыба без костей не бывает.

Не каждый, кто идет в лес, знает, как его рубить.

Не всякое дерево — сосна.

Не всякая дорога проходит мимо сада.

Не всякий, побывавший в Иерусалиме, — хаджи ¹.

Не у всякого яйца два желтка.

Не на каждом месте, где человек устаёт, строят постоянный двор.

Под каждой шапкой лишь одна голова.

Осенняя курица всегда жирная.

Дождь идет и над морем.

Просо сеют на влажном поле.

И в чашу царя муха попадает.

Приобретенное в молодости — золото в старости.

Как ни велик верблюд, но и его ставят на колени.

Высоко летает орел, а все равно на камень сядет.

Из круглых камней дѣма не построишь.

¹ Х а д ж и — мусульманин, совершивший паломничество (хадж) к святым местам.

На песке дом не построишь.
Лес многому научит того, кто его любит.
Поверни стадо овец, хромые во главе окажутся.
Дойная овца от стада не отобьется.
Зерно от мякины на току отделяют.
В его руках и ступка и пестик.
Побитое дождем поле и град побьет.
От гнилого дерева и щепка гнилая.
Новая метла хорошо метет.
Тяжело груженный караван далеко не уйдет.
Яйцо куропатки курица не высидит.
Хороший охотник волос пулей срежет.
Свинья всегда свиньей останется.
Вокруг муравейника ничего не растет.
Крупа рисом не станет.
Хвост собаки семь лет выпрямляли, а он так и остался
кривым.
Хоть и вырастет осел, а конюшим не станет.
Из ослика осел вырастет.
Осла сколько ни бей, он мулом не станет.
Сорняк, сколько ни обрабатывай, реханом¹ не станет.
Сорок раз побывал осел в Иерусалиме, а остался все тем
же ослом.
От собаки ягненок не родится.
От собаки жди щенков, а от соболя — соболей.
Змееныш цыпленком не станет.
Сколько бы ворона ни купалась, гусем не станет.
Собаку силой на охоту не погонишь.
Первый кусок особенно сладок.
Насильно раскрытая роза теряет аромат.
И озеро собирается по капле.
И из змеиного яда изготавливают лекарство.
Пока ребенок не заплачет, мать грудь не даст.
Пока в дверь не постучишь, никто ее не откроет.

¹ Р е х а н — базилик, душистая, съедобная зелень.

Собаки подрались — повезло прохожему.
Прошедший день не воротится.
Что прошло, за тем не гонятся.
Если лошадь и мул дерутся, ослу несдобровать.
Что видел, больше не увидишь.
Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.
Покинутого покойника хоронят без слез.
Когда всходит солнце, тускнеют звезды.
Речной камень гладкий.
Спелая груша к земле тянется.
Дело не в имении, а в управлении.
Горе тому городу, где царь — дитя.
Когда бык падает, точат ножи.
Рубить упавшее дерево охотников много.
Одним ударом вековой дуб не свалишь.
Кривой линейкой прямой линии не проведешь.
В одно ухо вошло, в другое вышло.
Узнал, что в Хорасане ¹ ткут ковры, а длину и ширину
их не узнал.
Слыхали, что Али ² умер, да не знают какой.
Слышал, что в Багдаде есть хурма, да не знает, как ее
едят.
Не знает, в каком доме свадьба, а уж со своим черпаком
бежит.
Еще не знает, кто умер, а уже «вай, вай» ³ кричит.
Не умела Шушан ⁴ шкот ⁵ варить — назначили
поварихой.
Не было в селе мужчин — петуху дали имя Кара-
Мамед ⁶.

¹ Хорасан — провинция в Иране; славится коврами, шелковыми тканями.

² Али — мужское имя.

³ «Вай, вай» — ой, ой!

⁴ Шушан — женское имя.

⁵ Шкот — армянское национальное кушанье.

⁶ Кара-Мамед — мужское имя.

Семь вардапетов¹ крестили девочку и назвали ее
Киракосом².
Он и между двумя ослами овес не разделит.
Нашел в навозе стекляшку, думает — жемчужина.
Рыбу спросили: «Какие у тебя вести?».— «Вестей
много,— ответила та,— да только мой рот полон
воды».
Для дурака что шипы, что розы — все едино.
Ослу и песни соловья ревом кажутся.
Новую одежду на старый лад кроит.
Увидел пыль на моей шапке, решил, что идет мельник.
Собака на бойню за ножками пошла, да свои потеряла.
Когда в селе нет моллы³, петуха моллой зовут.
День и ночь ходят вокруг, а дорогу в город никак не
найдут.
Поменял коня на осла.
Пасха для осла — когда есть рехан.
Море мукой засеял.
Одной искрой хочет море зажечь.
Променял рехан на клевер.
Еще мешка не сшил, а уже идет за грушами.
Выбросил ковер в реку, а сам за ним бежит.
Есть и у осла талант — реветь громче всех.
Высок верблюду, да предводительствует осел⁴.
И волку евангелие читает.

Труд. Лень. Тунеядство

Мир принадлежит труженику.
Труд и горы сравнивает.
Человеку все доступно.

¹ В а р д а п е т — ученая степень, почетное звание; в древнеармянском языке это слово означало ученого монаха, проповедника и толкователя священного писания и законов.

² Киракос — мужское имя.

³ М о л л а — духовное лицо у мусульман.

⁴ Впереди каравана обычно идет осел.

Захотеть — половину дела сделать.
Каков обмолот, таков и хлеб.
Хороший вол под ярмом виден, а хорошая жена —
у люльки.
Хороший осел узнаётся под грузом.
Умелый косарь и на поле и в горах хорошо косит.
Хороший пастух и от барана масло получит.
Властелин мира — труд.
Армянин, пока не устанет, не сядет.
Если человек захочет, гору на гору поставит.
Хорошей лошади добавь овса, а плохой — побоев.
Каждый сумеет ложку изготовить, да не каждый к ней
прямую ручку приделает.
Если не взяться за дело всеми десятью пальцами, на де-
сять лет растянется.
Слово и дело — братья.
Кто работает, тот и ест.
Дело подобно ослу: сел — поехал, слез — остановился.
Земля кормит человека.
В лес не пойдешь — орехов не соберешь.
Плохой мастер ремесло позорит.
Не за свое дело не берись.
Сделаешь — найдешь.
Бывает, когда год день кормит; бывает, когда и день
год кормит.
Всех дел на один день, а забот — на целый год.
Для лентяя и двери рая закрыты.
Я — ага и ты — ага; а кто будет муку молотить?
И я мастер, и ты мастер; а кто же сор выметет?
Не слово важно, а дело.
Лежи под деревом хоть год, всё груша в рот не попадет.
Кто летом в тени отсиживается, у того зимой скот голо-
дает.
У лентяя язык длинный.
«Раздуй огонь», — сказали лентяю. «У меня болячка на
губах», — ответил он.
Ленивый конь от каравана отстанет.

Когда едят — бездельник здоров, а когда работают — болен.
Ест, как верблюд, а работает, как осел.
Сколько ни пой, песней поле не вспашешь.
Не посеешь — не пожнешь.
Скажешь ему о работе, он тут же за голову хватается — болит, мол.
Ему о деле говорят, а он о похлебке думает.
Облака над солнцем потешаются.
Ребенок уже родился, а она хочет повитухой стать.
Потому у коровы нет молока, что двор кривой.
Для лентяя на неделе семь воскресений.
Готов осла дядей назвать, лишь бы тот за него работал.
Руки лентяя всегда к еде тянутся.
Пусть даже масло в огне горит, он с места не встанет.
Ковыряя в зубах, сыт не будешь.
Ищет дохлого осла, чтобы снять подковы.
Лучше самому болеть, чем за больным ухаживать.
Был бы мед, а мухи к нему и из Багдада прилетят.
Кто дом не строил, думает, что стены из земли вырастают.

Слово. Молва

Доброе слово завтра мостом станет.
Обязанность языка — говорить добро.
Если нет у тебя пшеничного хлеба, имей хоть «пшеничный» язык ¹.
Слово рождает слово.
Слово и на гору поднимет и с горы спустит.
Сколько языков ты знаешь, столько раз ты человек.
Язык говорит о том, о чем сердце болит.
Сладкая речь змею из норы выманит.
Нежная речь слаще меда.

¹ Здесь отражено почтительное отношение народа к хлебу.

Есть язык сладкий, есть и горький.
Доброе слово дом построит, а горькое — разрушит.
Язык до Иерусалима доведет.
Иное слово и с пудом меда не проглотишь.
Хороши длинная веревка и короткая речь.
Рана от ножа заживает, рана от языка — нет.
Злой язык острее бритвы.
Злой язык мир разоряет.
Пока меч поспеет, язык голову снесет.
Сабля порубила одного, а язык — армию.
Лучше пусть болит нога, чем язык.
От длинного языка жизнь коротка.
Хоть язык без костей, да много костей разгрызет.
Слово, пока оно у тебя во рту, — твое, а как вылетит —
чужое.
Доброе известие узнай от женщин.
Пришел в деревню, спроси новости у ребенка.
О семейных тайнах выведай у ребенка.
Слово спасает, но оно же и убивает.
Быстро хожу, говорят — дурной, медленно — слепой.
Конь играет — всадника хвалят, сабля режет — руку
воина хвалят.
Паралитик стал на четвереньки, так его борцом все
прозвали.
На людях даже хвост ослу не обрежешь: одни скажут —
коротко, другие — длинно.
Язык затем, чтобы говорить, а уши — слушать.
Сплетня и семью разрушает.
Сплетник что мешок с орехами: едва тронешь — подаст
голос.
Сплетня — незаряженное ружье.
Достоверно лишь то, что видел, а не то, что слышал.
Лаять — тоже ремесло.
Чем скорее раздавишь змею, тем лучше.
Плохие вести быстрее доходят до места.
На чужой рот не накинешь платок.
Всё, что знают, всем не говорят.

Копье в мешке не спрячешь.
Не верь словам врага.
Слово что резина: чем больше тянешь, тем длиннее
становится.
Собака лает — ветер носит.
Не бойся ружья — бойся сплетни.
Нет стены без ушей.
И у земли есть уши.

Ум. Глупость. Ловкость. Находчивость

С умом и дело спорится.
Ум за деньги не купишь.
Лучше с умным камни таскать, чем с дураком пиро-
вать.
Лучше с мудрым поплакать, чем с дураком повесе-
литься.
Лучше грешный мудрец, чем безгрешный глупец.
Умного ребенка и в люльке видно.
Глупый дает — умный берет.
Умный работает — глупый смотрит.
Ум не растет вместе с бородой.
Ум не в возрасте, а в голове.
Ум имеешь — себе оставь.
Об уме человека судят по его жизни.
Лучше быть слепым, чем глупым.
По веревке глупца в яму не спускайся.
Засади дурака за дело, он тебе еще больше дел оставит.
Дурак бросил десять парá¹ в яму, а дал сорок, чтобы
их достали.
Тысяча мудрецов не смогут достать камень, брошенный
в колодец дураком.
У глупца голова не скоро седеет.

¹ Парá — денежная единица, самая мелкая турецкая мо-
нета.

Пригласили осла на свадьбу. «Наверно,— сказал он,— там нужно воду таскать».

Спросили у дурака: «Сколько ведер воды в реке Аракс?».— «Четыреста семнадцать с половиной»,— подумав, ответил он.

Не молился, не молился, а как начал — пальцем в глаз попал.

Дурак сказал — умный поверил.

Из рук глупца и скворцы улетают.

Один дурак у нас был, а другой из Караунджа¹ приехал.

Дали осла понюхать рехан — он его съел.

Хотел поправить бровь, да выбил глаз.

Осел готов даже подохнуть, лишь бы это было во вред хозяину.

Хлеб глупца в животе умного.

Ему сказали: «Поправь палан на осле»,— так он его на брюхо осла сдвинул.

Без глупца умному не прожить.

К горящему костру с кузнечным мехом бежит.

Чтобы избавиться от блох, сжег постель.

У дурака пирог всегда большой.

Когда ум раздавали, он был на сеновале.

Оловянное кольцо покупает за золотое.

Перед курами просо сеет.

Сам осел, а торбу вешает на чужую шею.

В глазах дурака и умный — дурак.

Дурак среди дураков сам себе мудрецом кажется.

Сколько бы осла ни чесали — конем не станет.

Как ни взнуздывай осла — скакуна из него не получится.

Разобрал потолок конюшни, чтобы лошадь не чесала спину.

Пока умный решит, что делать, дурак сына женит.

Пока умный соберется, дурак семьей обзаведется.

¹ Караундж — село в Горисском районе Армянской ССР.

Пока умный женится, у жены дурака два сына родятся.
У кого нет ни ума, ни горя, тот долго живет.
Кого бог хочет наказать, у того он отнимает разум.
Велика шапка, да под ней пусто.
Голова большая, а ума мало.
Читали волку евангелие, а он сказал: «Поторопитесь,
а то стадо уйдет».
Не будь среди людей ослов, ослы ценились бы дороже.
Он и на двух ногах устоять не может.
Для глупого один дурак умнее тысячи умных.
Потерял мельницу — ищет жернова.
Потеряли верблюда — ищут верблюжонка.
Разозлился на осла, а бьет попону.
Дбма не имеет, а дверь ищет.
Попал дурак на свадьбу и говорит: «Здесь живется
лучше, чем у нас».
Дураку каждый день — Новый год.
Сидит на осле, а сам осла ищет.
Под быком теленка ищет.
Беззаботному отрезали голову, а он говорит: «Наступил
мир».
Дураку — море по колено.
Умный зайца поймает и арбой.
Стыдится не сам глупец, а его родня.
Пусть зовут уродом, лишь бы не ослом.
Дай ослу меньше овса, он станет меньше орать.
Несоленый обед можно посолить, а глупца уму-разуму
никогда не научить.
Говори знающему раз, незнающему — тысячу.
Погналась собака за собакой, а хлеб с маслом достался
кошке.
Пшеница у глупца на кровле сушится.
Из пуха крепость строят.
Жизнь — сало, а ловкач — нож.
Он родился на семь дней раньше черта.
У черта ум в пятках.
Черту чувяк наденет.

Знает, как черт под землей чеснок ест.
Одной краской семь морей красит.
Ловкий вор и хозяина в воровстве уличит.
Из-под любого камня выйдет.
Гико¹ знает, куда ему стадо гнать.
Он и помет вороны за абаси² продаст.
Он из блохи жир вытопит.
Он даже змею может постричь.
Он из камня воду выжмет.
Хитрый ягненок семь овец сосет.
Из любой ловушки уйдет.
Он чертополох за фиалку продаст.
И шипы за розу продают.
И в темноте пряжу спрядет.
Он семь деревень на одного осла навьючит.
Так войдет, что не узнаешь; так выйдет, что удивинься.
Он верблюда с паланом проглотит.
У назойливой бабы семь косынок бывает.
Каждая мышь свою лазейку знает.

Добро. Зло. От плохого к худшему

О щедрости руки судят по сердцу.
Совершил доброе дело — брось в воду: народ не заметит,
так рыбы увидят.
Доброе дело и в воде не тонет.
Жемчуг и в грязи имеет цену.
Для чужих обувь шьет, а сам босиком ходит.
И камень зазеленеет, если к нему с душой подойти.
Обтесанный камень на земле не останется.
Пожелай соседу корову, бог даст тебе двух.
Уважай, чтобы тебя уважали.

¹ Гико — мужское имя, уменьшительное от Григор.

² А б а с и — мелкая серебряная персидская монета.

В новом кувшине вода всегда холодная.
Хорошее дерево лучше плохого человека.
Хороший конь — мечта храбреца.
Хороший баран ста овец стóбит.
Хорошая игла всегда найдет себе хозяина.
Нельзя одинаково относиться и к хорошему и к плохому.
Шутки добром не кончаются.
Что посеял, увидишь в день уборки урожая.
Оружие убийцы останется без хозяина.
Собираешься кому-то яму копать, копай по своему росту.
Год будешь делать добро, а семь лет зло — все равно скажут, что ты добр.
Скажешь «джан»¹ — услышишь «джан».
На змею плюнет — и та подохнет.
Лучше скалистый камень, чем безжалостное сердце.
Лучше быть слепым, чем с каменным сердцем.
Он даже из пальца занозу не вытащит.
Тот, кто сердится, быстрее стареет.
От крепкого уксуса и посуда лопается.
Зло приносит зло.
Молитвами не закрыть пасть волка.
Змееныша никто не любит.
Пусть будет проклята и черная, и белая змея.
Один чесоточный теленок позорит все стадо.
Одна мышь может семь карасов² опоганить.
Из одного и того же цветка змея делает яд, пчела — мед.
Скачущего коня по голове не бьют.
Волк пасмурному дню радуется.
Волку люб сумрачный день, а вору — темная ночь.
Один погрозил: «Как схвачу тебя за бороду да как потащу по всему свету!». Другой ответил: «Так ведь и ты со мной будешь!».

¹ Д ж а н — дорогая, милая, а также дорогой, милый.

² К а р а с — большой глиняный сосуд для хранения вина.

Лучше один дом, чем две развалины.
Лучше холод, чем грязь.
Чем быстрее убьешь волка, тем меньше вреда он принесет.
Кто кинжал поднимет, от кинжала и погибнет.
Кто чужую семью разрушит, тому сухой хлеб есть.
Плохое — от плохого человека.
Стань он даже солнцем, все равно никого не согреет.
Хоть и солнцем станет, а платочка не высушит.
Вред горше яда.
Осел — это осел, но бывают и люди хуже осла.
С кем здоровается, у того осел подышает.
Змея от своего яда подышает.
Сесть на осла — позор, свалиться с него — позор вдвойне.
Скажешь — дураком будешь, не скажешь — ослом станешь.
Бежал от дождя — попал под град.
Горе тому, кто, спасаясь от волка, попадает в лапы медведя.

Родители. Дети. Родственники. Соседи

На свете все можно найти, кроме отца и матери.
Все лучшее в сыне — от родителей.
Сын хорошего человека бездельником не станет.
И вороне свой птенец самым красивым кажется.
Материнское благословение сильнее проклятий семерых попов.
Как бы корова ни сердилась на теленка, все равно за него заступится.
Проклятие матери не действует — мешает материнское молоко.
Хорошая наседка своих цыплят бережет.
Цыпленок растет под крылышком своей матери.

Лепет ребенка поймет только мать.
Не иметь ребенка все равно что не иметь души.
Семья без ребенка что очаг без огня.
У бездетного — одно горе, а у многодетного — тысяча.
Хороший сын отцовский дом строит.
Если даже сын на ладони изжарит яичницу для матери,
все равно он останется перед ней в долгу.
Дай родителю, чтобы передал сыну, но не давай сыну —
он не отдаст родителю.
Дороже зубов нет ничего, но как заболят — их удалят
и выбросят.
Непутевый сын — горе семьи.
Наказание для плохого отца — беспутный сын.
Благородный сын строит, а беспутный разрушает.
Каждый приходящий спрашивает о здоровье матери,
а об отце никто не спросит.
Сын — опора дома.
Каждый — сын своего отца.
Толковый сын — правый глаз отца.
Легче уложить в цепочку меру проса, чем вырастить
сына.
Сын растет — забота растет.
Сын для отцовских денег что моль для шерсти.
У овцы ягненка не отнимают.
Помоги сироте, и он пустит тебя по миру.
Кто не наказывает своих детей, тот будет наказан сам.
Кровь не станет водой.
Дерево узнаётся по плодам.
Когда у ребенка мать неродная, и отец неродным стано-
вится.
Сваренный мачехой обед — невкусный.
Дали мачехе мешок золота и посадили на осла — не на-
шлось охотника взять ее.
Когда ребенок в беде, он и любовника своей матери
«тятей» зовет.
У сироты много наставников, да хлеба ему никто не
дает.

У сироты спросили: «Почему плачешь?».— «Потому, что я сирота»,— ответил он.

Сын — от матери, деньги — от отца.

Невесту выбираешь — спроси женатого, лошадь покупаешь — спроси холостяка.

Дочь для отца — луна, а для матери — солнце.

Дочь — светильник для чужого дома.

Дочь не останется в доме отца, хоть клади ее в золотую люльку.

Девушка подобна неразрезанному арбузу.

Хорошая дочь семерых сыновей стоит.

Когда дочь хочет замуж — она бьет дома горшки; когда сын хочет жениться — он идет на чужбину.

Дочь как гость: придет время — уйдет.

Нехваленая дочь долго замуж не выйдет.

Разборчивая девушка останется без жениха.

Дочь — стена чужого дома.

Сына держат двумя руками, а дочь — одной.

Невесте напомнишь об отцовском доме, она босиком пойдет туда.

Плохой день — мне, плохая невеста — тебе.

Весеннее солнце — сыну и невестке, осеннее солнце — зятю и дочери.

Вино выбирают ароматное, а девушку — застенчивую.

В доме жениха еще ничего не знают, а у невесты уж свадьбу играют.

Беря в жены дочь, смотри на мать.

Имя матери — приданое для дочери.

Когда жена родит сына, и стены дома ликуют.

Коварство женщины погрузили на телегу — та не выдержала.

Построенный женой очаг и бог не разрушит, а построенный богом — жена разрушит.

Хорошей жене нет цены.

Жена — душа мужа.

Дом без жены что водяная мельница без воды.

Пусть будет некрасивой, лишь бы хорошей женой была.

Жена умирает — дом сиротеет.
Вода камень превращает в песок, а жена мужа — в воск.
Приданое жены что колокольчик на дверях: стóбит
войти — зазвенит.
Жену отдам, а мула — нет.
Орел всегда орел — будь то самка или самец.
Ребенку дело поручи, но сам за ним следи.
Дитя плачем растет.
Ребенка спросили: «Почему плачешь?».— «Потому, что
мне потекают», — ответил он.
У ребенка фрукты не залеживаются.
Бойся за ребенка, а не за взрослого.
Один слепой муж лучше семерых деверей.
Муж хорош в голодный год, рубашка — в холодный.
Если бы всякая жена была хорошей хозяйкой, стены до-
мов были бы оклеены деньгами.
Вместо того чтобы бить жену, сними папаху, побей ее
и снова надень.
Вторая жена что заплата.
Муж — наружная стена дома, жена — внутренняя.
Муж — батрак своей семьи.
С приданным жены в люди не выйдешь.
Зять в доме — козел отпущения.
По корове и телка.
Свекровь и невестка поссорились — муж оказался
между двух огней.
Любимый зять тещи ненавистен тестю.
Если муж не по душе, то и деверя не признаешь.
Семь свояков идут вместе по дороге и говорят: «Господи,
даже поговорить не с кем».
Нет ничего хуже капризной кумы.
Горе сестре, что на попечении брата; горе невестке, что
на попечении деверя; горе теще, что на пече-
нии зятя.
Если брат брату поможет, они гору на гору поставят.

Дали племяннику власть — он первым делом свою тетку
на осла посадил ¹.

В большой семье и большое горе свивает гнездо.

В своем доме я слуга, а в чужом — ага.

Старшего не перебивают.

У старшего и ум большой.

У старшего и терпенья больше.

На небе — одно солнце, а в доме — один старший.

Старшему — свое место, младшему — свое.

Когда в семье нет старшего, на его место пень ставят.

Лучше быть в доме собакой, чем младшим.

Не имей двух динаров ², имей двух родственников.

В радости родственников много.

Курица гордится крыльями, а человек — родными.

Ягненка хвалят весной, а курицу — осенью.

Кто слушается старшего, о камень не споткнется.

Родственник не заходит — чужим становится, чужой
зачастит — родным становится.

Близкий родственник — на черный день.

Зять и свояченица — кебаб ³ и вино.

Пошло дерево к богу жаловаться на топор. Бог сказал:
«А у топора рукоятка деревянная».

Моль на дереве — от него самого.

Яблоко от яблони недалеко падает.

Крепости разваливаются изнутри.

Тесак свою рукоятку не обтесывает.

Нож свою рукоятку не режет.

Когда собака ест собачье мясо, она кости не выбрасы-
вает.

Брат брату плохого пожелает, но не смерти.

Птица не требует подати от своих крыльев.

Какой палец ни отрежешь — одинаково больно.

¹ У кавказских народов ездить на осле считается унизи-
тельным.

² Д и н а р — старинная золотая монета, имевшая хождение
в странах мусульманского Востока.

³ К е б а б — жареное на вертеле мясо.

Нюготок от пальца не отклеиншь.
Куда коза, туда и козленок.
Близкий сосед лучше дальней родни.
Сердечный сосед лучше бессердечного брата.
Давнишний сосед что близкий родственник.
Сосед соседу — зеркало.
Раз сосед пришел к твоему порогу, значит, у него или
соли не хватает или сита нет.
Если у соседа мир, то и у тебя дома мир.
Не дом покупай, а соседа выбирай.
Когда у соседа свадьба, раскрывай дверь пошире.
И собака соседа должна быть ласковой.
Уважаешь хозяина — не бей и его собаки.

Любовь. Дружба. Гостеприимство. Вражда

Любовь — неугасимый огонь.
Мила та, кого сердце полюбило.
Желанная сердцу — всегда красива.
Лучше женитьба по любви, чем по церковным обрядам.
Старый друг не станет врагом, а старый враг — другом.
Гора с горой не сходится, а человек с человеком всегда
сойдется.
Человек человеку радуется.
От сердца к сердцу лежит дорожка.
Сдружились — сравнялись.
Друг смотрит тебе в лицо, а враг — в ноги.
Один лживый друг опаснее тысячи врагов.
Человека узнают по его друзьям.
Поверь слову друга, но стой на своем.
Где согласие, там и хлопок растет.
Палку срезай в своем лесу — друга выбирай в своей де-
ревне.
Они такие близкие друзья, что положишь между ними
яйца — сварятся.

Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты.
Друзья и враги узнаются в беде.
Не имей сто рублей, а имей двух друзей.
Дом не мой, а того, кто дверь откроет.
Ради гостя не говори кошке: «Брысь».
С родней пируй, но не торгуй; с врагом торгуй, но не пируй.
Гость — роза для хозяина.
Для хорошего человека хлеб всегда найдется.
Гость пришел, гость ушел, а место свободным не осталось.
Гость без приглашения не дожидается уважения.
Незванный гость хуже собаки.
Гость гостя ненавидел, хозяин — обоих.
Будь проклят тот дом, где не бывает гостей, но пусть умрет тот гость, который, придя вечером, не уходит до утра.
Если гость подождет, хозяин хлеб принесет.
«Хлеб-соль» понимают даже камни.
Когда уходит гость, остается копоть.
Собака собаке не отдавит ногу.
С помощью кинжала не дружат.
Когда любовь оборачивается враждой, кровь льется рекой.
То, что сделает хлеб, не сделает меч.
Черный вол свалился, народ с ножами умножился.
Конец драки — раскаяние.
В драке изюм не раздают.
Во время драки думай о последствиях.

**Молодость. Старость. Красота.
Здоровье. Опрятность**

Молодость — наслаждение, пока можешь — пользуйся,
Ум молодого что мельница без воды,
Старость — неволя.

Старый волк — посмешище для собак.
Пока сам не состаришься, не поймешь старого.
У старика тысяча изъянов.
Пока был младшим, боялся старшего, а как вырос —
боится младшего.
Белая кожа девушки прикрывает семь недостатков.
У красивой на лице не плов едят.
Змея красива шкурой, человек — душой.
Лицо — зеркало сердца.
Настоящий больной тот, кто изюминку в семи местах от-
кусывает.
Болен не сам больной, а его близкие.
Болезнь приходит бегом, а уходит медленным шагом.
Лучше камни таскать, да здоровым быть.
Откуда здоровому знать, что такое хромота.
Лучше быть хромым, но здоровым.
Хорошей болезни не бывает.
Лекарство от безнадежной болезни — могила, а врач
безнадежно больного — смерть.
Кто не болеет, тот не стонет.
Голову держи в холоде, а ноги — в тепле.
Длительная болезнь смерть приносит.
Отмороженную ногу снегом лечат.
Место, засиженное мухами, ядовито.
Даже коза и та в грязь не садится.
Не стыдно жить в бедности — стыдно жить в грязи.
Опрятный неряхе не нравится.
Долго не мыться — вредно для мыла.

Радость. Горе. Жизнь. Смерть

Птица радуется своим крыльям, человек — своим
друзьям.
Не познаешь горя — не оценишь радости.
Радость и горе — братья.
Плач и смех — братья.

В мире одни плачут, другие смеются.
Не подыхай, осел, придет весна, зазеленеет трава.
Не бывает ночи без рассвета.
Если б не надежда, люди с утесов бы бросались.
Что ветер приносит, то ветром уносит.
У каждого свое горе.
Кто горюет, у того горя не убавится.
У кого много горя, тот старается им поделиться.
Слезами горю не поможешь.
Есть горе — придет и уйдет, но есть и такое — пока не
разорит, не уйдет.
У каждого горе величиной с верблюда.
Кому пир пировать, кому горе горевать.
Разбитому сердцу совет не поможет.
Свадьба не бывает без слез, а траур — без радости.
Горе отреклось от веры.
Большому горю — большой ум.
Горе дали горам — не выдержали; у них отняли — лю-
дям передали.
Несчастье может стрястись и когда дома сидишь.
Горе рождает горе.
Забота приносит горе, а горе — смерть.
Что не рождается, то не умирает.
Жизнью трудно насытиться.
Кто боится смерти, тот покойник среди живых.
Страх смерти страшнее самой смерти.
Большому страху — больше милосердия.
Смерть у человека за ухом.
Смерть не щадит ни взрослого, ни малого.
Свадьба и смерть — сестры.
Мысли длинные, да возможности короткие.
Не из одной семьи, но одной судьбы.
Терпение — жизнь.
Сам спишь, а судьба — нет.
Когда больной умирает, и жертвоприношение не по-
могает.

Больной всегда на дверь смотрит.
Придет тот, кто за горой; не придет тот, кто под камнем.
От смерти нет лекарства.
Смерть — верблюдница, которая ложится у каждой двери.
Мир что окно: каждый приходит, чтобы заглянуть в него
и пройти.
Мир что лестница: один поднимается, другой спускается.
Мир подобен постоялому двору: один приходит, другой
уходит.

Благодарность. Неблагодарность

Заботься о волé, чтобы и он о тебе заботился.
Даже курица, когда пьет, на небо поглядывает.
Собака лает там, где ее кормят.
Собака на своего хозяина не лает.
Не бей, чтобы не быть битым.
Если грех даже превратится в соболью шубу — не на-
девай ее.
Срывая яблоко, вспоминай того, кто посадил дерево.
Он что курица: кормится у нас, а несется у чужих.
Не плюй в колодец — еще придется из него напиться.
На коня сел — бога забыл, слез с коня — коня забыл.
У кого едят, от того и отрекаются.
Вы ели, вы пили, а петлю на мою шею надели.
В саду неблагодарного ни розы, ни фиалки не цветут.
Мало того, что на колени сел, он еще бороду щиплет.

Достоинство. Мужество. Честь. Скромность. Благоразумие

Лучше умереть стоя, чем жить на коленях.
Мужество украшает человека.
Дух сильнее тела.
Достойная смерть почетна.

У каждого человека в сердце лев сидит.
Он от острой сабли лицо не отвернет.
Чистое золото не ржавеет.
Иди туда, где тебя уважают.
Бывает — один стóбит тысячи, бывает — тысяча и одного
не стóбит.
Бывает человек, что целого мира стоит, бывает и такой,
что осла не стóбит.
Я не говорил: не станешь царем, я говорил: не станешь
человеком.
Плодовое дерево тем больше гнется, чем больше на нем
плодов.
На добро отвечать добром — дело каждого, а на зло доб-
ром — дело отважного.
И кошка в беде становится львом.
Лучше смерть, чем позор.
Лучше быть головой мухи, чем хвостом осла.
Доброе имя дороже сокровищ всего мира.
Лучше потерять глаз, чем имя.
Человек после смерти оставляет имя, а бык — шкуру.
Конь подохнет — майдан ¹ останется, храбрый умрет —
меч останется.
Доброе имя на базаре не продается.
Сухая грязь к человеку не липнет.
Лучше церковь сломать, чем девушку опозорить.
О добром деле плохо не говорят.
Когда нет коня, поехать на мельницу на осле — не позор.
Отдай свое имение, но возьми любимую.
Если честный станет волосом — и то не порвется,
а мошенник станет бревном — поломается.
Честно приобретенный товар не теряется.
Мое дело правое, кто хочет, пусть лает.
Как бы ты ни был умен, но если что не знаешь — спроси
и у глупца.
Не ходи пировать туда, куда не приглашали.
Внимательно послушаешь — многому научишься.

¹ М а й д а н — здесь: площадь для конских ристаний.

Кто малым не доволен, тому великое не дается.
Если даже твой хозяин осел, не говори ему «чошь»¹.
В доме повешенного о веревке не напоминают.
Много знаешь — меньше говори.
Меньше говори — больше слушай.
Больше делай — меньше говори.
У тебя два уха и один рот: поэтому дважды послушай,
раз скажи.
Сперва обдумай, потом дело делай.
Прежде чем войти, подумай, как выйти.
К чему мне золотой таз, когда в него плевать придется.
Дерево затем и сажают, чтобы есть плоды.
Ухо не растет потому, что много слышит.
Если бы предыдущий знал, что скажет последующий,
он бы совсем не говорил.

Трусость. Осторожность. Лицемерие

Луку не ест, чтобы сердце не щемило.
Кто волка боится, тот овец не держит.
Дома — петух, а на улице — цыпленок.
У своей норы и мышь смелая.
Своей тени боится.
В глазах труса и кошка ночью дэвом² кажется.
Трус от страха медведя «тятей» зовет.
Для мыши сильнее кошки зверя нет.
Трусливая собака не охотится.
Осел знает семь способов плавания, а как воду увидит,
всё забывает.
Осел со страха быстрее коня бежит.
У чужого порога собака кошкой становится.
Когда кота дома нет, мыши чалаванд³ пляшут.

¹ Этим возгласом попукают ослы.

² Дэв — мифическое чудовище.

³ Ч а л а в а н д — вид танца.

От страха и медведь орет.

У мыши спросили, отчего она так мала. «От страха перед кошкой», — ответила та.

Волку ягненка не доверишь.

Считанных овец волк не ест.

Каждому верить нельзя.

С собакой дружи, по палку из рук не выпускай.

Кулаком по шилу не бьют.

Чтобы прогнать тысячу ворон, достаточно и комка земли.

Не каждой седой бороде верят.

Он на сыром месте не ляжет.

Подходи к собаке сзади, к коню — спереди.

Одному глазу не верь.

Не считай соседа вором, но держи дверь запертой.

Он сквозь ушко иголки Индию видит.

Пока у быка нет рогов, он никого не забодает.

Если даже золото на земле найдешь — сперва подсчитай, а потом бери.

Пока мост не перешел, и волка называй дядей.

Хоть и близко верблюдов пасется, да далеко видит.

Даже в яйце волос ищет.

Пока не увидит сорок орехов вместе, камень в них не кинет.

Плюнешь вверх — попадешь в лицо, плюнешь вниз — в бороду.

Обжегся на молоке — дует на простоквашу.

Даже осел не пройдет второй раз по месту, где однажды свалился в грязь.

В бане любитесь трубой, а на свадьбе — зурной¹.

На чей корабль сядет, того и хвалит.

Когда у него есть телега гороха, он и бога Асатуром² зовет.

Ловит рыбу в мутной воде.

¹ З у р н а — духовой музыкальный инструмент.

² Асатур — мужское имя.

Кто с ним поздороваётся, тот и кажется ему родным.
Изменчив, как мартовская погода.
Месяц март за один день семь жен меняет.
Снаружи — глянec, внутри — мерзавец.
Свидетель лисы — её хвост.
Ночью ворует, а днём говорит: «Господи помилуй».
С волком ягнeнка задерет, а с хозяином погорюет.
Где зурна играет, там и танцуют.
Лживый человек сам себя обкрадывает.
Садится на осла — становится ишавуром¹, сядет на лошадь — всадником.
На языке мед, в сердце яд.
Бьёт и по гвоздю, и по подковe.
На меня в обиде, а с моей тенью в согласии.
Если кто-то говорит: «Мой палец — огурец», он берёт соль и бежит.
Скотина пестра снаружи, человек — изнутри.
У мула спросили: «Кто твой отец?». Он ответил: «Моя мать — лошадь».
В дождливый день многие возьмутся напоить кур.
Притворившись дураком, съел кур монастырских.
Скалу увидит — козой станет, воду увидит — рыбой обернётся.
Не верь собаке, что хромает.
Собака до тех пор хромает, пока волка не увидит.
Нет, нет, взять не могу, положите мне в карман.
Беги от той воды, которая не шумит и не журчит.
Тихий конь, а уж если лягнет, так сильно.
Бойся не крикуна, а тихони.
Бойся и того, кто смотрит вверх, и того, кто смотрит вниз.
Сколько над землей, столько и под землей.
Лающая собака никого не укусит.
Мяукающий кот мышей не ловит.

¹ И ш а в у р — погонщик ослов.

Хвастливость. Пустословие. Упрямство

Имя есть — дела нет.

Еще не стал курицей, а уж яйца несет.

Пока еще не петух, а уж кричит «кукареку».

Только стал на ноги, а хочет скакать галопом.

Не кудахчи, пока яйцо не снесешь.

Не хвастай: пусть наперед люди похвалят.

Теленка, что бежит впереди коровы, волк уносит.

Захотела ворона научиться походке куропатки, да забыла свою.

Едва родился, а уж читает.

Только стал кошкой, а уж мышь поймал.

Пошел как буйвол, а вернулся как осел.

Яиц не несет, а наседкой заделалась.

Пока ты сдержишь свое обещание, хвост у верблюда до земли дорастет.

И маленькие люди большие сны видят.

Сам лежит в хлеву, а во сне святого Георгия видит.

У гостя, пришедшего с подарком, язык длинный.

Воробей нынешнего года прошлогодного чириканью учит.

И мышь ест жареную пшеницу.

Повели верблюда ковать, а лягушки вытянули лапки.

С хромым ослом тоже в караван лезет.

Дело сделай, потом хвались.

Один хвастун говорил, что на земле Карабаха прыгнул на двадцать гязов¹, другой ответил: «Вот тебе гяз, вот тебе земля, прыгни хоть на десять».

Собака сидит возле скирды и говорит: «Какая у меня тень большая!».

Собака бежит под тенью арбы и думает, что сама тащит арбу.

И осел своим голосом восхищается.

¹ Гяз — древняя мера длины.

Лысому своя шапка нравится.

Лягушку спросили: «Почему все время квакаешь?».—
«Мне мой голос нравится»,— ответила она.

Каждый думает, что его кулак каменный.

Курица с яйцом всегда кудахчет.

Хвастал горшок: «Дно у меня золотое», а половник отве-
тил: «А я откуда иду?».

Если он — дно медной кастрюли, то я — ее крышка.

Научился осленок реветь, сказал: «Пойду с волком вое-
вать».

Песен знает много, да голоса нет.

Хромой из Хндзореска³ дошел до Индии.

Дошел бы козел до Еревана, да волк мешает.

Кроить не умеет, а пожниц из рук не выпускает.

У него такой нос, что с вершины Казтадина² воду льет.

От хвастуна дела не дождешься.

Слишком умные — сродни безумцам.

Ну и курица нашлась, железное яичко снести хочет.

Паршивой козе чистая вода не нравится.

Горбуну девушку в жены не отдают, а он еще хочет,
чтобы и теща была красивой.

Как бы высока ни была гора, когда-нибудь и по ней
пройдет дорога.

Сколько бы глаз ни поднимался, выше бровей не подни-
мется.

И без петуха рассветает.

Гордые друг другу не нравятся.

Внизу не хочу сидеть, а наверху мест нет.

Стоит петух на кровле и удивляется: «Как только этот
дом меня выдерживает?».

Пустая телега сильно гремит.

В пустом карáсе звону много.

Хваленый осел по грязи не пойдет.

Верблюд сказал: «Я прядильщица».— «По рукам и но-
гам видно»,— ответили ему.

¹ Хндзореск — село в Горисском районе Армянской ССР.

² Казтадин — горная вершина.

Когда кошке сказали: «Твой помет — лекарство», она зарыла его поглубже.

Кошка ловит мышей для себя, а хозяин думает, какая у него смелая кошка.

Кошка плохих снов не видит.

Свила бы и горлица гнездо, если бы умела.

Коротышу десять раз в день царство снится.

Хочет купить одну иголку, а спрашивает, почему пуд стали.

Голова болтуна дырявая.

Болтун в беде радуется черта.

Собака, которая много лает, навлекает на стадо волка.

Из слов плова не сварить, нужны рис и масло.

Между словом и делом пролегли горы и долины.

И бывалая лиса двумя лапами в капкан попадает.

Маленький, да языкастый.

Если бы не его язык, вороны давно бы ему глаза выклевали.

Больше дыма, чем шашлыка.

Не разевай рот, лучше открой пошире глаза.

Молчаливый и болтуна замолчать заставит.

Что на уме, то и на языке.

Семь волов отдам, но не скажу: «Господи помилуй».

Как кошку ни брось, она на ноги станет.

Сел на чертова коня и не слезает.

Что ему ни говори, он дует в свою дудку.

Гонишь его в стадо, а он идет в хлев.

Если осел заупрямится, он остановится на самом узком месте.

Что в ступе воду толочь.

Каждый в своем тверд.

Жадность. Скупость. Воровство

Сам не съем и другим не дам, пусть лучше в шкафу протухнет.

Лучше мне не иметь коровы, лишь бы у соседа не было двух.

Глаза человека насытит лишь горсть земли.

Ненасытному все мало.

Были бы у сахара зубы, он сам себя съел бы.

В берлоге медведя желудь не останется.

В логове волка бастурма¹ не залеживается.

Волк никогда сытым не бывает.

Волк счета не знает.

Утерянная веревка всегда длиннее кажется.

Кто гонится за большим, упустит и малое.

Алчный сказал: «Я потешился», бог сказал: «Не верю».

Есть противно, да бросить жалко.

Благочестивый лука не ел, а как нашел — съел с кожурой.

Назначили буйвола старостой, а он сказал: «Сеновал принадлежит только мне».

Желудок обжоры — бездонное ущелье.

Чем больше ему даешь, тем больше глаза разгораются.

Желудок сыт, а глаза — еще нет.

Конейку в сорок узлов завязывает.

Из-за копейки мышь зарежет.

Богатство скупого съедает зять, а шею — вши.

Ешь похлебку у того, кто плов варит, но не ешь плова у того, кто похлебку варит.

Грушу — мне, яблоко — мне, а айву — сердце мое хочет.

Увидел еду — позабыл кяманчу².

В логове волка кости не переводятся.

Сдирая с блохи шкуру, человеком не станешь.

¹ Б а с т у р м а — филейная часть говядины, приправленная луком и перцем.

² К я м а н ч а — струнный смычковый инструмент.

Кто обогащается, отказывая себе во всем, под конец разоряется.

Ищет костей с жиром в собачьей конуре.

Из пасти волка овцу не спасешь.

Бойся того, кто чужое ест, и того, кто ничего не ест.

Ворует от усов и передает бороде.

Сено не твое, а ведь сеник-то твой.

Укравший яйцо украдет и лошадь.

У вора язык короткий.

У бегущего вора одна дорога, а у тех, кто за ним гонится — тысячи.

Луна — враг вора.

Вор для вора — засада.

Если бы можно было обогатиться воровством, мышья была бы богаче всех.

Ночного вора днем ловят.

Краденое мыло быстро измыливается.

Вор у вора украл, а бог удивился.

Кто ворует летом — признается в этом зимой.

Если вор завелся в доме, вола и сквозь ертик¹ унесут.

Вор и своей тени боится.

Вор и стены боится — как бы не обвалилась на него.

Храбрый не ворует.

Не будь ни другом, ни поручителем вора.

На воре шапка горит.

Свое—чужое. Назойливость

За своим деревом не ухаживает, а чужое поливает.

Сделаешь для меня, а научишься для себя.

Свое горе забыл, а о чужом горюет.

Мое и твое — дом разоряет.

Чужому — половину, другу — все.

¹ Е р т и к — слуховое окно на кровле армянских домов, служившее одновременно и дымоходом.

Сперва вонзи себе иголку, а затем другому шило.
Так смейся, чтобы и другим было смешно.
Сегодня — мне, завтра — тебе.
Каждый за своей выгодой спешит.
Каждый своего осла гонит.
Своя рубаха ближе к телу.
Тебя люблю, но себя больше тебя люблю.
Каждый свое деревцо поливает.
Каждому нравится сделанное им дело.
Осел не ест из своей ноши.
Осел ревет, когда овса нет.
Соседа любят, когда он помогает.
Одному выбили глаз. «Дайте отнесу кошке», — сказал
другой.
У одного борода горела. «Дайте погреюсь», — сказал
другой.
Хозяин горюет о том, что волк унес, а волк — об остав-
ленном.
Что ж, мне теперь и в зурну не играть, чтобы твоего
осла не напугать?
Раз меня нет в раю, пусть там хоть осел кувыркается.
Что мне мировые просторы, когда мне самому тесно.
Не спрашиваю о месяце, который мне не нужен.
После моей смерти пусть хоть высохнут реки и родники.
Змея, которая меня не жалит, пусть живет хоть ты-
сячу лет.
Твои глаза освещают только твой путь.
Пусть делают что хотят, лишь бы не причинили вреда
нашей овце.
Хорошо плов есть, но один раз у нас, другой — у вас.
Чужим хлебом сыт не будешь.
Что тебе от того, что в чужой кастрюле много плова?
Не спускайся в яму по чужой веревке.
Кто надеется на чужой карман — остается голодным.
Лучше одна, да своя корова, чем десять соседских.
Когда осел застрял в грязи, не найдется никого сильнее
хозяина, чтобы его вытащить.

Волка спросили: «Почему у тебя шея толстая?».— «Потому, что я сам о себе забочусь».

Назначили осла кузнецом, он первым делом себя подковал.

Кума старостой назначили, так он первым делом куму на осла посадил.

Верблюду чертополох нужен — он шею вытянет.

Чужой покойник спящим кажется.

Чужой хлеб никто маслом не мажет.

Пусть соберутся даже тысячи женщин — больно будет одной роженице.

Свеча не освещает своего основания.

Никто не назовет свою сыворотку кислой.

Верблюд своего горба не видит.

Сковородка и та не скажет, что ее дно — черное.

Каждый хвалит своего распутного сына и косую дочь.

В чужом глазу соломинку ищет, а в своем — бревна не замечает.

Раз я хозяин, то захочу — и бобы пареные посею.

Осел, который пришел из Хамадана ¹, ревет сорок дней.

Курица соседа кажется упитанней.

Чужая жена красивее.

Каждый под своей гатой ² огонь разводит.

Каждый к своей яичнице огонь придвигает.

Имеешь овес, дай своим коням.

Хлеб соседа вкуснее кажется.

Далеко от глаз — чужой сердцу.

Одна рука другой не опора.

Каждый свою яму заравнивает.

Пока себе не навредишь, другому не угодишь.

Свое масло оставь, но не тронь моего чоратана ³.

Каждый ест свою долю.

¹ Хамадан — город в Иране.

² Га та — восточная сладость.

³ Ч о р а т а н — шарики отцеженного пахталя молочной сыворотки.

Посуда моя, да хаш¹ чужой.

Село старосты, а что у тебя на столе — твое.

В саду много изюма. «А нам что от того?»

Каждый своему ослу хозяин.

Сам осел, а сено другому подкладывает.

Ждали соловья — прилетела ворона.

Дали ему ерес², а он еще подкладку просит.

Дали парá, чтобы заговорил, а теперь двумя замолчать не заставишь.

Не давай ни одного пара, чтобы не выпросил два.

Если собака научится есть виноград, сад опустеет.

Ашуга³ в дом не впустили, а он спрашивает: «Куда положить саз⁴?».

Выгонишь в дверь, а он через ертик лезет.

Бесстыжему плюнули в лицо, а он говорит: «Слава богу, дождь идет».

У бесстыжего нет совести.

Будь у собаки стыд, она бы штаны надела.

У наглого нет бога, а у жестокого — жалости.

Наглецу везде туго приходится.

Стыд — для застенчивого.

Держись подальше от бесстыжей женщины.

Наглый присмирет только в могиле.

У бесстыжего в гостях не только хлеб, но и матаг⁵ не едят.

Бесстыжий двенадцать рубах имеет.

За ковер деньги не заплатил, а расселся на середине.

Скромный постеснялся ответить, а бесстыжий сказал: «Он меня боится».

Сидит в деревне, а лает на всю губернию.

¹ Х а ш — суп из бараньих потрохов, головы и ножек.

² Е р е с — материал на верхнее платье.

³ А ш у г — народный певец, сочинитель и исполнитель песен.

⁴ С а з — струнный щипковый музыкальный инструмент на Востоке.

⁵ М а т а г — угощение; по обычаю оно выставлялось в случае избавления от грозившего несчастья.

Еда. Питье. Одежда

Воскресный плов и в понедельник едят.

Вода слаще гранатного вина.

Выпить вина раз — хорошо, два — достаточно, три — горе.

Не пей, дружище, не станешь посмешищем.

Пьяному кажется, что он умнее всех.

У вина спросили: «Ты разоряешь или приносишь благо?». Вино ответило: «Сколько благодетельствованных — не знаю, а разоренным счету нет».

Кто вино пьет взаймы, тот дважды пьянеет: и когда пьет и когда рассчитывается.

Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

Напоили козла вином — пошел с волком драться.

Вино развязывает язык.

Где хлеб, там и жизнь, где вино, там и безделье.

Кто вино пьет, у того родители плачут.

Вино человека не убьет, но до собачьей жизни доведет.

Когда пировали — веселились, а как подсчитали — прослезились.

Платье, которое не носят, само собой изнашивается.

О достатке судят по одежде.

Когда все дорого, носи шелковое платье.

Обойдусь и без новой одежды — лишь бы в доме достаток был.

Всему свое время.

Каждому — свое

Куй железо, пока горячо.

Нежданный гость ест из своего узелка.

Бывает, что молчание — золото, а слово — серебро, но бывает и слово — золото, а молчание — серебро.

Когда петух поет не вовремя, ему сносят голову.

Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня.

Все оглядываются на время, только время ни на кого не глядит.

Пока Шушан нарядилась, служба в церкви кончилась.

Пока вода прибудет в ручей, у лягушки глаза на лоб
полезут.

Руки моют не после обеда.

После обеда ариса ¹ дешево стоит.

Потеряв быков, не запирают хлев.

Не засучивай шаровары, пока не придешь к реке.

Не шей одежду еще неродившемуся ребенку.

Осла не купил, а уж палан шьет.

Не ищи подковы, пока не имеешь коня.

Нет конюшни — лошадь не покупай.

Пока не настанет весна, дерево не зацветет.

Плоды поспевают только летом.

Вечернюю новость утром не говорят.

Не заходи в хлев впереди своего осла.

Без зимы снега не бывает.

Когда больной выздоравливает, тогда и врач приходит.

И иве, и тополю — свое время.

Река не каждый день бревно приносит.

Придет время — и груша поспеет.

Пока шубу нашли, зима прошла.

Пока собирался перейти через мост, его вода затопила.

Пока компот сварится, больной дух испустит.

Пока невестка развеселится, свекровь умрет.

Пока огонь не разведешь, хлеб не испечешь.

Пока до дела дойдет, вор караван уведет.

От запоздалого оплакивания проку нет.

Старую солому не ворошат.

Кривое деревцо выпрямляют, пока оно молодое.

Пока нож принесли, бык сам подох.

Весенний кизяк — зимняя гата.

На то и море, чтобы рыба водилась.

Святого умамливают молением, а собаку — костями.

Целуй у красивой щеку, а у некрасивой руку.

Сахар хоть и сладкий, но хлеба не заменит.

¹ А р и с а — блюдо, которое готовят из пшеницы и мяса.

Молитве — свое место, мечу — свое.
Курица взлетает лишь до насеста.
Стала змея с дураком силой меряться, да на тысячу кусков разлетелась.
Сладок сахар, но есть его целыми днями нельзя.
Голодному снится хлеб, а жаждущему — вода.
Голый об одежде думает.
Голодной курице просо снится.
Что нужно слепому? — Два глаза.
Что человек не имеет, то и хочет.
Какова стена, такова и штукатурка.
Родившемуся — люльку, умершему — гроб.
Кривой дырке — кривой клин.
Козе козел дороже целого стада баранов.
У кого — глаз острый, а у кого — серп.
Кто бьет по подкове, а кто — по гвоздю.
Каждый слеп к изъянам своего осла.
Маленькому коню — короткие стремяна.
Каждый под своей звездой родился.
Каждая птица своим клювом клюет.
Каждая птица своей стаи держится.
Каждый горшок найдет себе крышку.
Всякая вещь имеет свою цену.
У каждого цветка свой аромат.
В каждом ущелье свое эхо.
Каждый свой лаваш¹ хвалит.
Каждый о своем поет.
Каждый осел о своей торбе орет.
Ослу — палан, коню — седло.
Каждому говорящему нужен слушатель.
Воробей берет ношу по силам.
Удел хваленного коня — деревенская телега.
Кто поднимает большой камень, тот бросить его не намерен.

¹ Л а в а ш — хлеб из тонко раскатанного пресного теста.

Церковь еще не построили, а нищие уже у порога стоят.
Из церкви иду я, а «слава богу» говоришь ты?
Пеший конному не попутчик.

Поверья. Обычаи. Поучения

От злого глаза и камень трескается.
Увидела ворона семена — значит, уж им не взойти.
Нет свадьбы без ослиной головы¹.
Козел — черту сват.
Кошка умывается к дождю.
Ночью скатерть не вытряхивают.
Кто не боится воды и камня, тот и бога не боится.
Большие горы богом созданы, а маленькие от страха
выросли.
Носи шапку так, как носят ее в городе, куда ты пришел.
Если прибыл в страну и увидел, что все там слепы, сам
стань слепым.
Собаке собачья смерть.
Кровь кровью не смоешь.
Кто с вороной дружит, будет и в навозе копать.
Кто с воров живет, научится воровать.
Беспомощный крапиву ест.
Хороший конь цены не имеет, а плохого и даром не
бери.
Кто гонится за счастьем, встретится с бедой.
Если счастливый к голым скалам пойдет, даже те зазе-
ленеют.
Неудачник к морю пойдет — море высохнет.
Душа слаще тела.
Конь несчастливого далеко не побежит.
Неудачника и на верблюде собака укусит.
У собаки счастье под ногами.
Чертово поле град побьет.

¹ Имеются в виду ряженые.

Сердце не скатерть, чтобы раскрывать его перед ка-
ждым.

Время — серебро, надо им дорожить.

Время — казна для знающего ему цену.

Здоровую голову под евангелие не кладут.

С волком не дружат.

Свинье ковер не стелят.

Мясо и рыбу в одной кастрюле не варят.

Рыбу, чтобы не ускользнула, надо хватать за голову.

Прежде чем бросить камень в собаку, вспомни о ее
хозяине.

Нагибая тополь, подумай о своей голове.

В стойле коня осла не держат.

Осла с волком в одну повозку не запрягают.

Женись на дочери распутного, но за него свою дочь не
отдавай.

Если ты лысый, реже снимай шапку.

Одной рукой два арбуза не удержать.

Одним камнем в два ореха не попадешь.

Весна идет на крыльях соловья.

Курица на корм бежит.

Чесоточная собака первая бесится.

Дорогу удаче не преграждают.

В бурьяне фиалки не ищут.

В бесплодное дерево никто камней не бросает.

Дорогое ожерелье на земле не останется.

Не все, что круглое, — яблоко.

И из кривого дымохода дым прямо идет.

Шалый бычок хорошим волком становится.

Бешеная собака сперва хозяина кусает.

Собаку держат, чтобы лаяла.

Последним хозяином хромого осла бывает волк.

Назидание не шило, в голову не воткнешь.

И сабля без дела ржавеет.

В пылающей печи хлеб не пекут.

Дареному коню в зубы не смотрят.

Деревенская падаль деревенской собаке достается.
На палку без человека собака не лает.
Трава не колет брюхо вола.
В сваренный суп сырой воды не добавляют.
Пока змею не убьешь, змееныша не поймаешь.
Из муки, собранной попрошайкой, гату не приготовишь.
Дай козе волю, она на скалу взберется.
Кто гонится за двумя зайцами — ни одного не поймают.
Не поднимай камень, который тебе не под силу.
Пропажа коровы у глушца — урок для мудреца.
Удар конского копыта лишь конь выдержит.
Огонь вблизи трута не держат.
И под одним деревом можно приютить тысячу овец.
Обе ноги в один башмак не сунешь.
Кто собаке хлеб не дает, тот волку ягненка отдаст.
Жертвоприношением живот не насытится.
Тампуром¹ по голове буйвола не бьют.
Медведя ловят, пока он еще медвежонок.
Что хочешь делай, Пуги² Петросом³ не станет.
Из волчьего мяса бастурму не приготовишь.
Лошади пустая торба не нужна.
Сила зурны — в ее язычке.
Кто сам упал — не плачет.
Меньше нагрузишь — скорей вернешься.
Спеша за всадником — пешего всегда догонишь.
Черепаша из своего панциря не выйдет.
Сначала кур считают, а потом корм дают.
Дело не в том, чтобы поучать, а в том, чтобы воспринять.
Если из моря выплескивать воду по ложке, то воды не убавится.
Рыба в море не имеет цены.

¹ Тампур — шестиструнный музыкальный инструмент.

² Пуги — мужское имя.

³ Петрос — мужское имя.

Пролитое на землю масло не соберешь.
И заступ и лопату из одного дерева делают.
Хорошая хозяйка из овса сделает пшеницу, плохая —
из пшеницы овес.

Причина и следствие

Не ударишь собаку, она не укусит.
Без ветра листья не колышутся.
Снег для того и идет, чтобы ноги мерзли.
Рыба гниет с головы, а вода мутнеет у истока.
Нет дыма без огня.
Нет дерева без сучков.
Мясо без костей не бывает.
Каждая изюминка имеет черенок.
«Вода, почему шумишь?» — «Русло у меня каменное».
Слезы рождают бедствие.
Засаленная шкура не протухнет.
Когда нет соли, овцы облизывают камни.
Без дождя наводнения не бывает.
Без солнца роза не распускается.
Без ветра на море и бури не бывает.
О кувшин не ударишь — звона не услышишь.
Солнце обувь сжимает, а обувь — ноги.
Осел вырос — и палан мал стал.
Что посеешь, то и пожнешь; что скажешь, то и услышишь.
Пока сердце не заболит, слезы не потекут.
Что накрошишь, то и съешь.
Положишь угловой камень криво, вся стена будет кривой.
Чем больше кидаешь камней в собаку, тем больше она лает.
Капля за каплей камень долбит.
Нанятая лошадь долго не протянет.

Рыболова узнаешь по мокрой одежде.
Привычка характером становится.
Чем больше будешь сидеть в хлеву, тем больше от тебя
будет пахнуть навозом.
Без облака дождя не бывает.
Чем больше теста, тем больше хлеба.
То, что приносит вода, вода и уносит.
И скажешь — плохо, и не скажешь — плохо.

Разные

Медведь на лес обиделся, а лес и знать не знает.
Сам говорю — сам слушаю.
Плоха та шутка, в которой нет и половины правды.
На чужих лает собака, а на нас — кошка.
Как долго ни береги свинью, конец ей один — быть под
ножом.
Хоть и собака бывает жирной, мясо ее не едят.
Сеял пшеницу — взошел чеснок.
Все равно что хвост осла — не удлиняется, не укорачи-
вается.
Кто делил, тому не досталось.
Ветер умер от холода.
Поздно нашел — рано потерял.
Семь собак не могли одну лису поймать.
Попробуй вытащить осла из грязи.
Белая собака — помеха для торговца плохим хлопком.
Когда змее приходит время подыхать, она ложится по-
среди дороги.
Если бы каждое карканье вороны приносило ненастье,
люди никогда не видели бы солнца.
Карканье вороны — не предвестник весны.
Овцу без пастуха волк съест.
Глаз увидит — сердце захочет.
Медведь от избытка любви медвежонка задушил.
Без музыки не танцуют.

Беззубая собака лает издали.
Медведь сказал: «Никого не боюсь, кроме двух братьев,
когда они вместе» (т. е. ружья и охотника).
Хоть и посеяли, но не взошло.
Когда у пастуха слишком много масла, он смазывает им
свою палку.
Было бы вдоволь масла — и ослу уши бы смазали.
Садоводу семена не продают.
От миски до рта еще большой путь.
Хочется волку мула съесть, да не может.
О волке молва идет, а лиса тем временем мир разоряет.
Из любви к яичнице сковородку целует.
Ради розы целуют и стены сада.
Откуда волку знать, сколько стоит мул?
Откуда сидячему знать, до какого места дошел пеший?
Ночью и кошка кажется сободем.
Собаке собака родня.
У верблюда спросили: «Почему у тебя шея кривая?».
Он ответил: «А что у меня прямое?».
Была бы голова цела, шапка найдется.
Без пастуха пасся, без хлеба вырос.
Сказала одна рыба другой: «Послушай, подвинься не-
много». — «Куда мне двигаться? Мы обе на
одной сковородке жаримся».
На моей голове бритью учишься?
Если б вол съедал все, что зарабатывает, мир бы разо-
рился.
Быка продают с кожей.
Если ослов привязать рядом, первый усвоит нрав вто-
рого.
Чем тяжелее у осла ноша, тем быстрее он идет.
Осленок всегда бежит впереди матери.
На брыканье осла не обижаются.
Упал с осла — разбился, а с коня — нет.
Свинью уйти с поля просьбами не заставишь.
Хочешь молока — имей корову.
Игра кошки — смерть для мышки.

Если бы в бороде была мудрость, то козел был бы про-
роком.

С мертвеца подати не требуют.

Море не станет грязным оттого, что собака напилась
воды.

Собака от хромоты не подыхает.

Собака не поплывет, пока хвоста не намочит.

Курдюк для овцы не груз.

Когда собаку хотят убить, говорят, что она бешеная.

Когда под ситом муки нет, на нем и отрубей не най-
дешь.

Вода очищает тело, а слеза — душу.

С чертом в мяч не играют.

Из лап голодной кошки мышь не ускользнет.

Проточная вода не собирает грязи.

Верблюда с ложки не поят.

Кожа с верблюда — вьюк для осла.

Из слепого глаза слеза не течет.

Хоть козел и чесоточный, а воду из родника пьет.

Змея не любит мяты, хотя она и растет у ее норы.

Медный кувшин хоть и не разбивается, а ударишь
его — звенит громко.

Куда вороне с орлом спорить.

Медведя узнают по лапам, а лису — по хвосту.

Осел только и любит золу, чтобы в ней валяться.

Для самоубийцы нет наказания.

Молитвами свинью святой не сделаешь.

Смех не всех украшает.

Курица по зернышку клюет, да сыта бывает.

Из ста иголок одного топора не выйдет.

Птица ищет дерево, а не дерево — птицу.

Язык виноватого — короткий.

У псарни лиса не живет.

Нет леса без шакала.

Пока дьяволу не покажешь ад, он не найдет дорогу
в рай.

Садиться на осла — один стыд, а сойти с него — второй.

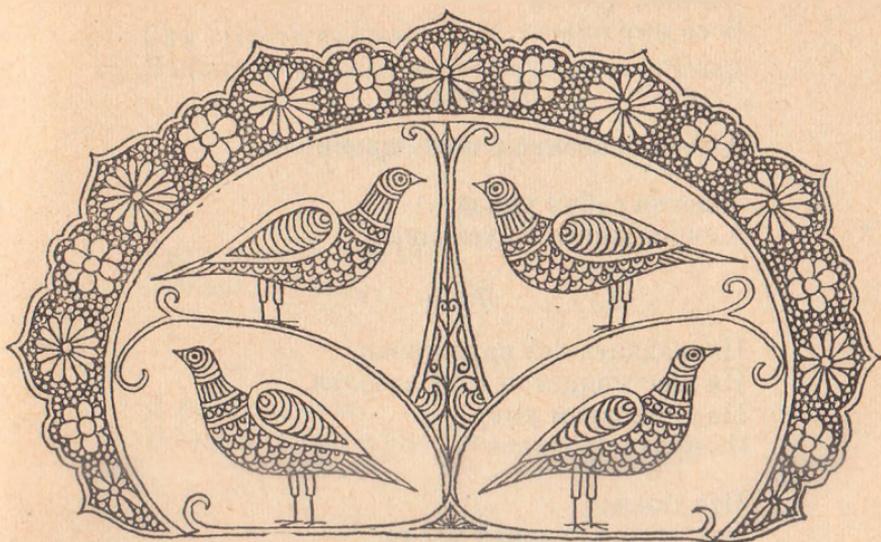
Сначала ловят того, кто убегает.
Кума вороны — сорока.
Кто дает девять, тот даст и десять.
Кто печенку приносит, тот может и мясо принести.
Была бы дорога прямой, телега бы не перевернулась.
Лису в курятник хозяйкой посылали.
Лиса далеко от мяса не убежит.
Большая рыба в большом море водится.
Дырявый кувшин не удержит воды.
Хромого ловят на мосту.
Делай так, чтобы ни шашлык, ни шампур¹ не сгорели.
Лучше быть косым, чем слепым.
Рыболов воды не боится.
Комок земли сидит на камне и плачет о его судьбе.
Если ты хороший брадобрей, то сначала свою бороду
брей.
Шашлык не ели, а от дыма ослепли.
Клеймили осла, а соседи думали — жарят шашлык.
Пришел на запах шашлыка, а увидел, как палили осла.
Глаза имеет, а света не видит.
Искал ночью — нашел утром.
Верблюду не привыкать ходить босым.
Ждал хозяина — дождался волка.
Это было тогда, когда осел был хромым.
Молодое вино в старом бурдюке.
При виде спелого абрикоса рот сам собой открывается.
Не все ли равно слепому, где жить: здесь или в Ба-
гдаде?
Лысый Хасан или Хасан лысый — не все ли равно?
Последний придет — новость принесет.
Хозяин козы не покупает полотна.
Держи крепко один конец, чтобы другой не ускользнул.
Из хорошего масла и риса и плохая хозяйка сделает
хороший плов.

¹ Ш а м п у р — вертел.

Могила осла — желудок волка.
Когда воробей видит пшеницу, он ловушку не замечает.
Кто плохо следит за своим добром, тот друг вора.
Откуда кувшину в тени знать силу солнца?
Даже собака, когда ест, не рычит.
Была бы собака злая, кошка не проникла бы в сеник.
В черный день любой вол пригодится.
Год подобен одному дню.
В ненастный день заботы прибавляется.
От быка — половина стада.
Блаженна та нива, на которую не смотрят воробьи.
Корова из своей кожи не вылезет.
У безнадзорного имущества много хозяев.
Кто первым говорит, не знает, что думает последний.
Открытую посуду облизывает и собака, и кошка.
Печень овцы пастух ест.
Лучшая дыня достается шакалу.
Где нет надежды, там растет трава.
Пыль от стада овец полезна глазам волка.
И тому помогают, кто садится на осла.
Черная коза в черный день родит.
Хозяйскую овцу увел хозяин, безнадзорную — волк.
Нашлась бы такая мышь, которая повесила бы
колокольчик кошке на шею.

загадки

Природа

Небесные тела и природные явления

Небо, небесные тела

Небо

Стоит дом без всякой опоры.

Висит потолок — весь в заплатках.

Солнце

На току стоит дерево,
На дереве — семь комнат,
В каждой комнате — семь иголок *¹.

Идет, идет — следа нет,
Сядет на дорогу — пыли нет.

¹ Примечания см. на стр. 105—107.

Ложкой краски
Весь мир красит.

Луч солнца

Золотая колонна в щель проникла.

Золотая сабля упала,
А звона никто не услышал.

Луна

Пятнадцать лет царствовал,
На шестнадцатом году заболел,
На тридцатом умер —
И снова родился *.

Что такое:
Рождается каждый месяц,
Но и месяца не живет? **

Солнце и луна

Брат к сестре в гости идет,
А сестра от него убегает ***.

Звезды

Вечером цветут,
Утром вянут.

Днем спят,
Ночью пробуждаются.

Небо и звезды

Какое поле не вспашешь
И камни не сосчитаешь?

Ковер имею — не вытрясешь,
Золото имею — не сосчитаешь.

Луна и звезды

Один пастух всю ночь овец пасет.

Млечный Путь

Сам тысячеглазый,
Двигается торжественно, словно на базар.

Природные явления

Облако

Без крыльев, а летит,
Без ног, а бежит.

Дождь

В небе родился,
В земле схоронился.

Град

Каменная избушка —
Лягающая телушка.

Снег

Идет, как ага,
Садится, как паша¹,
Уходит, как цыган.

У матери белый платок —
Землю покрывает, а морю не хватает.

Мать муку молола —
Весь свет в белое одела.

Мороз

Без рук, без ног, а рисует.

Радуга

Коня оседлали в ущелье
И за повод к небу привязали.

¹ П а ш а — высший гражданский и военный титул в Турции.

Здесь на колени станет —
В Багдаде воду достанет.

Ветер

Без рук, без ног, а ворота отворяет.

Вода

Жевать — не жуется,
Но легко глотается.

Река

Без языка — говорит,
Без ног — бежит.

Без ног — ходит,
Без глаз — светит,
Без рта — глотает.

С гор и скал
Бежит разъяренный аслан¹.

Бегу, а не собака,
Блещу, а не зеркало,
Удушю, а не кошка —
Отгадай, кто я?

Я иду — она идет со мной,
Я стою — она продолжает идти.

Длинная веревка
Протянута до Нахичевана.

Море — реки

Кто сосет своих детенышей?

¹ Аслан — лев.

Лед

В огне не горит,
В воде не тонет.

Огонь

У меня есть буйволица;
Где ложится,
Там трава не родится.

Что даешь — съедает,
От воды — умирает.

Дым

Длинная борода
За ертиком видна.

Ноги в доме,
Голова в небе.

Без рук, без ног,
А на небо лезет.

Что такое:
Родится на земле,
Умирает в небе?

Огонь — дым

В доме красная корова мычит,
На крышу черный теленок летит.

Конь в ущелье —
Хвост в небе.

Свет

Что входит в дом
Впереди человека?

Эхо

Что такое:
Без тела — живет,
Без уха — слышит,
Без языка — кричит?

Тень

Что такое:
Идешь — идет рядом,
Встанешь — останавливается?

Куда я, туда и она.

Что такое:
Бегу — бежит,
Сажусь — сидит,
Стою — стоит?

В воду попадет — не мокнет,
Палкой колотишь — не плачет.

Человек и тень

Садится — один,
Встают — двое.

След

Я иду — он остается.

Дорога

Веревка, а не складывается,
Наматываю — не наматывается.

Время

Год

На большом дереве — двенадцать сучьев,
На каждом сучке — по тридцать листьев.

В городе — двенадцать рынков,
На каждом рынке — по тридцать человек,
У каждого — по двадцать четыре ребенка.

Четыре гнезда,
Двенадцать птиц, триста шестьдесят пять птенцов.

Неделя и дни

У дерева семь ветвей,
У каждой — свое имя.

Есть семь братьев:
Годами равные,
Именами разные.

День — ночь

Два брата друг за другом бегут,
Но никак один другого не догонит.

Ночь

Черный дьявол усы завил —
Тысячи людей свалил.

Времена года

Что такое:

Четыре цвета имеют,
Раз в три месяца окраску меняют?

Новый год

Пришел на день,
А ушел через год.

Растительный мир

Сад, деревья, плоды и ягоды

Сад

Во дворе — рогатая корова,
Один раз в год
Молоко дает,
А домой не идет.

Виноград

Сотни голов овец
На одной привязи.

Виноград, вино

Летом — рождается,
Осенью — умирает,
Зимой — бесится.

Смоковница

Дерево не цветет, но урожай дает.

Гранат

Маленький тоннир¹
Без дверей и окон,
А внутри — огонь.

Маленький, кругленький,
А в середине — красный бисер.

Что за дом — без окон, без дверей,
А живут в нем тысячи людей?

Снаружи — белый,
Внутри — красный.

На рынке купил одну,
Дома открыл — оказалась тысяча.

¹ Тонир — печь, врытая в землю для выпечки хлеба (лаваша).

*Пшат*¹

Кожа — красная,
Мясо — белое,
Кость — черная.

Орех грецкий

Выше верблюда,
Меньше яйца,
Горче яда,
Слаще миндаля.

Четыре брата в одной рубашке.

С высоты упал
Старую шапку потерял*.

С горы брошу — не разобьется,
Со скалы брошу — не разобьется,
Положу меж двух камней,
Ударю третьим — разобьется.

Желудь

Золотой кувшин,
В нем ядро сладкое.

Шиповник

Красный горшочек,
На нем черная крышка.

Овощи

Капуста

Стоит старушка на грядках,
Вся в сорока заплатках.

¹ П ш а т — кустарник семейства лоховых, имеет сладкие сухие плоды.

Двенадцать одежек,
И все без застежек.

Морковь

Желтая девица
Сидит под землей.

Картофель

Что такое:
Выходит из земли,
В одежке входит в жаркую баню,
Из бани выходит — с него одежку снимают?

Свекла

Красную корову зарезали,
Ни одной капли крови не вытекло.

Лук

Сидит дед
В десять шуб одет.

Десять шуб имеет,
Ни одна не греет.

Мой дядя
Шубу на шубу надевает.

Сидит бабка в одежке,
Кто ее раздевает, тот слезы проливает.

Редька

Какой вардапет
Пока жив — спокойно сидит,
А как стареет — ерепенится?

Зерновые культуры

Семена

Что такое:
Умирая, новую жизнь начинают?

Семена пшеницы

Схвачу горсточкой, швырну силушкой,
На годик помрет, потом добро наживет.

Колос

Что такое:
Имеет одну ногу,
И ту все поровят обрезать?

Животный мир

Домашние животные

Корова

Под мостом — четыре дудки.
Под одним холмиком — четыре родника.

Вол

Покуда мал — четыре села съедает,
Вырастет — поля поднимает,
А как умрет — по миру пойдет *.

Верблюд

Потянешь за повод —
Двинется гора.

Осел

Потянули за ухо —
Назвал свое имя.

Мул

Кто это:
Родится, но не рождает,
Много работает, но мало ест?

Свинья

Не больная — стонет,
Не трудится — пыхтит.

Дикие животные

Слон

Какое животное
Раз в семь лет родится?

Рога оленя

Без земли, без воды,
Без листьев — ветки растут.

Заяц

Уши, как у осла,
Лапы, как у собаки,
Прыгает, как коза.

Черепаша

Снизу камень, сверху камень,
Ест траву, но не корова,
Яйца несет, но не курица.

Змея

Без ног — бежит,
Все ее боятся,
Рубаху меняет, но не человек,
Яйца несет, но не курица.

Летучая мышь

Кто это:
Имеет крылья,
Но без перьев?

Птицы и яйца

Пегух

Сам — царек,
Корона — пилой,
Сорок жен на улице бродят,
А он по чужим ходит.

Черный, как янтарь *,
Белый, как молоко,
Красный, как роза,
Ходит, как человек.

Курица

Кто это:
Пестрые одежки,
Красная шапочка,
Голые ножки?

Цыпленок

Дитя — два дня от роду,
Но уже землю роет.

Курица и яйцо

Из живого выходит мертвым,
Из мертвого — снова живым.

Яйца

В беленькой комнатке
Желтая барыня сидит.

У меня есть крепость:
Снаружи серебро, внутри золото;

Хоть весь мир соберется,
Такою не построит.

В одном кувшинчике два разных вина,
Как ни болтай, никогда не смешаются.

Какая еда, хоть вари ее в пяти пудах соли,
Никогда не будет соленой?

Аист

Черный, как янтарь,
Белый, как молоко,
Ходит, как человек.

Ласточка

Хвост, как ножницы,
Голова, как каштан.

Насекомые, моллюски, черви

Пчела

Кто это:
Мать есть, отца нет? *

Навозный жук

Черен, да не ворона,
С крыльями, да не птица,
Лепит шарики, да не мастер **

Комар

У какого насекомого
Колени выше спины?

С крыльями, а не птица,
Кусается, а не собака.

Бабочка

Сама одна, да глаз тысяча,
В праздничном наряде порхает по свету.

Муравей и муравейник

На горе пасется стадо овец,
Волк их не ест и в хлев зайти боится.

В доме живет тысяча душ,
Но не уместится и стог сена.

Клещ

Рот есть — языка нет,
Кожа есть — волос нет.

Костоед

Сам без костей,
А кости ест.

Паук

Без веревки, а шатер разбивает.

Светлячок

Брожу, но не курица,
Свечу, но не лампада.

Улитка

Читать не умеет,
А пишет.

Палан носит, но не осел,
Лазит по деревьям, но не медведь*.

Шелковичный червь

Во дворе курица есть,
Хлеб клюет, но воду не пьет*.

Кто, умирая,
Сам себе могилу копает?

Пиявка

Кто это:
С мясом, но без костей?

Кто это:
Рот есть, а головы нет?

Люди и их жизнь

Человек

Человек

Утром ходит на четырех ногах,
В полдень — на двух,
Вечером — на трех**.

Дочь

Для отца — луна,
Для матери — солнце,
Для молодца — счастье.

Сон

Слаще меда,
Тяжелей железа,
В магазине не продается
И на базаре не покупается.

На весах не взвесишь,
На базаре не продашь,
Нет на свете милее его.

Дыхание

Летом холодит, зимой греет.

Части тела

Голова

Шар — один,
В нем — семь дыр.

*Голова (лоб, брови, глаза,
нос, рот, язык, зубы)*

Есть гора,
Под горой — майдан,
Под майданом — дуга,
Под дугой — зеркало,
Под зеркалом — зурна,
Под зурной — саманник,
В саманнике — тесло,
Перед теслом — ножик.

Глаза

Два брата на одном склоне горы живут,
А друг друга никак не увидят.

Посредине — миндаль,
По краям — колючки.

Бахча круглая,
А вокруг — ограда.

Что такое:
На склоне горы две горящие лампы?

Нос

Два дома
На одном бревне.

Сопли

Бедный кидает,
Богатый в карман собирает.

Рот

Что такое:

Есть у меня яма,
Сколько бы ни наполнял — не наполняется?

Рот и зубы

Темное стойло
Полно белых коней.

Рот, уши, глаза

Один говорит,
Двое слушают,
И двое смотрят.

Язык и зубы

Изгородь из костей,
А сторож без костей.

Язык

Дом темный-претемный,
В нем тетя Ором спит.

Волосы

Рацу — поливаю,
Кошу — за плату,
Потом — бросаю.

Коса

Черная веревка на склоне горы растянулась.

Рука — пальцы

У меня есть дерево,
На дереве — пять веток,
На каждой ветке — по плитке.

Пищевод и желудок

Узенькая улица,
Большой кувшин.

Сердце

Есть машина,
Которая цены не имеет,
Но каждый ею владеет.

Что такое:
Без огня горит,
Без воды гаснет?

Пища

*Долма*¹

Сверху листья,
Снизу листья,
В середине песок*.

Мед

Я — горный цветок,
Я — дитя моей матери,
А зимой моя мать — мое дитя.

Изюм

Черный козленок,
Деревянный хвостик.

Сахар

Одежки — синенькие,
Тело — чисто-белое,
Голова, как клубок**.

Соль

В земле рождается,
На солнце вырастает,
В воде умирает.

¹ Д о л м а — голубцы.

В воде родится,
А воды боится*.

Белый камень из горы
Всегда стоит на столе;
Кто его не ест,
Тот вкуса не знает.

Курительные принадлежности

Трубка

Сама — из дерева,
Голова — из глины,
А ест траву.

Домик из глины,
А дымоход из дерева**.

Наргиле¹

Наверху — огонь,
Под огнем — трава,
Под травой — дрова,
Под дровами кипит вода.

Змея — не змея,
Ест листья, но не овца.

Одежда

Брюки

Утром встаешь,
По двум дорогам идешь.

¹ Наргиле (кальян) — курительный прибор состоящий из сосуда, наполняемого водой, трубки с табаком, укрепленной в горлышке сосуда, и кожаного шланга или деревянной трубки, через которую тянут прошедший через воду табачный дым.

Папаша

Пока был жив — ходил на ногах,
А когда подох — оказался на голове*.

Трехи

Один нос,
Сорок глаз.

Завязываю — по всему миру ходят,
Развязываю — не двигаются с места.

Деньги и украшения

Золотая монета

Кругленькая, желтенькая,
Всеобщая любимица.

Слаще меда, слаще сахара,
Желтее шафрана, но не шафран.

Ходит по свету,
Имеет имя, но не человек,
Творит чудеса, но не божество.

Кольцо на пальце

Шампур из мяса,
Шашлык из металла.

Бусы

Отара овец
Одной веревкой связана.

Хозяйственные орудия и утварь

Сельскохозяйственные орудия

Плуг

Четыре колеса,
Двенадцать султанов
Пустились в путь,
С криком идут**.

Что такое:
Криво смотрит,
Прямо ходит?

Лемех

В земле — белеет,
А на земле — ржавеет.

Колеса телеги

Четыре брата бегут,
Друг друга догнать не могут.

Серп

Лиса села на скирду,
Наматывает хвост на шею.

Есть у нас вещь:
Летом — блестит,
Зимой — ржавеет.

Лопата

Трудилась в земле,
Умерла в руке.

Мотыга (кирка)

Маленькое дитя
Землю копает.

Цепь

Возьму — плачет,
Положу — молчит.

Ремесло

Тканье ковра

Что такое:
Стану на колени
И оторву бороду? *

Кузнечный мех

Сам на горе,
А ноги в огне.

Рыбачья сеть

Тысячи дверей и окон,
Кто в них попадет — не ускользнет.

Подкова

Три ноги, шесть глаз,
Не жива, но ходит.

Капкан

Не живой — живого ловит.

Домашняя утварь

Чесалка (карда)

Одна рука —
Восемьдесят пальцев.

Сама прямая,
А зубы кривые.

Прялка и веретено

Лисица сидит на столе
И хвост вокруг шеи обвивает.

Спицы и вязанье

Пять братьев строят мост из волос*.

Игла

Водится в земле,
Живет в платье,
Умирает в руке.

Тоненькая спица
Весь мир одевает.

Всех одевает,
Сама нагишом бывает.

Сама прямая,
А глаз косой.

Игла — нитка

Есть у меня лиса,
Тысячу гор и ущелий пройдет,
А хвост все равно виден.

Поп коротыш,
Да ряса длинная.

Что такое:
Сама малютка,
А борода в семь пядей?

Наперсток

На одной яме — сто ям.

Палец и наперсток

Свая — из мяса,
Шапка — железная.

Ножницы

Два брата друг перед другом похваляются.

Гвоздь

Сам внутри,
А голова снаружи.

Топор

Сам деревянный,
А голова из железа.

Нож

Тело деревянное,
А рука железная.

Маслобойка

Есть у меня корова — в боку дырка.

Через рот ест,
Через рот и выбрасывает.

Сито

Рябая сестра
На стене висит.

Чернак

Что такое:
Буйвол в озере,
Хвост на поле?

Верблюду в баню вошел,
А хвост во дворе остался.

Ложка

Сколько бы ни нагружал — донесет.

Ложка во рту

Навьюченный осел вошел в хлев,
А хвост во дворе остался.

Лампада

Ямка,
В ямке — вода,

В воде — змея,
Во рту — пламя.

Светильник

Внизу — вода,
Посредине — огонь,
Наверху — сажа.

Печь

Сверху — дыра, снизу — дыра,
Посредине — огонь и дрова.

Стол

Четыре брата под одной шапкой стоят.

Люлька

С одной стороны — гора,
С другой стороны — гора,
А в середине не тряско.

Постель

Днем — ага,
Ночью — слуга.

Подушка диванная

Что такое:
С двух концов вязанка,
А посредине мягко?

Зеркало

Не небо, не земля,
А весь мир в нем.

Расческа

Без ног, без рук,
А насекомое из лесу выведет.

Щетка

Спина из дерева, живот из волос,
По утрам по полу бежит.

Веник

Что такое:
Весь мир обойдет
И за дверью спать ляжет?

Почетное дело делает,
А в худом месте сидит.

Бритва

С топором в гору поднимаюсь,
Одним ударом тысячу деревьев свалю.

Корзина

Возьму за бороду,
Скачет на руку.

Горшок из прутьев,
Ручка из веревки.

Весы

Шесть опор,
Два дома,
Одна балка.

Бурдюк

Пока был жив, траву и солому ел,
А как умер, стал вино пить.

Трость

Без глаз, без ног,
Слепому дорогу указывает.

*Жилище, хозяйственные
постройки*

Дом

День и ночь на одной ноге.

Что такое:
Два глаза,
Один рот,
Красная голова?

Колонны

Красные высокие бычки
Задумчиво стоят.

Стены

Четыре брата стоят лицом к лицу,
Но друг к другу не ходят.

Четыре наседки под одной кровлей.

Дверная ручка

Моя сноха, с места не сходя,
Целует руки всем приходящим и уходящим *.

Замок

Что такое:
Черная собака к двери привязана,
Не лает, не кусает,
А в дом никого не пускает?

Ключ

Один воробей целый дом охраняет.

Замок — ключ

Мать осталась, а дитя улетело.

Мельница

Построена из камня и железа,
Ест муку и воду пьет,
Кормит страны и города.

Одна нога,
Тридцать крыльев.

Жернова

В ущелье два голодных зверя рычат,
Что дают — едят и мир кормят.

Две лошади друг у друга спину грызут.

Река и мост

Конь ускакал,
Седло осталось.

Обучение, книги, канцелярские принадлежности

Учение

Глазами жнут,
Головою едят,
Памятью переваривают.

Письмо, буквы и чтение

Белые равнины,
На них черные козы.

Черные овцы на белой равнине пасутся*.

Белый лес,
Черные камни.

Земля белая, семена черные,
Рукой сею, языком кошу.

Белое поле, черные семена,
Рукой сею, глазами собираю.

Книга

Не дерево, а с листочками,
Не человек, а рассказывает,
Не рубашка, а сшита.

Без рта, без языка,
А рассказывает.

Бумага

С горы бросишь — не разобьется,
Со скалы бросишь — не разобьется,
В воду бросишь — размокнет.

Кисточка

Тело — из дерева,
Ноги — волосяные.

Счеты

Деревянная ограда
Нанизана на железную.

Транспорт

Железная дорога

Даю солому — не ест,
Даю воды — не пьет,
Куда захочу — туда идет.

Корабль на воде

Режу, режу — крови нету,
Еду, еду — следа нету.

Оружие

Пуля

Воробей улетел,
Гнездо осталось.

Сабля и ножны

Гнилую палку выдолбили
И кровь в ней спрятали*.

Загадка многопредметная

Какие три вещи в мире невозможны?
Небо подпереть, море покрыть и заставить
мула родить.

Примечания к загадкам

К стр. 75

* Дерево отождествляется с солнцем, ток — с небом, иголки — с лучами, число семь соответствует числу дней недели.

К стр. 76

* В представлении народа луна уподобляется новорожденному царю (в новолуние), который царствует 15 дней, после чего заболевает (идет на убыль) и умирает (перестает быть видимым).

** Луна видима всего 28 дней.

*** Эти загадки связаны с представлением народа о том, что солнце и луна — брат и сестра, в других вариантах луна ассоциируется с пастухом, звезды — с овцами.

К стр. 83

* При падении от спелого ореха отлетает зеленая кожура.

К стр. 85

* Когда теленок сосет четыре соска коровы, он «четыре села съедает», зато потом — «поля поднимает», а когда подойдет — «по миру пойдет», т. е. из его кожи изготовят трехи.

К стр. 87

* В загадке, возможно, имеется в виду янтарь, подвергнутый специальной обработке, имеющий черные пятна. В оригинале: сат — «янтарь».

К стр. 88

* В каждом улье бывает только одна матка.

** Навозный жук делает из навоза шарики, в которые откладывает яйца.

К стр. 89

* Улитка, двигаясь, оставляет за собой след, который в первом варианте загадки сравнивается с письменами; во втором варианте раковина улитки сравнивается с седлом.

К стр. 90

* Шелковичный червь питается листьями тутового дерева, которые в загадке сравниваются с хлебом.

** То есть ребенок ползает на четвереньках, взрослый ходит на двух ногах, старик — опирается на палку.

К стр. 93

* В загадке имеется в виду начинка, состоящая из мяса и риса.

** Сахарная голова упаковывалась в синюю обертку.

К стр. 94

* Соль добывается и из земли и из воды (выпариванием).

** Старинные трубки изготавливали из глины, а чубук из дерева.

К стр. 95

* Имеется в виду папаха, сшитая из шкуры ягненка.

** В большой плуг с несколькими лемехами впрягалось двенадцать быков (отсюда двенадцать султанов).

К стр. 96

* Ковровщик садится перед станком (или становится на колени перед ним), в процессе работы постоянно срезает концы ниток и специальной гребенкой уплотняет рисунок.

К стр. 97

* В народе бытовала легенда, в соответствии с которой души людей, прежде чем попасть в рай, проходят через мост, построенный из волос. Она и нашла отражение в загадке.

К стр. 102

* В загадке отражен обычай патриархальной семьи, по которому невестка должна была в знак почтения целовать руки уходящим гостям.

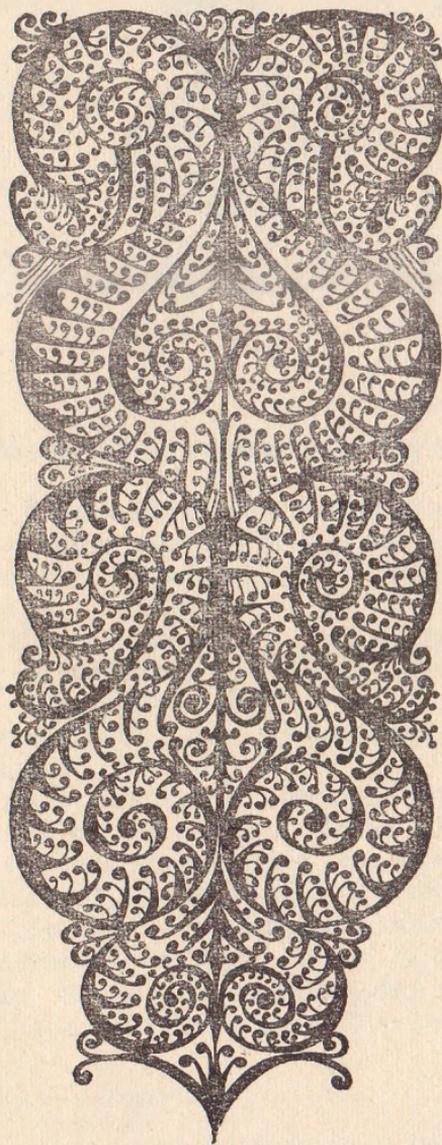
К стр. 103

* Варианты загадки отражают картины природы Армении. Снег в горах выпадает рано и покрывает богатые травой пастбища, но на них в любое время года пасутся козы и овцы.

К стр. 105

* По народному поверью, всякое оружие содержит в себе кровь.

карабахский
балагур пулу-пуги

Пари Мелик-Шахназара и Пулу-Пуги

Однажды Мелик-Шахназар, решив блеснуть своим остроумием, задумал сыграть шутку над Пулу-Пуги.

Это случилось в меджлисе¹, где собралось много меликов² и дворян.

— Если Мелик прибавит к своему уму ум своего отца и деда, он все равно не победит меня в словесном состязании, — сказал Пулу-Пуги.

— Чем ты можешь это доказать? — заинтересовались собравшиеся.

— Однажды Дизакский Мелик, — сказал Пулу-Пуги, — вступил в спор с дедом Мелик-Шахназара. Он утверждал, что может заставить его остановиться во время ходьбы. «Ну-ка, попробуй. Интересно, как ты сумеешь это сделать? — ответил дед Мелика. — Я иду, и, если ты мужчина, останови меня». И он пустился в путь. «Токуш, токуш³», — закричал ему вслед Дизакский Мелик. «Как тебе не стыдно?! — сказал дед Ме-

¹ Меджлис — собрание.

² Мелик — помещик.

³ Словом «токуш» в Армении погоняют ослов.

лика, остановившись. — Среди стольких людей ты меня ослом обзываешь!». «Я не хотел называть тебя ослом, — ответил Дизакский Мелик, — я хотел только остановить тебя».

Это о деде нашего Мелика. А теперь перейдем к отцу. Он всегда хвастался своим охотничьим соколом. Куда бы ни приходил, тотчас заявлял: «Мой сокол охотится за куропаткой, горной курочкой, саламом...¹». Собрались как-то люди и просят: «Ты, братец, слишком расхваливаешь своего сокола, пойдика-ка принеси его, мы поглядим, что это за птица».

Отец Мелика с важным видом вынес сокола и отпустил его. Сокол сделал несколько кругов и вдруг камнем кинулся на одну из кур, что гуляли по двору, и схватил ее.

Все расхохотались... Отец Мелика покраснел, но, чтобы как-то выйти из положения, сказал: «Это оттого, что сокол мой очень голоден». И снова отпустил сокола, но тот и в этот раз бросился на кур. Так был посрамлен отец Мелика.

А теперь о самом Мелик-Шахназаре. Он хочет в словесном состязании победить меня, но не знает, что я могу привести его к роднику и увести обратно, не дав напиться.

— Не сможешь, — возразил Мелик-Шахназар.

— Смогу, — ответил Пулу-Пуги.

— Не сможешь.

— Смогу.

— Что ж, пойдём, — сказал Мелик-Шахназар и потянул за полу Пулу-Пуги, — но если я выпью воды, знай, я прикажу отрубить тебе голову.

— Пойдем, — согласился Пулу-Пуги, и они пустились в путь.

Когда Мелик-Шахназар и Пулу-Пуги дошли до родника, Пулу-Пуги сказал:

— Подожди, Мелик, ведь у нас нет свидетелей, которые смогут подтвердить, что ты действительно пил воду из родника? Что же получится? Ты скажешь пил, а я скажу — нет. Было бы лучше позвать свидетелей.

— Ты прав, — согласился Мелик-Шахназар.

— Ну, как вода в роднике, холодная? — спросили

¹ С а л а м — рябчик, белая куропатка.

люди, когда Пулу-Пуги и Мелик-Шахназар возвратились обратно.

— Пуги не дал мне напиться. Он сказал, что надо позвать свидетелей...

— Пусть здравствует твой очаг, Мелик! Какой же ты наивный! — засмеялись собравшиеся.

Ложь Мелик-Шахназара и Пулу-Пуги

Как-то Мелик-Шахназар договорился с Пулу-Пуги: если Пулу-Пуги будет подтверждать каждую ложь, произнесенную Меликом, тот обязуется выплачивать ему за это по пятаку.

Однажды у Мелик-Шахназара собрались дворяне и князья. Они рассказывали о своих геройских подвигах на войне и невероятных приключениях на охоте.

Мелик-Шахназар также рассказал историю о том, как он одной пулей ранил оленя в заднее копыто и ухо. Присутствующие рассмеялись над этой явной ложью. Нельзя, говорили они, ранить оленя одновременно в ухо и в копыто задней ноги.

— Напрасно вы смеетесь, — вмешался Пулу-Пуги, — это вполне возможно. Мелик-Шахназар выстрелил в оленя в то самое время, когда олень задней ногой чесал у себя за ухом.

Все согласились с Пулу-Пуги и поверили Мелику.

Когда гости ушли, Пулу-Пуги обратился к Мелик-Шахназару:

— Да продлится твоя жизнь, Мелик, но за один пятак я не могу подтверждать такую несусветную ложь: или плати больше, или меньше лги.

Неудача Мелик-Шахназара

Однажды Мелик-Шахназар и Пулу-Пуги пошли вместе в сад.

— Пуги, давай влезем на дерево и поедим тутовых ягод, — предложил Мелик-Шахназар.

Пулу-Пуги понял, что Мелик-Шахназар задумал сыграть над ним шутку.

— Хорошо, да продлится жизнь Мелика! — сказал Пулу-Пуги. — На дерево так на дерево.

Мелик-Шахназар заранее подговорил садовника спрятать туфли Пулу-Пуги, как только тот взберется на дерево, поэтому он сказал:

— Пуги, я босым полезу на дерево. Советую тебе сделать то же. В туфлях можно поскользнуться и упасть.

— Хорошо, да продлится жизнь Мелика!

Пулу-Пуги снял туфли, связал их и, наподобие хурджина¹, закинул через плечо.

— Что ты делаешь, глупец, зачем тебе туфли? Не лучше ли оставить их на земле?

— Да продлится жизнь Мелика! — ответил Пулу-Пуги. — Но кто может знать, что с ним будет? Может, я не вернусь больше на землю и прямо с дерева отправлюсь в рай.

— В тебе сидит сам черт, Пуги, — сказал Мелик-Шахназар и приказал трясти тутовое дерево.

Список глупцов и сумасшедших

Когда Мелик-Шахназар убедился, что не может победить Пулу-Пуги в словесных состязаниях, он решил поручить ему составить список всех глупцов и сумасшедших, надеясь, что тот внесет туда и свое имя.

— Как ты думаешь, ханум²? — обратился Мелик-Шахназар к своей жене. — Ведь это я ловко придумал. Пусть Пулу-Пуги собственноручно запишет себя в дураки. Тогда он окажется в моих руках и больше не посмеет бахвалиться. Я скажу ему: «Пуги, список» — и он немедленно замолчит.

Как раз в это время пришел Пуги.

— Да продлится жизнь Мелика! Вы звали меня?

— Да, звал. Мне нужен список всех глупцов и сумасшедших нашего края. Сумеешь ты его составить?

— Почему бы нет? Да продлится жизнь Мелика! Завтра утром список будет готов.

На следующий день Пулу-Пуги и в самом деле принес список глупцов. Мелик-Шахназар посмотрел его и

¹ Хурджин — переметная сума.

² Ханум — госпожа.

увидел, что Пулу-Пуги на первом же месте поставил его имя.

— Что ты наделал, Пуги?

— Как «что наделал»? Да продлится жизнь Мелика!

— Почему ты поставил мое имя вместо своего? Разве я глупец или сумасшедший? Если ты не сумеешь мне это доказать, я прикажу отрубить тебе голову.

— Да продлится жизнь Мелика! Перестань сердиться, выслушай меня спокойно, и я все объясню.

— Говори скорей, как ты осмелился это сделать?

— Да продлится жизнь Мелика! Я сейчас все скажу, а ты слушай. Хорошо, что и ханум здесь. Помнишь, когда из Персии приехал таджир¹? Разве ты видел его где-нибудь до этого, разве ты знал его раньше?

— Что из того, что я не знал его?

— А то, что умный человек не даст незнакомцу тысячу туманов² с просьбой привезти ему из Персии драгоценные камни. Скажи, ханум джан, не глупо ли давать первому попавшемуся чужестранцу меру золота и просить его привезти драгоценные камни?

— А вдруг он привезет? — возразил рассерженный Мелик-Шахназар. — Что ты тогда скажешь?

— Тогда — да продлится жизнь Мелика! — тогда вместо твоего имени я включу в список имя персидского таджира.

Вор

— Да продлится жизнь твоя, Мелик! — сказал мясник Али. — Этот человек украл мои деньги, а говорит, что не брал. Когда я продавал мясо, только он один стоял у прилавка, больше никого не было.

— Что же мне теперь делать? — растерялся Мелик-Шахназар. — Ведь на твоих деньгах не написано твое имя. Все деньги схожи. Как же я угадаю, чьи это деньги — твои или его?

В это время пришел Пулу-Пуги. Узнав, о чем спор, он попросил принести миску горячей воды.

«Что он будет делать?» — недоумевали односельчане.

Когда принесли кипяток, Пулу-Пуги взял деньги, которые отобрали у вора, и бросил их в воду.

¹ Та д ж и р — купец, торговец.

² Т у м а н — персидская золотая монета.

— Да продлится твоя жизнь, Мелик! — сказал он. — Смотри, как на поверхности воды блестит жир. Значит, деньги принадлежат мяснику.

Похороны отца Мелик-Шахназара

Мелик-Шахназар был в трауре. Умер его отец. На торжественные похороны собралось большое общество. Приехали другие мелики, представители духовенства, князья. Мелик-Шахназар позвал Пулу-Пуги и велел ему в эти траурные дни не выходить на улицу и не смешить людей, за что обещал дать ему семь мешков пшеницы.

— Хорошо, — сказал Пулу-Пуги и удалился.

Однако, когда похоронная процессия с крестом и хоругвями направилась в сторону кладбища, на улице появился Пулу-Пуги с семьёю охотничьими собаками, у которых на шее были колокольчики, а на спинах — мешки. Он двинулся впереди похоронной процессии.

— Ах ты мошенник! Разве я не приказал тебе сидеть эти дни дома и не торчать у меня перед глазами?

— Да продлится жизнь Мелика! Я пришел за обещанными семью мешками пшеницы, так как знаю, не успеешь ты похоронить отца, как забудешь свое обещание.

— Уведите, уведите его скорей и дайте ему семь мешков пшеницы. Пусть он возьмет их и уйдет домой, а не то он опозорит нас на весь белый свет.

Жалоба трех братьев

Из соседнего села приехали к Мелик-Шахназару жалобщики.

— Нас три брата, да продлится жизнь Мелика! — сказал один из жалобщиков. — Отец оставил нам наследство, в том числе семнадцать верблюдов. В своем завещании он написал, что половина этих верблюдов должна достаться мне, как старшему брату, третья часть — среднему брату, а одна девятая — младшему. Мы не можем разделить верблюдов, и по этой причине между нами возникла ссора. Не нашлось человека, который мог бы нас рассудить и выделить каждому его долю. Я пред-

начал продать всех семнадцать верблюдов и разделить деньги так, как велел отец, но младший брат не согласился. Теперь мы приехали к тебе с просьбой, — да продлится жизнь Мелика! — чтобы ты решил нашу тяжбу.

Мелик подумал и понял, что это не его ума дело и что тут нужен Пулу-Пуги.

— Что ты скажешь, Пуги? — обратился к нему Мелик-Шахназар.

Пулу-Пуги знал, что разделить семнадцать верблюдов пополам невозможно, это число не делилось также ни на три части, ни на девять частей.

— Хорошо, — сказал он наконец братьям. — Поезжайте к себе в село, завтра я приеду туда и разделю верблюдов.

На следующее утро Пулу-Пуги сел на верблюда и поехал в село к братьям, которые с нетерпением ждали его.

— Где ваши верблюды? Гоните их сюда, — сказал Пулу-Пуги.

Братья пригнали семнадцать верблюдов.

— Теперь подгоните к вашим верблюдам и моего верблюда, — распорядился Пулу-Пуги.

— Сколько их стало? — спросил он, когда его приказание было выполнено.

— Восемнадцать, — в один голос ответили братья.

— Половина от восемнадцати будет девять... Это старшему брату. Получилось? — спросил Пулу-Пуги.

— Получилось, — сказали братья.

— Одна третья часть от восемнадцати будет шесть, правильно? — спросил Пулу-Пуги.

— Правильно, — подтвердили братья.

— Это среднему брату. Так?

— Так, — сказали братья.

— Девятая часть от восемнадцати будет два, правильно? — спросил Пулу-Пуги.

— Правильно, — сказали братья.

— Это младшему брату. Получилось?

— Получилось, — подтвердили братья.

— В остатке остался один верблюд. Это мой. Будьте здоровы, — сказал Пулу-Пуги и, сев на своего верблюда, уехал.

Конец света

Склоны горы были буквально усеяны отарами овец Мелик-Шахназара. Одну овцу Мелик подарил Пулу-Пуги с коварным умыслом заставить Пуги расплатиться за подарок вдвойне.

Мелик-Шахназар стал уговаривать Пулу-Пуги устроить званый обед и пригласить много гостей. Но Пулу-Пуги притворился, будто ничего не понимает. Тогда Мелик-Шахназар нашел другой выход.

— Ты слышал, Пуги,— сказал он однажды,— что скоро наступит конец света?

— Да, Пуги, скоро наступит конец света,— подтвердил один из приближенных Мелика.

— Это верно, Пуги,— подтвердил второй из приближенных.— Зарежь свою овцу, открой карас с вином и позови нас. Будь после этого что будет.

— Близок конец света, Пуги,— заговорили все разом.— Теперь не к чему скупиться. Ешь, пей, веселись. Все равно мы все должны умереть.

— Хорошо,— ответил Пулу-Пуги.— Поскольку всех вас больше всего интересуется моя овца, приходите завтра — нарежем ее и устроим хороший пир, тем более что скоро конец света, как вы говорите.

Но когда гости после пира стали расходиться, они не нашли ни своих папах, ни пальто. Еще в самом начале пира Пулу-Пуги созвал деревенских бедняков и раздал им всю одежду своих гостей.

— Да продлится жизнь Мелика! Зачем вам одежда, когда все вы скоро должны умереть? Ведь наступает конец света,— такими словами Пулу-Пуги проводил своих гостей.

Пулу-Пуги и его сосед

Сосед Пулу-Пуги часто брал у него деньги в долг.

— Пуги, не дашь ли ты мне пять туманов займа?

— А почему бы и нет,— отвечал Пулу-Пуги,— деньги лежат под подушкой, пойдя и возьми.

Сосед так и делал.

— Пуги, я принес тебе деньги,— говорил он через несколько дней.

— Отнеси и положи туда, откуда ты их взял.

Сосед шел и клал деньги под подушку.

Так повторялось не раз.

— Пуги, не дашь ли ты мне пять туманов займа?

— А почему бы и нет, деньги лежат под подушкой, пойдй и возьми.

Но однажды сосед Пулу-Пуги подумал: «Поскольку Пулу-Пуги не проверяет, положил я деньги под подушку или нет, мне незачем их возвращать» — и с деньгами в кармане ушел обратно.

Прошло время. Сосед больше не просил у Пулу-Пуги денег.

Но случилось так, что соседу вновь срочно понадобились деньги. Что делать? Он был вынужден обратиться к Пулу-Пуги.

— Пуги, не дашь ли ты мне пять туманов займа?

— А почему бы и нет. Деньги лежат на своем месте, пойдй и возьми.

Сосед пошел, но денег под подушкой не оказалось. Он вернулся к Пулу-Пуги и сказал, что денег нет.

— Правильно, для того чтобы они были, тебе следовало положить их туда, — ответил Пулу-Пуги.

Пулу-Пуги и воры

Однажды в дом Пулу-Пуги залезли воры. Они стали рыться во всех уголках комнаты, но ничего ценного не нашли.

Вдруг один из воров неожиданно заметил Пулу-Пуги, который спрятался в углу комнаты.

— Эй, Пуги, что ты тут делаешь, почему спрятался? — спросил он.

— Мне стыдно перед вами, братец, что в моем доме ничего не нашлось даже для воров.

Пулу-Пуги учит осла Мелик-Шахназара

Однажды Мелик-Шахназар позвал к себе Пулу-Пуги и сказал:

— Пуги, можешь ли ты научить грамоте моего бесхвостого ослика?

— А почему бы не научить. Да продлится жизнь Мелика!

— Сколько тебе надо для этого времени и сколько ты за это возьмешь?

— Да продлится жизнь Мелика! Для этого нужно пятнадцать лет и восемь пудов пшеницы.

— Хорошо, я согласен, но если ты не научишь ослика грамоте, знай, что я прикажу отрубить тебе голову.

— Согласен. Да продлится жизнь Мелика! — ответил Пулу-Пуги.

Когда Пулу-Пуги пригнал осла к себе во двор и рассказал жене о сделке с Меликом, она стала бить себя по коленям, плакать и уговаривать мужа, чтобы он возвратил ослика и извинился перед Меликом, поскольку научить осла грамоте невозможно.

— Ах, жена, зачем ты так волнуешься?! За пятнадцать лет кто-нибудь из нас троих обязательно умрет: или я, или осел, или Мелик.

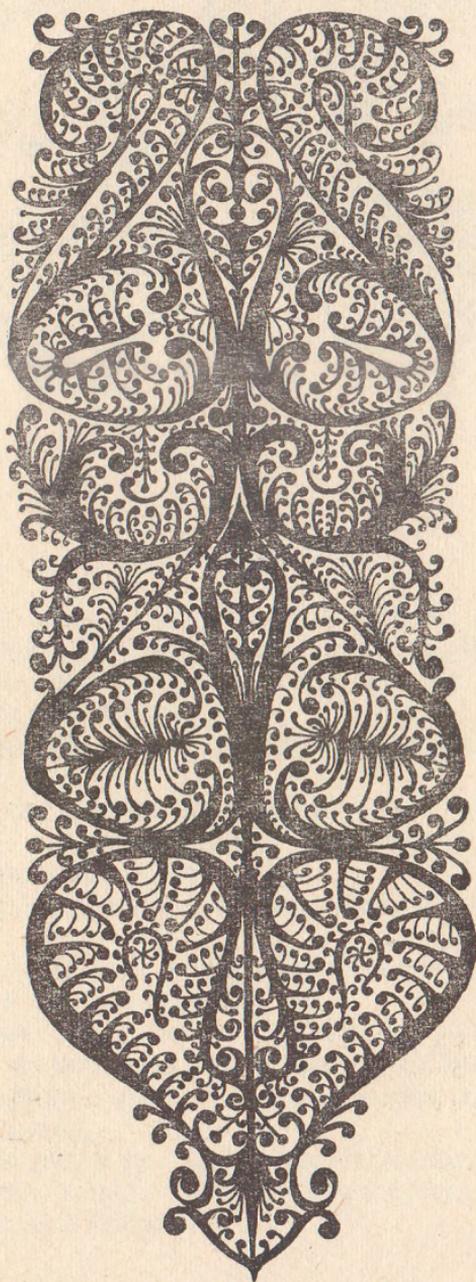
Неграмотный батюшка

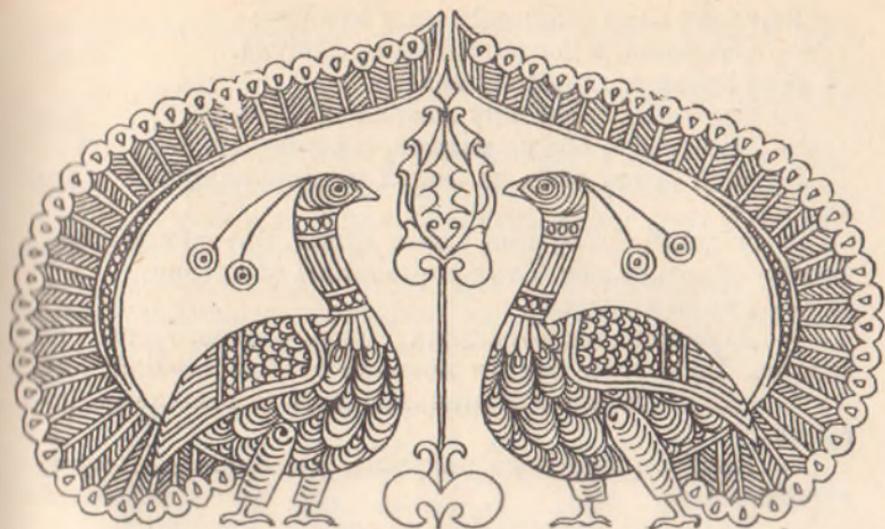
Батюшка села Аветараноц был малограмотным и заикался, когда читал евангелие прихожанам. Каждое слово он начинал с буквы «а-а» и, чтобы скрыть свою неграмотность, сердился на дьячка, который держал свечу.

— Держи свечу как следует, а то тень падает,—покрикивал он.

— Батюшка,— вмешался Пулу-Пуги,— если даже вместо свечи жечь скирду сена Мелик-Шахназара, все равно ты должен сказать свое «а-а». Ведь ты свою грамоту оставил дома. В другой раз, когда придешь, захвати ее с собой.

СКАЗКИ

Азаран-Блбул

Жил-был царь. У него было три сына: двое умных, третий — дурак. Дурака звали Ало-Дино. И еще был у царя прекрасный сад, а в саду яблоня, на которой росли только три яблока.

Как-то раз пришел в сад нищий и попросил у садовника:

— Дай мне одно из трех яблок.

— Нет, — сказал садовник, — их трогать нельзя. Эти яблоки только царь может сорвать.

Нищий рассердился и проклял сад. И весь сад сразу же засох.

— Что ты сделал? — ужаснулся садовник. — Неужто наш сад никогда не зацветет?

— Сад не будет цвести до тех пор, — ответил старик, — пока не добудете птицу Азаран-Блбул.

Потом пришел царь, увидел, что сад засох, и стал ругать садовника.

Садовник ему и рассказал про странника-нищего.

— Как же теперь быть?! — воскликнул царь. — Кто достанет Азаран-Блбула?

Услыхал царя старший сын и говорит:

— Батюшка, я достану Азаран-Блбула.

А за ним и средний вызвался:

— Батюшка, я достану Азаран-Блбула.

— Поезжайте оба за птицей,— решил отец.

Вот оба брата сели на коней и отправились в далекий путь.

А младший, Ало-Дино, где-то гулял. Вот он вернулся, видит — братьев нет. Стал спрашивать у матери:

— Где мои братья?

— Дурачок ты,— сказала мать,— ничего ты не знаешь. Ведь твои братья поехали за Азаран-Блбулом.

Ало-Дино недолго думая побежал к старшему конюшему:

— Подбери мне коня получше, я собираюсь в путь-дорогу.

— Вот кони, бери любого,— ответил конюший.

Ало-Дино стал выбирать коня. Но какого ни тронет, все приседают под тяжестью его руки. Вышел Ало-Дино из конюшни и заметил у ворот грязного, облезлого коня, за которым никто не ухаживал. Похлопал его по спине Ало-Дино, конь ничего — выдержал. Ало-Дино велел конюшему купать коня три раза в день и кормить его изюмом — каждый час по пуду.

Через три дня Ало-Дино сел на этого коня и поехал. И вскоре догнал братьев.

При виде Ало-Дино старший брат рассердился.

— Ты что увязался за нами? Осрамить что ли нас хочешь?! — вскричал он и ударил Ало-Дино.

Тут вмешался средний:

— Пóлно, зря ты его бьешь. Пускай едет с нами — будет нам служить.

Все трое пустились вместе в путь. Ехали они долго, пока не доехали до перекрестка, где дорога расходилась на три стороны. Там сидел старик.

— Здорóво, дед! — сказали ему братья.

— Здорóво, царевичи!

— Куда дороги ведут? — спросил старший.

— Одна,— ответил старик,— ведет в Тифлис, другая — в Ереван. А третья — плохая дорога. Кто поедет по ней — назад не вернется. Она так и называется: «Гедан гялмаз» — «Идущий не вернется».

— Вы оба поезжайте по безопасным дорогам,— ска-

зал младший брат.— Я же поеду по дороге «Гедан гялмаз».

— Пусть его, от дурака избавимся,— решил старший брат.

Старший и средний братья испытали много бед. Спасаясь от голода, они продали коней, одежду и наконец нанялись работать к хозяину бань: один стал истопником, другой — банщиком.

Ало-Дино же поехал по пути «Гедан гялмаз». Известно, как долго он ехал, наконец добрался до Красной земли. И деревья, и камни, и земля — все тут было красное.

И вдруг его конь заговорил человеческим голосом:

— Ало-Дино, знаешь ли хоть, куда мы попали? Ведь это земля трехголового Красного дэва.

К вечеру Ало-Дино подъехал к дому Красного дэва.

У ворот стояла женщина. Она увидела Ало-Дино и пожалела его:

— Дай я спрячу тебя, паренек.

— Пустяки,— ответил Ало-Дино,— дай мне лучше поесть: я голоден.

Жена дэва принесла Ало-Дино три больших блюда.

— Да что ты принесла! Только аппетит раздражила! Дай, говорю, поесть.

— Если тебе мало, пойди во двор, там приготовлен обед для дэва — ешь сколько душе угодно.

Ало-Дино зашел во двор и увидел пять лидров¹ вареного риса и двух жареных быков. В три приема он съел пилав и обоих быков.

Опять пожалела его жена дэва:

— Ни за что пропадешь, паренек. Мне тебя жалко,— дай я тебя спрячу.

— Не боюсь я твоего дэва! — сказал Ало-Дино.— Я за ним явился.— Вдруг он заметил, что дом шатается.— Отчего это дом шатается?

— Потому что дэв подходит,— ответила женщина.

Дэв приближался. Он гнал перед собой стадо волков, лисиц и других зверей. Загнав их во двор, он вошел в сени, увидел Ало-Дино и сказал:

— Добро пожаловать, Ало-Дино!

— Откуда ты меня знаешь? — спросил Ало-Дино.

¹ Л и др — древняя армянская мера емкости.

— Как раз в тот день, когда ты родился, я гулял по горам, и камни, деревья и травы возвестили о твоём появлении на свет. Вот я и думаю, что ты и есть Ало-Дино, ибо никто другой не посмел бы переступить порог моего дома.— Потом дэв обратился к жене: — Ну, жена, дай поесть.

— Твой обед съел вот этот парень,— сказала жена,— и ничего тебе не оставил.

Дэв ничего не сказал, зарезал двух волков, жена приготовила обед, и все пообедали. Дэв заметил, что Ало-Дино не бросает костей, а съедает их вместе с мясом. После обеда дэв сказал:

— Сейчас будем биться, Ало-Дино, или отложим до утра?

— Как хочешь, я готов всегда.

Утром, чуть свет, проснулись дэв и Ало-Дино. Каждый взял свою палицу.

Ало-Дино сказал:

— Очередь твоя, начинай — я гость.

— Приготовься, я бросаю.

Тут конь Ало-Дино шепнул своему хозяину:

— Когда дэв размахнется, ты хлестнешь меня кнутом, я подпрыгну, и палица дэва пролетит подо мной.

Так они и сделали. Три раза бросал дэв свою палицу — и все мимо!

— Теперь моя очередь,— сказал Ало-Дино и, двинувшись на дэва, одним взмахом палицы снес ему все три головы. Затем отрезал носы и губы, положил их в хурджин и пошел к жене дэва.

— Здорово, невестка! — сказал он.

— Нет, я тебе не невестка, я хочу стать твоей женой.

— Не могу я на тебе жениться,— сказал Ало-Дино.— Ты будешь женой моего старшего брата.

Через три дня Ало-Дино решил двинуться дальше.

— Куда ты собираешься теперь? — спросила жена дэва.

— Поеду за Азаран-Блбулом!

— Умоляю тебя, не ездь: пропадешь ни за что — дело это очень трудное.

— Нет, я должен поехать.

И вот Ало-Дино приехал в страну, где и земля, и деревья, и камни — все было белое.

— Знай,— сказал конь,— это страна Белого дэва.

Вечером мы пойдем к нему в гости. Он не похож на Красного дэва: он семиголовый.

— Не беда,— ответил Ало-Дино,— я ему отрежу все семь голов.

Вечером они пошли к дэву, но двери у дэва были заперты. Ало-Дино сказал громким голосом:

— Эй, кто там есть?

На зов пришла женщина, открыла дверь и предложила поставить коня на конюшню. Ало-Дино отвел коня, потом прошел в покой дэва и попросил у жены дэва поесть. Та принесла пять-шесть больших блюд пилава.

— Что я, ребенок, что ли? Говорят тебе, дай поесть! — сказал Ало-Дино.

Жена дэва сказала:

— Пойди к столу дэва и там ешь, сколько хочешь.

Ало-Дино увидел на столе огромный котел, в котором было двадцать лидров пилава, а сверху три жареных быка. В два приема уписал Ало-Дино и пилав и быков. Вдруг дом зашатался.

— Паренек, это дэв идет: дай-ка я спрячу тебя,— сказала жена дэва.

— Ничего, я за твоим дэвом и явился.

Вскоре показался сам дэв. Он гнал перед собой много разных зверей — львов, волков, медведей. Дэв загнал их во двор, поднялся в свои покои, увидел Ало-Дино и протянул ему руку:

— Здорово, Ало-Дино!

— Почему ты знаешь, что я Ало-Дино?

— Когда ты родился, горы, скалы, деревья и травы известили меня о том, что ты появился на свет. Ты — Ало-Дино, потому что никто другой не посмел бы сюда заглянуть.

Он попросил у жены поесть. Та ответила, что гость уничтожил весь обед.

— Ладно,— сказал дэв,— приготовим обед из того, что я пригнал.

Вскоре подали обед. Дэв заметил, что гость ест мясо вместе с костями.

— Начнем биться, что ли? — спросил дэв после обеда.

— Воля твоя, я готов! — ответил Ало-Дино.

— Нет, отложим до утра,— решил дэв.— У нас обы-

чай такой: вечером угощают гостя, утром бьются с ним!

Рано утром Ало-Дино закричал:

— Вставай, пора нам биться!

Дэв встал, взял палицу и выпел на майдан.

Когда Ало-Дино сел на коня, тот шепнул:

— Хлестни меня кнутом, я подпрыгну, и дубина дэва пролетит подо мной.

— Бросай! — закричал дэв.

— Бросай ты первый, — ответил Ало-Дино, — я гость.

— Приготовься, я бросаю.

Трижды замахивался дэв палицей и наконец бросил. Но конь Ало-Дино успел вовремя подскочить, и дубина дэва пролетела под его брюхом, не задев ни его, ни седока. Тут поднялась пыль, закрыла Ало-Дино от взоров дэва, и тот решил, что Ало-Дино убит. Дэв посмеялся:

— Ну-ка, где ты, Ало-Дино? Дай-ка понюхаю тебя!

— Не беспокойся, братец, я тут, держись теперь ты! — ответил Ало-Дино, пришпорил коня и бросился на дэва.

Одним взмахом сабли он снес дэву все семь голов. Затем сошел с коня, отрезал у убитого губы и носы, положил к себе в хурджин и направился в покои дэва.

— Дорогой мой, — сказала жена дэва, — как хорошо, что ты убил дэва! Возьми меня в жены!

— Нет, ты будешь женой моего среднего брата, — сказал Ало-Дино и стал собираться в дальнейший путь.

— Куда ты, мой милый? — спросила жена дэва.

— За Азаран-Блбулом.

— Да ведь тебе его не раздобыть! — сказала она.

— Я должен добыть его во что бы то ни стало, — сказал Ало-Дино и пустился в путь.

Когда он попал в страну Черного дэва, конь его снова заговорил:

— Ало-Дино, это страна сорокаголового Черного дэва. Видишь, тут и земля, и камни, и деревья, и травы — все черное.

Зашел Ало-Дино в дом дэва и увидел огромный котел с пилавом из сорока лидров рису, а поверх риса лежали еще четыре жареных быка. Ало-Дино в четыре приема уписал весь пилав, затем проглотил быков, вытер рот и пошел в покои Черного дэва.

К вечеру дом стал шататься. Это шел дэв с добычей. Заметив Ало-Дино, дэв подошел к нему и сказал:

— Здравствуй, Ало-Дино!

— Откуда ты меня знаешь?

— Камни, горы, деревья и травы возвестили о твоём рождении,— ответил дэв и затем, обратившись к жене, попросил поесть.

— Твой обед съел Ало-Дино,— ответила та.

— Не беда, приготовь обед из новой добычи.

После обеда они легли спать. Чуть свет они встали и начали биться. Три дня и три ночи подряд бились они, но никак не могли побороть друг друга. В конце концов Ало-Дино уложил все-таки дэва, отрезал ему губы и носы, положил к себе в хурджин и пошел в покой дэва. Жена дэва обрадовалась.

— Возьми меня себе в жены,— сказала она.

— Ладно,— сказал Ало-Дино и задумался.

— О чем ты задумался?

— Наш сад засох,— ответил Ало-Дино,— я поехал за Азаран-Блбулом, а застрял здесь.

— Достать Азаран-Блбула — дело не легкое,— сказала жена дэва.— Его хозяин — царь Чачонц. Уже сорок дней, как он спит. А встанет — убьет даже сорок таких молодцов, как ты.

— А я все-таки поеду,— сказал Ало-Дино.— А когда вернусь, возьму тебя в жены.

Он простился и пустился в путь.

Когда доехали до моря, конь сказал:

— Я не морской конь, я не могу переправиться через море.

Ало-Дино сошел с коня, положил голову на камень и заснул. И вдруг услышал во сне голос: «Ало-Дино! Под камнем, на котором ты спишь, зарыты три узды морских коней. Двумя уздами подпояшешься, а третью опустишь в море». Ало-Дино встал, приподнял камень, и там на самом деле оказались три узды. Двумя уздами он подпоясился, а конец третьей узды бросил в море. Сейчас же появился морской конь и хотел проглотить Ало-Дино, но Ало-Дино не растерялся, схватил его за гриву и вскочил на него. Тогда конь заговорил человеческим голосом:

— Скажи, Ало-Дино, чего ты хочешь,— я всё исполню.

— Азаран-Блбула я хочу.

— Я его достать не могу, но понесу тебя через море:

там моя старшая сестра, она достанет тебе Азаран-Блбула.

И конь перенес Ало-Дино на тот берег. Но здесь Ало-Дино забыл снять узду, и конь умчался с ней обратно в море.

— Ой, как мне быть? Конь унес узду! — воскликнул Ало-Дино.

Долго он бродил по острову в раздумье.

И вдруг случайно дотронулся до пояса, вспомнил, что он опоясан двумя уздами, и обрадовался.

Ало-Дино снял с себя узду и бросил один ее конец в море. Из воды сейчас же выскочила морская лошадь и хотела было проглотить Ало-Дино, но он мигом вскочил на нее.

— Скажи, чего ты хочешь, — я все исполню, — сказала лошадь.

— Я хочу Азаран-Блбула! — ответил Ало-Дино.

— Дело это очень трудное, — сказала лошадь. — Клетка с птицей висит у царя Чачонца во дворце, а дворец стоит у самого моря. Если ты сможешь так хлестнуть меня кнутом, чтобы во мне задрожали все триста шестьдесят жил, тогда я взлечу до окна дворца, ты протянешь руку и схватишь клетку. Но если ты ее нехватишь вовремя, знай, мы оба упадем и погибнем.

— Ладно, — сказал Ало-Дино и так хлестнул лошадь, что у нее зажглась печень и задрожали все триста шестьдесят жил.

Она взвилась и долетела до окна. Ало-Дино протянул руку и схватил клетку. Опустившись на землю, лошадь сказала:

— Теперь отпусти меня.

Ало-Дино отпустил ее и отправился в обратный путь. Нашел своего коня и вместе с птицей Азаран-Блбул приехал в страну Черного дэва. Он поздоровался с женой дэва и обратился к птице:

— Дорогой Блбул, заговори, и пускай эти черные горы покроются зеленью.

Азаран-Блбул заговорил, и черные горы покрылись пышной зеленью. Жена Ало-Дино была поражена даром Азаран-Блбула.

Они забрали все сокровища Черного дэва и приехали в страну Белого дэва. Здесь тоже захватили сокровища дэва, взяли невесту среднего брата, сели на коней и

приехали в страну Красного дэва. И здесь они тоже захватили добро дэва, взяли его жену и приехали к старику, который все сидел на том месте, где дорога расходилась на три стороны.

— Здравóво, дед! — сказал Ало-Дино. — Ну что, вернулись мои братья?

— Нет, царевич, никто не возвращался, — ответил старик.

— Если так, — сказал Ало-Дино, — я оставлю у тебя этих трех женщин и птицу, а сам поеду за братьями.

По разным городам искал Ало-Дино своих братьев и все не мог их найти. В одном городе его пригласили в гости. Он спросил у хозяина:

— Как мне найти в вашем городе чужестранцев?

— Пойди утром на базар, — ответил хозяин, — расскажи там, что хочешь устроить для странников угощение. Как только странники узнают, они все сбегутся, и ты легко найдешь тех, кого ищешь.

Рано утром Ало-Дино купил семь быков, велел их зарезать и приготовить из них кушанья, потом зазвонил в колокола.

Заслышав колокольный звон, братья Ало-Дино — истопник и банщик — спросили своего хозяина, почему звонят.

— Это созывают странников на угощение, — ответил тот.

Братья попросили хозяина отпустить их. На базаре собрались все странники города.

Заметив своих братьев, Ало-Дино поднес им вина и мяса и спросил:

— Узнаёте вы меня?

— Нет, — ответили те.

— Где вы работаете?

— В бане: один из нас истопник, другой — банщик.

Ало-Дино повел своих братьев к хозяину бани и сказал:

— Рассчитайся с ними, я их возьму с собой.

— А кем они приходятся тебе?

— Они мне братья.

Тогда старший сказал:

— Мы тебя не знаем. Кто ты такой?

— Я — Ало-Дино. Эх вы, бестолковые! — ответил Ало-Дино.

— Если ты наш брат, — сказал старший, — скажи-ка, за чем мы поехали.

— За Азаран-Блбулом. Я его уже достал.

— Где же он?

— У того старика на дороге, поедемте — покажу.

Ало-Дино купил братьям новую одежду, они нарядились, и все втроем поехали к старику.

Увидев у старика трех женщин, братья спросили:

— Кто эти женщины?

— Вот эта, — сказал Ало-Дино, — жена Красного дэва, которого я убил. — Тут он достал и показал братьям губы дэва. — Теперь она будет женой тебе, старшему. А эта — жена Белого дэва — его я тоже убил, вот его губы и носы, — она будет женой среднему. А вот эта, третья, жена Черного дэва, — моя жена.

Взяли братья Азаран-Блбула, сели на коней, каждый взял к себе на седло невесту, и все вместе пустились в путь.

Ехали они долго и наконец в лесу набрали на колодец.

— Ало-Дино, спустись в колодец, — сказали братья, — мы хотим пить!

При этих словах жена Ало-Дино подошла к мужу.

— Ало-Дино, — шепнула она, — не спускайся: они задумали погубить тебя в колодце.

— Нет, — ответил Ало-Дино, — мои братья хотят пить, и я спущусь в колодец!

— Возьми хоть, — сказала она, — мою перчатку и туфельку и храни у себя. Потом я потребую их у царя. И если их найдут и принесут во дворец, значит, ты выбрался из колодца.

Ало-Дино спустился в колодец, а братья, захватив Азаран-Блбула и женщин, поехали дальше. Приблизившись к своему городу, братья послали к царю гонца.

Царь собрал народ, вышел навстречу сыновьям и с большим почетом привел их домой. Потом царь спросил:

— Что это за женщины с вами?

— Вот эта, — сказал старший, — моя жена, эта — жена твоего среднего сына, а эта будет у нас служанкой.

— Царь, он говорит неправду, — сказала жена Ало-Дино, — вовсе я не его жена.

— Я вижу, дети, между вами нелады, и я не могу

понять, кто же из вас достал Азаран-Блбула. Кто заставит заговорить Азаран-Блбула, тот, значит, и добыл его.

— Пустите, я заставлю его заговорить,— сказал старший и обратился к Азаран-Блбулу: — Блбул, дорогой, заговори, чтоб наш сад распустился.

Азаран-Блбул не произнес ни звука. Тогда выступил средний.

— Блбул, милый,— сказал он,— заговори, чтоб наш сад расцвел.

Азаран-Блбул молчал. Все призадумались, а сад так и не ожил.

Вернемся теперь к Ало-Дино. Как долго он сидел в колодце, неизвестно. Наконец к колодцу подъехал купец и велел слугам достать воды.

Ало-Дино, услышав голоса, закричал:

— Помогите мне выбраться! Я достану воды, сколько вам угодно.

Спустили в колодец ведро, достали воды, сколько было нужно, затем спустили веревку и человек десять — пятнадцать вытащили из колодца Ало-Дино.

Купец спросил, как Ало-Дино попал в колодец. Ало-Дино ответил:

— Я странник, шел ночью, было темно. Я не заметил и угодил в колодец.

— Куда же ты держишь путь?

— В свой город,— ответил Ало-Дино.

Ночь Ало-Дино провел с купцом. Они вместе поужинали и легли спать. А утром тронулись дальше. Прибыв в город своего отца, Ало-Дино поселился у одного старика, и тот его усыновил.

Однажды старик увидел, как люди царя ходили по городу и, показывая прохожим перчатку, кричали:

— Царь женит сына! Кто сумеет шить вторую такую же перчатку для его невестки?

Старик рассказал об этом Ало-Дино. Тогда Ало-Дино ушел от него и поступил в ученики к портному. Портной не знал, что Ало-Дино царский сын, и принял его. Ало-Дино был послушным учеником — он прибирал лавку и делал все, что нужно было.

И везиры и назиры царя всё ходили по лавкам портных, показывая перчатку. Они зашли в лавку и того мастера, к которому поступил Ало-Дино, и предложили

сшить перчатку. Мастер отказался. Вдруг выступил новый ученик и посоветовал мастеру взять заказ.

— Я сумею сшить такую перчатку! — сказал он.

— Ты с ума сошел! — сказал мастер. — Только вчера ты поступил, а сегодня уже берешься за такую работу!

— Пусть попробует, — вмешались люди царя. — Но, — добавили они, — если не сошьет, царь отрубит ему голову.

— Ладно, — сказал Ало-Дино.

Мастер опешил:

— Пропадешь ни за что! Я уже двадцать лет работаю, и то мне не сделать, а ты...

— Не бойся, мастер! Если купишь мне пять пудов мелких орешков, я сошью.

Мастер пошел и купил четыре пуда.

— Зачем на пуд меньше купил?

— Денег не хватило, — ответил мастер.

До рассвета Ало-Дино грыз орешки. Утром мастер пришел в лавку и увидел: рядом с царской перчаткой — вторая, точь-в-точь такая же. Хотел было мастер взять ее посмотреть, но Ало-Дино сказал:

— Не трогай, мастер, испортишь!

Вскоре явились назир и везир.

— Ну как, мастер, готов наш заказ?

Мастер онемел от страха и ничего не ответил. Ало-Дино выступил вперед и показал перчатки. Назир и везир удивились.

— Ну, мастер, пойдем к царю, — сказали назир и везир. — Он тебе заплатит за работу.

— Поди, мастер, с ними к царю и получи за работу, — сказал Ало-Дино.

— Нет уж, сынок, я не пойду, пойдя ты. А вдруг работа не понравится? Пусть уж лучше он тебе отрубит голову, а не мне.

Пошел Ало-Дино во дворец. Когда показали царю перчатку, тот сказал:

— Я в них ничего не понимаю, покажите невестке.

Невестке работа понравилась, и она дала мастеру триста рублей. А царь дал ему от себя еще двести рублей.

Ало-Дино вернулся в лавку и разложил перед мастером деньги.

— На, мастер, бери!

Мастер обрадовался и взял деньги. Потом Ало-Дино сказал:

— Ты, мастер, плохой человек.

— Почему?

— Потому что я у тебя просил пять пудов орешков, а ты купил четыре. Не останусь я у тебя больше! — И Ало-Дино пошел в лавку сапожника.

— Мастер,— сказал Ало-Дино сапожнику,— я си-рота, никого у меня нет, сжался надо мной, обучи ре-меслу.

Сапожник взял его к себе.

Через некоторое время к сапожнику пришли назир и везир. Они показали туфельку и предложили шить другую, такую же. Мастер хотел было отказаться, но тут выступил Ало-Дино и сказал, что он сошьет.

— Ты ведь только что поступил ко мне, как же ты берешься за такую работу? — сказал сердито сапожник.

— Не сердись, мастер, я сошью,— успокоил его Ало-Дино.

— Но,— сказал везир,— если не сошьешь, царь обоим вам отрубит головы.

— Не берись,— сказал мастер,— пожалей старика!

— Не бойся, мастер, сошью. Если купишь мне два-дцать пудов орешков, я сошью туфельку за ночь,— отве-тил Ало-Дино.

Мастер купил ему девятнадцать пудов орешков.

— Теперь, мастер, иди домой, а я возьмусь за ра-боту,— сказал Ало-Дино сапожнику.

Мастер, озабоченный, пошел домой. Но не вытерпел: среди ночи он украдкой стал подглядывать за Ало-Дино. Увидев, что Ало-Дино грызет орешки, мастер стал ругаться про себя: «Черт дернул меня связаться с этим бездельником! Снесут мне голову ни за что!».

Чуть свет сапожник пришел в лавку и вдруг увидел: рядом с туфелькой — другая, точь-в-точь такая же. Только он хотел было взять в руки туфельку, как Ало-Дино сказал:

— Вчера ты не хотел браться за эту работу, а се-годня я не дам тебе дотронуться до туфельки!

Вскоре пришли назир и везир и остались очень до-вольны работой сапожника.

— Ну,— сказали они,— пойдете с нами кто-нибудь к царю получить за работу.

— Пойди лучше ты, сынок,— сказал сапожник Ало-Дино,— вдруг царю туфля не понравится!

Ало-Дино пошел во дворец. Туфли отнесли к царю, но тот велел их показать невестке. Невестка сейчас же догадалась, что это ее туфли, и узнала Ало-Дино.

— Почему же ты не приходишь? — спросила она.

— Еще не время! — ответил Ало-Дино.

Царская невестка подарила мастеру пятьсот рублей. А царь от себя подарил еще пятьсот рублей.

Ало-Дино вернулся с деньгами к сапожнику.

— Вот тебе, мастер, деньги. Я больше у тебя не останусь.

— Почему?

— Я у тебя просил двадцать пудов орешков, а ты купил только девятнадцать.

И Ало-Дино вернулся к старику.

— Где ты был, сынок? — спросил старик.

— Парень я молодой, шатался по городу,— ответил Ало-Дино и дал старику десять горстей золота.

Немного спустя старик увидел на базаре великое войско и разузнал, что это пришел со своим войском царь Чачонц и разыскивает того, кто выкрал из дворца Азаран-Блбула. Услышав это, Ало-Дино сказал старику:

— Пойди, отец, к нашему царю и скажи: «Уступи своего коня моему сыну — он поедет на этом коне к царю Чачонцу».

Старик пошел во дворец. Царь сказал:

— Как привели коня, так он все стоит в стойле: никто не решается к нему подходить.

Невестка царя догадалась, что этого старика послал ее муж, и попросила у царя разрешения вывести этого коня.

Царь разрешил, и невестка вывела из стойла коня и передала его старику. Старик же доставил его Ало-Дино.

И вот Ало-Дино выехал на своем коне на майдан. Там он встретил старшего брата.

— Куда едешь? — спросил Ало-Дино.

— Добыл я птицу Блбул, а теперь еду к царю ответ держать,— ответил брат и повернул коня к войску царя Чачонца.

— Где шатер царя? — спросил он.

— Вон тот, красный!

Вошел старший брат к царю в красный шатер и семь раз поклонился.

— Ты царевич? — спросил царь Чачонц.

— Так точно.

— Как же ты его достал?

— Снял с дерева в твоём лесу.

— Врешь, брат, Блбула не ты добыл, проваливай, — сказал царь.

Царевич вернулся домой. Тогда средний брат сел на своего коня и тоже поехал к царю Чачонцу.

— Ты куда едешь? — спросил его Ало-Дино.

— Добыл я Азаран-Блбула, а теперь еду к царю Чачонцу ответ держать.

Он вошел в шатер царя и семь раз поклонился.

— Ты похитил Азаран-Блбула? — спросил царь Чачонц.

— Так точно.

— Ну-ка, расскажи, как это случилось.

— Было темно. Вижу, вдруг прилетела эта птица и села в гнездо. Я протянул руку и цап — достал Азаран-Блбула.

— Врешь, Блбула добыл не ты! — сказал царь и велел его тоже прогнать.

После этого царь Чачонц издал приказ: «Найдите мне человека, доставшего Азаран-Блбула, не то разорю всю страну».

Ало-Дино явился к отцу и попросил разрешения пойти к царю Чачонцу держать ответ. Царь не узнал сына и сказал:

— Ладно, иди, коли хочешь.

— Царь, — сказал тогда Ало-Дино, — давай уговоримся: если царь Чачонц уйдет, ты уступишь мне на три часа свою власть.

Царь согласился. Ало-Дино поехал к царю Чачонцу.

— Ты царевич? — спросил царь Чачонц.

— Так точно.

— Ты похитил Азаран-Блбула?

— Так точно, царь. Азаран-Блбула добыл я.

— Расскажи, как это случилось.

Ало-Дино рассказал все, как было.

— Значит, ты Ало-Дино? — спросил царь с удивлением.

— Так точно.

— Но как же мне поверить, что все эти подвиги совершил ты?

Ало-Дино недолго думая снял с коня хурджин и показал царю губы и носы трех дэвов.

Тогда царь Чачонц сказал:

— Сынок, дарю тебе мою птицу! — и, собрав войско, ушел.

Вернувшись к отцу, Ало-Дино сказал:

— Ты меня не узнаешь?

— Нет.

— Я — твой сын Ало-Дино.

— Если ты мой сын на самом деле, сделай так, чтобы наш сад распустился.

Ало-Дино подошел к Азаран-Блбулу и сказал:

— Птица, дорогая, заговори, и пусть наш сад расцветет!

Птица заговорила, и сад тотчас же распустился.

Тогда Ало-Дино сказал царю:

— Ты обещал, что на три часа царство будет принадлежать мне.

— Да, это твое право, — согласился царь.

Ало-Дино сел на трон и стал судить братьев. Братья во всем сознались.

— Чем их наказать, царь-батюшка? — спросил Ало-Дино у отца.

— Сын мой, это твоя воля.

Ало-Дино сказал:

— Они меня не убили, и я их тоже не убью. Пусть они вместе со своими женами покинут нашу страну.

И братья уехали.

Братец-ягненок

Жили-были муж и жена, и было у них двое детей. Эти дети были от первой жены, и мачеха не давала им житья. Приставала она к мужу, чтобы увел этих детей куда-нибудь в поле и оставил там, да муж не слушал ее.

Однажды осенью муж приготовил зерно, чтобы утром засеять, а жена ночью пожарила то зерно и наполнила им мешки. Рано утром встал муж, запряг арбу, бросил туда мешки и пошел засеивать поле. Откуда знать бедняге о проделках своей жены?

Прошел месяц, другой, все поля зазеленели, а его поле — нет.

— Жена, — говорит он, — что же это такое: у всех поля зазеленели, всходы взошли на целую пядь, а у нас даже ростков не дало? Как же нам быть?

— Знаю я средство одно, сделаешь — зерно взойдет, а нет — останемся в этом году без хлеба. Возьми своих детей: одного зарежь на этом конце поля, другого — на том, и поле зазеленеет.

— Безбожница ты, бессердечная, как я могу зарезать своих родных детей?! Пропади пропадом это поле, детей своих я не трону!

— Дело твое, я тебе сказала, а ты поступай как знаешь. Тебе оставаться без хлеба, мне-то что.

Бедняга-муж меж двух огней: убить детей — рука не поднимается, а не убьет — все равно с голоду помрут. И решил он не убивать детей, а отвести и оставить их в поле, а самому вернуться.

Так и поступил. Увел он детей на пустырь и говорит им:

— Оставайтесь тут, а я скоро вернусь.

Сказал, а сам обратно пошел другой дорогой.

Брат и сестра всё ждут, чтобы отец вернулся. Ждут они, ждут, а отца все нет. А сестра была старше брата. Догадалась она, что отец бросил их здесь и ушел. Взяла брата за руку, и пошли они куда глаза глядят.

Идут так несколько дней, а вокруг ни родника, ни ручья, негде воды выпить. Сестра — та ничего, терпит, а у брата от жажды язык прилип к гортани.

Долго ли идут они, коротко ли, вдруг брат видит след коровьего копыта, заполненный водой.

— Сестрица, — говорит он, — можно я из этой лужи напьюсь, умираю от жажды?

— Нет, не пей, братец, коровой станешь! Подожди, дойдем до родника, там напьемся.

Прошли они еще немного. Видит брат верблюжий след с водой. Хочет он выпить, сестра не дает, говорит:

— Верблюдом станешь!

Пошли они дальше. Видят отпечаток лошадиного копыта. Снова брату захотелось выпить, а сестра не дала, сказала:

— Лошадью станешь!

Словом, где бы ни хотел брат напиться, сестра не давала ему.

Невозмогу больше брату, во рту пересохло от жажды. Выпил он тайком от сестры из следа ягненка — и тут же превратился в ягненка. Повернулась сестра посмотреть на брата, а вместо него беленький, красивый ягненок бежит за ней. Плачет сестра, убивается, но что делаешь — поздно уже.

Идут они, голодные, усталые, и видят у дороги родник, а рядом с ним большую чинару. Напились они вдоволь. Сестра взобралась на дерево отдохнуть, а братец-ягненок стал пастись внизу.

А в тот вечер царские слуги привели к роднику коней на водопой. Как ни старались слуги коней напоить, все напрасно — не пьют кони, боятся. А дело было вот в чем: в роднике кони видели тень девушки и боялись, не пили.

Смотрят царские слуги направо, смотрят налево — ничего нет. Подняли головы вверх и что же видят — сидит на дереве прекрасная пери.

— Кто ты — человек, зверь или злой дух? — кричат слуги царя. — Спустись, посмотрим на тебя!

Но как ни просили, девушка не спустилась. Царские слуги пошли к царю, говорят:

— Долгой жизни тебе, царь. Повели мы коней поить, а кони боятся, не пьют. Посмотрели мы наверх, увидели на чинаре прекрасную пери. Сколько ни кричали, не спустилась она вниз. А под деревом пасся белый ягненок.

Царь приказал, чтобы пошли и во что бы то ни стало привели к нему девушку и ягненка. Пошли слуги царя к той чинаре, стали кричать, звать:

— Кто ты — человек, зверь или злой дух? Спустись!

Но не спустилась девушка.

«Не спускается — и не надо. Возьмем хоть этого ягненка к царю», — решили царские слуги. Только хотели они погнаться за ягненком, как девушка спустилась с дерева. Видят слуги царя: гури-пери спустилась, прекрасная, как солнце, ни пить, ни есть — на нее смотреть! Тут взяли они обоих к царю.

Царь спрашивает девушку:

— Кто ты такая и что ты делаешь здесь одна?

И она рассказала все, вот как я вам рассказал.

А царь как раз был неженатый, и женился он на ней. Семь дней и семь ночей свадьбу справляли.

Была в царской палате старуха служанка. После свадьбы она говорит царю:

— Разреши искупать твою ханум в море.

Взяла старуха девушку к морю, а ягненок за ними бежит. Старуха раздела девушку и столкнула ее в море.

Но вот, поди же, как ни старается старуха увести ягненка домой, ничего у нее не получается. Бежит ягненок вдоль берега моря и плачет. Насилу удалось привести его домой.

Старуха эта взяла одежды жены царя, принесла домой, — а у нее была черная, уродливая дочь, — нарядила ее в эти одежды и привела в царские палаты.

— Да продлятся дни твои, о царь! Вот твоя жена, искупала я ее и привела.

Царь же не знал, что это не его жена.

Прошел день, другой, и однажды дочь старухи притворилась больной. И царь спросил ее:

— Что угодно твоему сердцу, жена, скажи, принесут.

— Да ничего другого не хочу, кроме куска мяса того ягненка.

— Да ведь ты говорила, что это твой брат, как же ты хочешь его мяса?

— Что же делать, не дороже он меня, хоть и родной брат, а сердце только того мяса хочет.

Но как ни настаивала дочь старухи, царь не стал резать такого красивого, белого ягненка, да еще родного брата жены.

Пусть братец-ягненок останется тут, а мы с вами посмотрим, что стало с его сестрой.

Не успела старуха бросить ее в море, как проглотила девушку белая рыба. В животе рыбы узнала она, что ее братца-ягненка хотят зарезать.

И вот один рыбак слышит каждую ночь голос из моря:

— Эгей, скажите царю, чтобы не убивал моего братца-ягненка!

И так три ночи подряд.

Удивился рыбак, пошел к царю и говорит:

— Да продлятся дни твои, царь! Слышал я трижды

со дна моря: «Скажите царю, чтобы не убивал моего братца-ягненка». Не пойму, в чем дело.

— Ладно,— говорит царь,— приходи ночью, пойдем выясним, что это за голос.

Ночью царь и рыбак идут к берегу моря и слышат тот же голос:

— Эй, рыбак, скажи царю, чтобы не убивал моего братца-ягненка!

На следующее утро царь велел собрать всех рыбаков царства, чтобы они закинули сети в море. Сколько ни было рыбаков, все собрались, бросили сети в море, вытянули белую рыбу. Вспороли рыбе живот. И что же видит царь? Выходит оттуда его жена.

Как только ягненок увидел сестру, бросился к ней, обнял ее и в тот же миг превратился в человека.

Царь приказал привязать старуху колдунью с дочерью к хвосту мула и погнать его по горам и долам: пусть разорвет их на части, да так, чтобы самым большим куском осталось бы ухо.

А свою жену царь повел в палаты.

Они нашли свое счастье. И вам того же желаю.

Аревахат и змееныш

Жил-был царь. Как-то раз он вышел на балкон и заметил во дворе змею, игравшую со своими детенышами. Увидя их, царь сказал:

— Как был бы я рад, если бы у меня был ребенок, которого я мог бы ласкать. Неужели я хуже этой змеи, что у меня нет даже змееныша?

Судьба услышала голос царя и дала ему змееныша.

Пришли его поздравлять.

— Царь,— говорили ему,— поздравляем, жена твоя разрешилась, но жаль, что она родила змееныша.

— Благодарю бога и за это,— ответил царь,— такова, видимо, его воля.

Змееныш рос не по дням, а по часам. Неделю спустя превратился он в вишапа. Слуги царя не знали, как с ним быть. Змееныш все кричал и требовал есть, но, когда давали ему пищу, он отворачивался и норовил ломать стены.

Однажды, когда пришла посмотреть на змееныша

дочь назира, он схватил ее за руку, потащил в комнату и проглотил. Тут все догадались, что его нужно кормить девушками.

Царь приказал ежедневно доставлять змеенышу по одной девушке. Люди царя пустились на розыски беспризорных детей, чтобы ими кормить змееныша.

Как-то раз нашли они одну девушку, по имени Аревахат, и привели ее к царю.

— Бросьте ее моему сыну, — велел царь.

Люди царя от страха уже не могли открывать двери, и Аревахат спустилась к змеенышу через ертик.

— С добрым утром, царевич! — сказала Аревахат, очутившись со змеенышем наедине.

При этих словах змееныш сбросил с себя чешую, превратился в прекрасного отрока и уселся рядом с девушкой. Они сразу же полюбили друг друга.

Когда царь послал узнать о судьбе девушки, царевич сказал:

— Что это вы закрыли двери? Отворите!

Двери открыли и пошли доложить о случившемся царю. Царь очень обрадовался, увидев, что змееныш превратился в красивого отрока. Сильно понравилась ему и Аревахат.

— Ну, чего ты теперь хочешь сынок? — спросил у него царь.

— Век живи, царь! Я хочу, чтобы ты женил меня на Аревахат, — ответил сын.

Царь дал свое согласие.

Устроили свадьбу и пировали подряд семь дней, семь ночей и пили за здоровье Аревахат и царевича.

После свадьбы царь позвал к себе Аревахат, попросил ее рассказать ему, кто она и откуда.

«Век живи, царь! — начала Аревахат. — Я была сиротой; не было у меня ни отца, ни матери. Была у меня лишь одна мачеха. Ежедневно она давала мне по фунту шерсти и говорила:

— Гони стадо в поле, сучи эту шерсть и возвращайся вечером.

Давала она еще краюху черствого хлеба да говорила:

— Половину этого хлеба ты вечером принесешь обратно.

Сучила как-то я шерсть, стоя на скале. Вдруг вижу — скала разверзлась, и прялка моя упала в щель.

Нагнувшись, я увидела внизу нещеру, в которой сидела старуха. Я попросила ее дать мне прялку.

— Девушка, — сказала она, — я не могу встать с места, спустись сама и возьми.

— А как же мне спуститься к тебе?

— Через овраг, девушка.

Пошла я через овраг и увидела, что дверь в пещеру открыта. Вошла в пещеру, взяла прялку и хотела было вернуться, но двери уже не было.

— Нани¹, куда делась дверь? — спросила я.

— Доченька, поди ко мне, я хочу кое-что сказать тебе, а там покажу дверь.

Когда я подошла к старухе, она сказала:

— Возьми веник и подмети сени.

Когда я сделала это, старуха спросила:

— Чьи сени чище — мои или ваши?

— Твои чище, нани, — ответила я, хотя наши были чище.

Потом она сказала:

— Доченька, садись ко мне, я положу голову к тебе на колени, а ты поищи в ней маленько.

Когда я сделала это, старуха спросила:

— Чья голова чище — моя или твоей матери?

— Твоя, нани, — ответила я.

Потом старуха сказала:

— Меня клонит ко сну. Дай-ка я положу голову к тебе на колени и немного вздремну. Когда я засну, потечет черная вода — ты меня не буди, потечет красная — не буди. Но когда потечет желтая, ты сейчас же меня разбудишь.

— Хорошо, — сказала я.

Старуха заснула. Вижу, полилась черная вода — я ни слова. Потом полилась красная — я все молчу. Но когда полилась желтая, я закричала:

— Нани, вставай, полилась желтая вода!

Старуха мигом вскочила с места, схватила меня за ноги и погрузила в воду: волосы мои стали словно золотые. Потом старуха, показав мне дверь, говорит:

— Теперь, девушка, иди с богом.

Я вышла из пещеры и пришла к нашему стаду.

„Как же мне быть теперь? — сказала я про себя. —

¹ Н а н и — мать, а также бабушка.

Если покажусь с этими золотыми волосами мачехе, она меня приберет и выдерет мне волосы“.

Попросила я пастуха зарезать барашка, чтобы он мясо взял себе, а шкуру дал мне.

— Сделаю это для тебя, — сказал пастух и, встав, зарезал барашка. — Посиди немножко, — сказал он мне, — зажарю шашлык, и съедем вместе.

Зажарил он шашлык, съели мы, и потом он дал мне шкуру барана. Я надела ее на голову и закрыла волосы. Когда же шкура высохла на солнце, вечером я собрала стадо и погнала домой. Прихожу домой, а мачеха набросилась на меня:

— Почему не ссучила всей шерсти? — и ударила меня. — Иди-ка сюда, я помою тебе голову: сегодня суббота.

— Не хочу сегодня мыть голову, — ответила я.

Тут родная дочь мачехи подскочила, сорвала с меня шкуру, и мои золотые кудри рассыпались по плечам.

— Что это значит?! — заорала на меня мачеха.

Тогда я ей все подробно и рассказала.

— Смотри-ка, чтоб утром ты повела мою дочку на скалу: пусть и у нее будут золотые кудри! — сердито сказала мачеха.

Утром, чуть свет, она вывела стадо, дала сестре фунт шерсти, хлеба, и мы пошли. Там я показала сестре скалу. Она взобралась на нее и начала сучить шерсть. Скала раздвинулась, и прялка упала в щель. Сестра нагнулась и, увидев в пещере старуху, сердито сказала:

— Передай мне, нани, прялку!

— Девушка, я стара, не могу встать с места.

— А где же вход в пещеру?

— Через овраг.

Когда сестра вошла в пещеру, взяла прялку и, обернувшись, не нашла двери, она спросила:

— Где же, нани, дверь-то?

— Поди, девушка, — ответила старуха, — у меня к тебе дело.

Сестра подошла к ней, а старуха спросила:

— Чьи сени чище — ваши или наши?

Та сердито ответила:

— Конечно, наши!

— Ладно, не взыщи, я старая женщина, нет у меня никого, кто бы держал сени в чистоте. Сядь-ка, я положу

голову на твои колени, поищи у меня маленько в голове.

Когда она поискала, старуха спросила:

— Чья голова чище — моя или твоей матери?

— Ну конечно, у моей матери голова чище.

— Девушка, — ответила старуха, — я маленько засну. Когда потечет желтая вода, ты не буди, потечет красная — не буди. Но когда потечет черная, ты меня разбуди.

Старуха заснула. Потекла желтая и красная вода, девушка не будила старуху, потекла черная вода — девушка разбудила ее. Старуха встала, схватила ее за ноги и погрузила в черную воду. Несчастливая вся почернела, а на лбу у нее повис кусок кожи.

— Ну, теперь можешь идти, дверь открыта, — сказала старуха.

Та обернулась и, увидев, что дверь открыта, взяла прялку, вышла из пещеры и пришла ко мне.

При виде ее я ужаснулась и спросила:

— Что случилось с тобой?

— Не знаю, — ответила та. — Старуха меня погрузила в воду, и я стала такая.

Так мы и пошли домой. Когда мачеха увидела свою дочь, она взяла палку, исколотила меня и выгнала из дому. Вышла я в поле, села под дерево и заплакала. Тут пришли твои люди и забрали меня.

Я спросила у них:

— Куда же вы меня ведете?

— Мы берем тебя для царевича, — ответили они.

Вот таким образом я и попала сюда».

Сказка о красной корове

Жил-был пастух. У него была жена и двое детей — мальчик и девочка. И еще была у них красная корова. Но вот жена умерла, и пастух женился на другой. Мачеха сильно невзлюбила детей пастуха и все говорила:

— Не мои дети, и любить я их не буду! — и била их и мучила.

Тогда пастух стал посылать детей со стадом в поле, чтобы им не оставаться дома с мачехой.

Вот дети очутились одни в поле и заплакали. Вдруг подошла к ним красная корова и сказала:

— Не бойтесь, детки, не пропадем! Я буду за вас стереж стадо.

Красная корова как сказала, так и сделала: днем она смотрела за стадом, а к вечеру собирала его, и дети гнали стадо домой.

Мачеха давала детям каждое утро по кусочку черствого хлеба и больше ничего. Но в поле корова подходила к ним, давала себя доить, и дети ели не сухой хлеб, а с молоком.

Прошло некоторое время, и у мачехи родилась дочка. Когда она подросла, мачеха стала ее тоже посылать со стадом. Но давала ей не по маленькому кусочку хлеба, а четыре-пять свежих хлебов. В поле красная корова сказала детям:

— Не беда, пусть эта девочка тоже пьет мое молоко. Вам оно сладко, а ей будет горько!

И вот дочка мачехи все хирела и хирела, а дети пастуха все росли и крепли. Мачеха не могла понять, в чем дело.

Один раз она спросила у своей дочки:

— Тебе я даю каждый день по пяти хлебов, а им по кусочку черствого хлеба. И что же: они здоровы, а ты чахнешь!

— Мама,— ответила дочка,— молоко красной коровы мне горько, а им сладко.

— Ах так?! — сказала мачеха.— Ладно!

И на следующий день рано утром мачеха сказала мужу:

— Разве ты не видишь, как чахнет наша дочь? Ночью мне приснился сон: если зарежем красную корову, дочка поправится.

— Жалко корову! — ответил муж.

— А дочь тебе не жалко? — сказала жена.

Она все приставала к мужу, и тот наконец решился зарезать красную корову. А дети ничего не знали. В поле они посмотрели на красную корову, а она стоит грустная и задумчивая.

— Почему ты такая печальная, коровушка? — спросили дети.

— Дорогие детки, ваша мачеха требует, чтобы меня зарезали ради ее дочери.

— Матушка-коровушка, мы упросим мачеху, будем целовать ей руки-ноги, лишь бы тебя не резали!

— Нет, дети, не надо, а то она избьет вас, и мне будет больно. А вы вот что сделайте: когда меня зарежут, вы тайком намажьте себе лица моей кровью — ваши лица заблестят, как золотая парча, а кости мои и копыта соберите и заройте в яслях: они вам когда-нибудь пригодятся.

Дети стали горько плакать. Тогда корова спросила их:

— Почему же вы плачете?

— Кто же теперь, — ответили дети, — будет ходить за нами, кормить нас, помогать нам?

— Не плачьте, пойдите со мной. Тут старуха есть одна, она о вас позаботится.

Повела красная корова детей к старухе и спросила:

— Знаешь, старая, что меня хотят резать?

— Знаю.

— Вот я к тебе моих деток привела. Перед смертью прошу тебя: полюби их.

— Ладно, — ответила старуха.

А красная корова велела детям срезать рог с ее головы.

— Как вам захочется есть, возьмете мой рог, посете — и станете сыты. А в поле вам будет помогать эта старуха.

Утром корову зарезали. Сироты набрали чашку крови, тайком унесли к себе, намазали лица и стали очень красивые.

Вот дочь мачехи начала есть мясо коровы, но ей оно показалось невкусным, будто солома. Когда же его отведали сироты, оно им показалось вкусным, как мед. Потом дети собрали кости, голову, копыта и зарыли их в яслях. И всякий раз, когда им хотелось есть, они шли к яслям, сосали рог красной коровы и насыщались. А есть им хотелось часто, потому что мачеха кормила вдоволь только свою дочь, а сиротам не давала ни кусочка хлеба.

Зимой всю семью пастуха пригласили на свадьбу. Мачеха нарядила свою дочку и взяла ее с собой на свадьбу, а сирот не взяла. Тогда из яслей раздался голос красной коровы. На голос пришла старуха из пещеры, разрыла ясли, достала оттуда богатые платья, нарядила сирот и взяла их на свадьбу. Там они сели как раз против мачехи. Но та их не узнала. Она все смот-

рела на них и думала: «Какие красивые дети! Какие нарядные! Вот бы такого жениха моей дочке!».

А когда гости стали расходиться, старуха незаметно увела сирот, сняла с них наряды и спрятала, а на детей опять надела старое. Они веселые побежали домой и легли спать.

А мачеха пришла и давай их будить:

— Что вы спите, сони! Ах, каких детей я сейчас на свадьбе видела! На девочке туфли серебряные, на мальчике — золотые. А платье какое на них! За миллион не купишь!

— Почему же, нани, ты не взяла нас с собой?

— Вот еще, очень вы там нужны! Спите уж, неугодные!

На следующий день мачеха насыпала котел проса и сказала сиротам:

— Ну-ка, поплачьте над котлом! Будете плакать до тех пор, пока просо в котле не покроется вашими слезами.

Сама же опять нарядила свою дочку и пошла вместе с ней на свадьбу, а сирот оставила. Но тут опять пришла старуха, нарядила детей, как вчера, и тоже повела их на свадьбу.

Гости попиrowали и стали расходиться, а старуха опять увела детей. Только когда они проходили мимо царского пруда, у девочки с ноги соскочила туфелька и упала в воду. Девочка испугалась:

— Нани, милая, моя туфелька в воду упала!

— Не беда, доченька, скорей иди, пока мачеха не вернулась. Увидит — платье отнимет.

Придя домой, старушка сняла с детей дорогое платье, спрятала и надела на них старое. Дети легли спать.

Вот пришла мачеха и давай их будить:

— Что вы спите, лежебоки! Вчерашние дети опять были на свадьбе, только в других платьях, еще красивее! Но потом они быстро исчезли, как молния!

Дети притворились спящими и только улыбались втихомолку.

Утром царевич велел напоить коня. Вот конюхи повели коня на пруд. Но сколько они ни бились, конь не подходил к воде. Доложили царевичу. Пришел царевич, увидел: в пруду что-то блестит — и велел достать. До-

стали, посмотрели, оказалось — туфелька. Царевич понес туфельку к царю и сказал:

— Батюшка, найди мне ту девушку, которой эта туфелька будет впору. А не найдешь — жить не хочу!

Послал царь во все стороны гонцов и велел собрать во дворец девушек со всей страны. Вот собрались все девушки, только сиротка не пришла, потому что мачеха ее не пустила во дворец.

— Куда тебе, такой замухрышке, во дворец? Лучше я дочку пошлю!

Она взяла дочку и пошла во дворец.

Стал царь примерять всем девушкам туфельку — никому не подходит.

Он спросил:

— Все ли девушки пришли?

— Все! — ответили везиры. — Только одна не пришла, замарашка.

— Привести сейчас же!

Разыскали падчерицу, привели во дворец, примерили ей туфельку — и туфелька как раз ей подошла. Царевич обрадовался, взял девушку за руку и сказал:

— Вот она — моя невеста!

Все — и царь, и царица, и везиры, и гости — все стали его отговаривать:

— Куда тебе, царевич, такую?

— Нет, я на ней женюсь! — твердил царевич.

Начали расспрашивать девушку, кто она, откуда. Она стала рассказывать:

— Отец у меня старик, есть еще мачеха, неродная сестра и родной брат.

— А где другая туфелька?

— Не знаю, об этом только моя нани знает.

Девушка вернулась домой. А мачеха осталась во дворце и все отговаривала царевича. Но царевич твердил свое.

А голова красной коровы вызвала девушку к себе:

— Пошли брата к царевичу сказать, что вечером придет старуха нани и выдаст тебя за царевича.

Падчерица так и сделала.

Вечером царевич пришел к ней. Старуха принарядила ее и отпустила с царевичем. И царевич женился на ней.

Через неделю пришла во дворец мачеха и попросила

царя отпустить невестку на два дня. Царь отпустил. А мачеха нарядила свою дочь в платье падчерицы и повела к царю, будто жену царевича, а сама вернулась домой.

Вечером царевич зашел к жене и увидел, что его обманули. Он рассказал царю о проделках мачехи и ее дочери.

Царь рассердился и велел их прогнать.

И слуги исполнили его приказ.

Волшебный перстень

Жила-была старуха. У нее был один сын. Жили они с сыном бедно. Он собирал в лесу хворост, продавал его на базаре и на вырученные деньги покупал себе и матери хлеба. Старуха все учила сына, что нельзя никому причинять вреда: ни людям, ни зверям — никому!

Однажды, возвращаясь в село, паренек увидел, как дети мучают кота. Они накинули на шею кота петлю и дергали веревку. Парень пожалел кота и стал просить детей отпустить ни в чем не повинное животное.

— Ишь ты, какой жалостливый! — сказали дети. — Давай денег — отпустим.

Сын старухи отдал ребятам всю дневную выручку — двадцать пиастров¹ — и унес кота домой. В тот вечер мать и сын легли спать голодные.

На другой день, когда сын старухи пошел в лес за хворостом, за ним поплелся и кот. Вечером сын продал хворост за сорок пиастров и на двадцать купил хлеба. Возвращаясь домой, парень увидел, как детвора мучает собаку. Сын старухи отдал мальчикам двадцать пиастров и увел собаку к себе.

На следующее утро с ним пошли в лес и кот и собака. Выручив от продажи хвороста шестьдесят пиастров, сын на двадцать купил хлеба, на двадцать накормил кота и собаку и с оставшимися двадцатью возвращался домой. На этот раз, проходя по селу, он увидел, как дети истязают змею. Выкупив змею за двадцать пиастров, парень положил ее в глиняный кувшин.

На следующий день сын старухи решил отпустить

¹ П и а с т р — мелкая турецкая монета.

змею на волю, но та не захотела уйти от него. В полдень он вместе с котом, собакой и змеей пошел к холодному роднику обедать и стал кормить также и змею. И вдруг та превратилась в красивого юношу.

— Я — царевич! — сказал юноша. — Меня похитили колдуны и превратили в змею. Они наложили на меня зарок — оставаться змеей до тех пор, пока я не получу хлеба из рук человека. Потому-то я и приполз в село. Ты меня избавил от мучений, ты освободил от злых чар — я век буду тебе обязан!

Тогда сын старухи решил пойти к царю и рассказать обо всем.

Царевич ему посоветовал:

— Если царь спросит, что бы ты хотел за услугу, проси перстень с его пальца. Перстень этот волшебный: покрутишь камень в перстне — получишь все, чего ни пожелаешь.

Вот сын старухи пришел к царю и рассказал ему все.

Царь сказал:

— Ты освободил моего сына — проси что хочешь!

— Хочу перстень с твоего пальца, царь!

— Да согнется шея того, кто научил тебя этому! — рассердился царь. — Однако я должен тебе его дать, раз обещал.

И, сняв перстень с пальца, отдал его сыну старухи.

Через некоторое время старуха посоветовала сыну жениться на дочери царя. Сын согласился. Старуха пошла во дворец и уселась на скамье для свах. Царь вышел к ней и спросил, чего она хочет. Старуха сказала, что пришла сватать царевну за своего сына.

— Приведи его, — ответил царь.

Вот сын пришел во дворец. Царь увидел его и сказал:

— Дочь я выдам, но сумеешь ли ты собрать мне такой выкуп за дочь, какой я захочу?

— Все, что ты прикажешь, царь, я достану!

— В таком случае достань золотую казну и дворец не меньше моего. И еще пусть вырастут в два ряда деревья от моего дворца до твоего дома. А между деревьями чтоб ковер лежал. А вдоль ковра с обеих сторон всадники чтоб сидели на конях.

Сын поклонился царю и побежал домой. Тут он по-

вертел камень на перстне, и царское желание исполнилось. Парень женился на царевне и поселился во дворце.

Прошло немного времени, и вот о волшебном перстне проведал один старик. Под видом продавца колечек старик проник во дворец. Старухи уже не было в живых. Не было дома и сына старухи. А волшебный перстень лежал на полке, и старик его тотчас узнал. Он сказал царевне:

— Ты выбрала из моих перстней три. Я их уступлю тебе все за одно колечко — вот за это, что лежит на полке.

А царевна ничего не знала про перстень. Она достала его и передала старику. Тот повертел камень и сказал:

— Пусть весь этот дворец вместе с царевной и со всем его добром перенесется на остров за семью морями.

И желание старика тотчас же сбылось.

Вечером вернулся сын старухи и увидел на месте дворца свою прежнюю жалкую хижину. Загоревал царский зять и стал бродить по горам, по долам.

Кошка и собака сильно опечалились, узнав о беде сына старухи. Они решили во что бы то ни стало раздобыть перстень и вернуть его хозяину. И вот они пустились в путь. Наконец собака и кошка добрались до царства мышей. Войска, охранявшие границы мышиною царства, в испуге разбежались кто куда. Весть о появлении кота разнеслась по всей стране.

Мышиный царь собрал великий совет, укрепил границы и написал царю черепах письмо с просьбой прислать ему на помощь против кота несколько тысяч воинов в броне. И еще он написал письмо царю ежей, прося несколько тысяч колючих воинов.

Не успел он подписать свои письма, как прибежала собака и сказала, что пришла послом от кота.

— Если хотите, — сказала собака, — чтобы всемогущий кот не истребил все мышиное племя, пусть мышиный царь пришлет коту нескольких жирных мышей, умеющих плавать, и пусть они повезут кота и меня по морям.

Мышиный царь выделил семь жирных мышей.

— Семи хватит! — сказала собака.

Все мыши предстали перед котом. Кот велел им

броситься в море. Собака уселась на мышей, а кот сел на собаку, и все они поплыли по морям. Добравшись до середины семи морей, они увидели остров, а на острове — дворец. Кот приказал мышам забраться во дворец и достать у старика перстень.

Дело было ночью. Во дворце все спали. Мыши прогрызли в стене дырочку и добрались до покоев, где спал старик. Но на пальце старика перстня не оказалось. «Перстень у него во рту», — догадались мыши. Одна из них запустила хвост в табакерку, а потом сунула кончик хвоста в ноздрю старика. Тот чихнул — перстень вылетел изо рта. Мыши подхватили его и доставили коту.

За эту услугу кот возвел мышей в ханский сан.

Кот и собака вернулись к своему хозяину и положили перед ним перстень. Тот обрадовался, повертел камень и вернул дворец и царевну на старое место.

С тех пор сын старухи никогда не расставался с котом и собакой.

Чопчи¹

Жил-был человек. Он был до того беден, что с трудом добывал себе хлеб. Изо дня в день брал он бечевку и топор, ходил в лес, собирал сучки и хворост, продавал их на рынке и тем жил. Однажды, когда он в лесу коллол дрова, из-под дров выползла змея. При виде ее мужик испугался и замер.

Змея говорит ему:

— Не бойся меня, отруби мне одну пядь головы, зарой у себя в избе и запри двери. Спустя семь недель открой избу и увидишь в ней дерево с семью гранатами. В тех гранатах будут драгоценные камни. Продашь один из них, и у тебя будет богатство не меньше, чем у царя.

Мужик дрожащими от страха руками отрубил змее голову, отнес и зарыл ее в избе и крепко-накрепко запер двери. Семь недель он не открывал избы. По прошествии семи недель он вошел в избу и увидел там красное гранатовое дерево с семью гранатами.

¹ Ч о п ч и — собиратель хвороста.

«Посмотрю-ка я, что это за гранаты»,— сказал он про-себя и сорвал один из них.

Расколов его, он увидел, что гранат не съедобен, и, взяв куски, понес на рынок. За каждый кусок ему дали три тысячи рублей. Покупатель сказал, что целый гранат будет стоить дороже. Пришел он домой, сорвал еще один гранат, понес на рынок и продал за десять тысяч. С тех пор сколько он ни рвал их, на дереве всегда оставалось семь гранатов, и у мужика было добра не меньше, чем у царя. Он щедро помогал односельчанам — кому хлебом, кому деньгами. И наконец его вы-брали в цари.

Однажды приехал в те края человек, который знал, что царь этот раньше был бедняком и разбогател лишь впоследствии.

Он стал ломать голову: «Нельзя ли как-нибудь вы-ведать тайну царя и отнять его богатство?» Он стал расспрашивать, не знает ли кто, как разбогател царь. Но никто этого не знал. Тогда он повернул лошадь и поехал к деревенской старухе.

— Нани, не знаешь ли ты, как разбогател ваш царь? Если ответишь, дам тебе много денег.

— Знаю, а сколько дашь, если скажу?

— Вот тебе тысяча рублей.

Получив деньги, старуха рассказала ему все как было.

Выведав тайну царя, человек отправился к нему. Царь принял его и угостил.

— Царь,— спросил человек,— говорят, раньше ты был бедняком? Как же случилось, что ты так сразу разбогател и стал царем?

— Неправда, я всю жизнь был богат,— ответил царь.

— Бьюсь об заклад, что нет. Я тебе сам расскажу, как ты разбогател.

Царь был уверен, что никто не знает его тайны, и стал биться об заклад. Вызвали в свидетели попов, старост и князей и побились об заклад.

— Но что же ты дашь, если я выиграю? — спросил царь.

— Царь, я не менее богат, чем ты. Если проиграю я, даю тебе все мое состояние, если же ты проиграешь, ты уступаешь мне свой трон и богатство.

Тут он подробно рассказал все как было. Царь был поражен.

— А теперь, свидетели — старосты, князья, священники, пойдете посмотрим, правду ли я сказал, — кончил человек и направился в царские покои.

Когда свидетели увидели гранатовое дерево, они прогнали царя, а его богатство и семью передали выигравшему заклад.

Царь несколько дней подряд был вне себя от ярости.

— Боже, если ты хотел отнять, почему ты давал? — говорил он и наконец решил пойти к богу с жалобой.

Долго ли, коротко ли он шел — неизвестно, в конце концов он встретил двух женщин, таких прекрасных, что они словно говорили солнцу: «Спрячься, мы выйдем вместо тебя».

— Куда держишь путь, странник? — спросила его одна из женщин.

— Иду к богу с жалобой.

— Умоляю тебя, расскажи ему про наше горе: у нас всего вдоволь — еды, питья, одежды, но днем и ночью изводит нас головная боль.

— Хорошо, расскажу ему о вашем горе, а потом о своем, — ответил чопчи и пошел дальше.

Шел он, шел и видит трех коней, грызущих друг другу спины. Он поздоровался с ними, и, когда кони узнали, что крестьянин идет к богу, стали они его упрашивать рассказать богу про их горе:

— У нас всего вдоволь, но нас изводит чесотка.

— Хорошо, я расскажу богу об этом, — ответил чопчи и продолжал путь.

Шел он долго и наконец встретил глубокого старика.

— Куда держишь путь? — спросил старик.

— Оставь меня, отец, с моим горем и не спрашивай.

— Расскажи, может я помогу тебе. На что ты хочешь жаловаться богу?

— Ведь ты не бог, не приставай.

— Я — бог! Расскажи, в чем дело.

— По дороге сюда, — начал тогда чопчи, — я встретил двух женщин. Они говорили, что у них всего вдоволь, ни в чем не терпят нужды, но их изводит головная боль. Когда же они узнали, что я иду к богу с жалобой, то попросили умолить тебя, чтоб ты их исцелил.

— Хорошо,— ответил старик.— Еще что скажешь?

— Дальше я встретил трех коней. У них всего вдоволь, но их мучила чесотка.

— Ладно. А еще что?

— Что же мне сказать еще: зачем ты дал, если хотел отнять?

Старик сказал:

— Вернись и скажи женщинам, что, покуда они не выйдут замуж, не избавятся от головной боли. Коням скажи, что они исцелятся, если будут служить людям. А потом ты заведи их с собой и вернись в свое село. Человек, который побился с тобой об заклад, придет и захочет опять биться с тобой об заклад, чтоб завладеть женщинами и конями. Когда он придет к тебе, ты спроси: «Откуда восходит солнце?». Он ответит: «С востока». Ты же не бойся — говори, что с запада.

Сказав это, старик исчез. Чопчи понял, что перед ним был бог.

На обратном пути он сказал коням:

— Покуда вы не попадете в руки людей, не исцелись от чесотки.

— Добрый человек, возьми нас с собой,— ответили кони.

Взяв коней, мужик пришел к женщинам. Поздоровался он с ними и сказал:

— Пока вы не выйдете замуж, не исцелитесь от головной боли.

— Возьми же нас себе в жены, мы пойдем с тобой.

Чопчи посадил женщин на коней, сел сам. И втроем они пустились в путь.

Человек, выигравший заклад, стал царем и не давал покоя жителям той страны: он мучил крестьян и превратил их в рабов.

Когда крестьяне рано утром увидели своего прежнего царя на коне с двумя женщинами, они сильно обрадовались:

— Слава тебе, господи, наш царь вернулся!

Дали знать выигравшему заклад. При виде царя он чуть не лопнул от зависти. «Нельзя ли отнять у него жен и коней? — подумал он.— Ведь у него ничего нет, чем он мог бы кормить своих жен. Когда-нибудь обману его и отниму их у него».

Подойдя к чопчи, он сказал:

— Давай опять побьемся об заклад. Хочешь?

— Давай.

Вызвали свидетелей: старост, князей, попов.

— Откуда восходит солнце? — спросил чопчи.

— С востока, — ответил обманщик.

— А я говорю — с запада.

Крестьяне подняли крик:

— Что ты делаешь, царь-батюшка! Бог осчастливил тебя, а ты опять хочешь проиграть. Разве с запада восходит солнце?

— Бог велик! — ответил чопчи.

Легли спать.

— Многие из крестьян не могли уснуть в эту ночь и до утра молились богу.

Чуть свет собрались выигравший заклад, чопчи, попы, князья, старосты.

— Ну, посмотрим теперь, откуда взойдет солнце, — говорили они.

Выигравший заклад спокойно смотрел на восток. Но солнце взошло с запада. Увидев солнце, чопчи сказал обманщику:

— Что ты все на восток смотришь, посмотри и на запад.

Чопчи выиграл заклад, отнял у своего противника царство и все, что у него было. Но чопчи сжалился над ним и отдал ему жену и детей.

Крестьяне ликовали семь дней и семь ночей — ели, пили, веселились.

С неба упало три яблока: одно — тому, кто рассказывал, другое — тому, кто слушал, третье — тому, кто услышал.

Бадикан и Хан-Боху

Жил-был царь. У него было сорок сыновей. Все они один за другим отправились в далекие страны проявить мужество и храбрость. Наконец дошел черед и до последнего сына. Его звали Бадиканом. Отец дал Бадикану свой меч, лук и стрелы, наделил деньгами и простился с ним. Царевич сел на коня и пустился в путь.

Долго странствовал он по чужим землям, пока наконец не добрался до чудесного дворца. Дворец этот был построен в незапамятные времена из камня и железа.

Бадикан обошел дворец со всех сторон, но нигде не встретил ни одной живой души. «Куда я попал?» — подумал он.

Вечером ко дворцу подошло стальное чудовище в медной шапке и медной обуви; лук чудовища и стрелы были сделаны из прочнейшего железа; от его шагов дрожала земля.

Подойдя ко дворцу, чудовище понюхало воздух и сказало:

— Человечиной пахнет! Я рыщу по горам в поисках дичи, а дичь сама пришла в мой дом. Эй, кто здесь?

Бадикан предстал перед чудовищем.

— Как ты смел приблизиться к моему дворцу? — прорычало чудовище. — Или ты ничего не слыхал про Хан-Боху?

— Как же, слышал! Я и пришел поглядеть на тебя. Я — Бадикан, исходил весь свет, бился с дэвами и всех поборол. Хочу и с тобой померяться силами.

Хан-Боху чихнул, и Бадикан отскочил на целую десятину. Потом Хан-Боху сказал:

— Не бойся, Бадикан, я тебя не трону. Я вижу, ты храбрец. Если хочешь, останься у меня, будешь мне прислуживать! А меч свой и стрелы можешь носить по-прежнему: мне они не страшны, тебе же для охоты пригодятся.

Бадикан согласился и поступил в услужение к чудовищу.

Однажды Хан-Боху сказал Бадикану:

— Гложет меня, братец, одно горе: у восточного царя дочь краше солнца. Семь раз я пробовал ее похитить — и все напрасно. Если достанешь мне ее, дам тебе все, чего ни попросишь. Возьми из моей казны денег, возьми коня, оружие и отправляйся в путь.

Бадикан согласился и поехал за дочерью восточного царя.

Добравшись до города, где жил царь, он переделся бедняком, поступил в помощники к садовнику и стал работать в царском саду. Царская дочь в окно заметила, как Бадикан в свободное от работы время, принарядившись, прогуливается по саду. Бадикан ей понравился. Он ей стал даже сниться по ночам. Снилось и она Бадикану.

Долго не раздумывая, царевна послала служанку

сказать Бадикану о своей любви. Бадикан же дал ей знать о том, что тоже ее полюбил.

А тот город строго охранялся, так как царь ждал нападения. В этом городе женщины бились с врагами наравне с мужчинами. Царевна дала знать Бадикану, что будет его ждать у моря. Если он храбрец, пусть похитит ее.

Как только царевна с сорока служанками появилась на берегу, Бадикан посадил ее на коня, хлестнул его и умчался. Служанки растерялись.

Царь послал войско выручать царевну. Но Бадикан спрятал девушку, вышел навстречу царской рати и всю ее перебил. Потом он снова взял девушку к себе на седло, переплыл море и помчался ко дворцу Хан-Боху.

— Бадикан,— промолвила девушка,— умоляю тебя, скажи: для себя ты меня похитил или для кого-нибудь другого?

— Я тебе всю правду скажу,— ответил царевич.— Я похитил тебя не для себя, а для Хан-Боху.

Царевна заплакала.

— К Хан-Боху я не пойду! Лучше я брошусь со скалы в море. Пусть меня съедят рыбы!..

Бадикан сжалился над царевной и поклялся освободить ее из рук Хан-Боху и жениться на ней. Но тут явился Хан-Боху и повел девушку к себе.

Однажды, когда Хан-Боху беседовал с царевной, она сказала:

— Расскажи мне, как это ты умудряешься оставаться в живых? Ведь у тебя столько врагов! Где ты хранишь свою душу? А если не скажешь, значит, ты не любишь меня!

И Хан-Боху признался:

— В семи днях пути отсюда возвышается белая гора. Там живет непобедимый белый бык. Он не подпускает к себе ни человека, ни зверя. Один раз в семь дней он поднимается на вершину горы утолить жажду из родника. После семи глотков бык возвращается к себе. В животе у этого быка живет белая лисица, в животе белой лисицы спрятан белый ларец, а в белом ларце живут семь белых птичек. Они-то и есть моя душа, тайна моих семи сил. Нельзя ни быка побороть, ни лисицу поймать, ни ларец раскрыть, ни птичек изловить. Быка убьют — лисица убежит; лисицу пойма-

ют — ларец не откроется; ларец откроют — птички улетят!

Девушка рассказала об этом Бадикану.

Через некоторое время Бадикан попросил Хан-Боху отпустить его на охоту. Хан-Боху отпустил. Бадикан поехал к дервишам и спросил:

— Как побороть чудовище неуязвимое?

— Вином, — ответили дервиши.

Бадикан захватил семь бурдюков семилетнего вина, привез их на белую гору и вылил в белый бассейн родника. А сам вырыл поблизости яму, притаился в ней и стал ждать.

На седьмой день к роднику подошел белый бык. Он почуял запах вина, подпрыгнул на высоту семи тополей и с ревом отошел. Однако, изнуренный жаждой, он через день снова явился к роднику, выпил вина — опьянел, потерял рассудок и упал. Бадикан выскочил из ямы, подбежал к быку и одним взмахом отсек ему голову. Хан-Боху в это время охотился. Как только голова быка отлетела, голова Хан-Боху упала на грудь и он задрожал:

— Будь я проклят! Зачем я выдал девушке свою тайну? Я ее убью! — и побежал убивать царевну.

Но Бадикан успел зарезать и лисицу и птичек в ларце.

И Хан-Боху упал мертвым у самого входа во дворец.

А Бадикан на вороном коне поскакал к царевне. Они поженились и стали жить в роскошном дворце Хан-Боху.

Сказка о правом и неправом

Шли два человека и беседовали между собой. Один спросил у другого:

— А вот скажи, кому следует пойти вперед — правому или неправому?

— Правому.

— Нет, неправому.

Они побились об заклад, что спросят об этом у первого же встречного, — и кто из них выиграет, тот вырежет другому глаза. Вскоре они набрали на старика и неправый спросил у него:

— Дед, кому следует пойти вперед — правому или неправому?

— Неправому, — ответил старик.

— Вот видишь! — сказал неправый правому. — Дай вырежу тебе глаза.

Старик достал из кармана нож, дал неправому и говорит:

— На, вырежь!

Неправый вырезал правому глаза и бросил его у ворот развалившейся мельницы. Спустя некоторое время возвратился владелец мельницы и увидел правого.

— Что ты тут лежишь, дружище?

Правый рассказал ему все, что с ним случилось.

— Вставай, пойдем ко мне! До каких же пор будешь тут лежать?

— Нет, — ответил правый, — я не пойду к тебе, а лучше проводи меня на мельницу. Я останусь там до утра, а после подумаю, что мне делать.

— Да ведь на моей мельнице водятся черти — они тебя погубят.

— Чертей я не боюсь — пусть будет что будет.

Мельник взвалил правого себе на плечи, понес и положил его в углу на мельнице, а сам вернулся домой.

В полночь на мельнице поднялась суматоха: отовсюду туда слетелись черти. Один из них сказал:

— Я свел с ума царскую дочь.

— Велика важность! — ответил другой. — Если убьют черную овчарку и кровью собаки помажут тело девушки, она исцелится.

— А я вчера встретил двух путников, — сказал третий, — споривших между собой о том, кому следует пойти вперед: правому или неправому. Я им предстал в виде старика, и они меня спросили об этом. Я сказал, что неправому, и, достав из кармана нож, дал неправому, а тот вырезал глаза правому.

— Это тоже не ахти какая штука, — ответил другой черт. — Если слепец подойдет к чинаре, стоящей у мельницы, да станет копать под ней — появится вода; глаза у него в кармане — он вложит их в глазницы, смочит водой и прозреет.

— А я поссорил двух людей из-за золота, находящегося под мельничным камнем, и они убили друг друга, — сказал один из чертей.

Но тут запел петух, и черти мигом исчезли.

Утром пришел хозяин мельницы и спросил правого:

— Ну что, брат, ночью с тобой ничего не случилось?

— Нет,— ответил тот,— ничего не случилось. У мельницы есть чинара?

— Да, есть.

— Поведи меня туда и оставь под ее тенью.

Хозяин мельницы исполнил его просьбу, а сам ушел. Правый стал руками рыть землю и вскоре почувствовал, что сочится вода. Глаза его были у него в кармане. Он их достал, вложил в глазницы, смочил водой и исцелился. Встав на ноги, он поднял мельничный камень и нашел там две меры золота. Захватив золото, он отправился к пастуху — владельцу черной собаки. Собака при виде правого хотела было наброситься на него, но пастух вовремя подоспел.

— Не продашь ли ты мне, пастух, эту собаку?

— Нет, она не продажная.

— Я дам за нее сто рублей.

Услышав о таких деньгах, пастух даже затрясся.

— Давай, давай, продаю!

Правый дал ему сто рублей, взял собаку и пошел в ближайшую деревню. Тут он раздобыл посуду, зарезал собаку, собрал ее кровь и отправился в город к царю.

Явившись к царю, он поклонился ему и сказал, что хочет исцелить царевну.

— А можешь ли ты исцелить ее? — спросил царь.

— Потому-то я и явился,— ответил правый.

— Если исцелишь ее, выдам дочку за тебя замуж.

Правый, захватив с собой кровь собаки, вошел к царевне. Он поставил девушку на ноги, смазал ее кровью собаки, и от этого кожа девушки вздулась и лопнула. Когда царевна очнулась и заметила мужчину, она застыдилась и укорила его:

— Бесстыдник, что ты тут делаешь?

Дали знать царю. Царь сильно обрадовался выздоровлению дочери. Девушку нарядили, выдали замуж за правого и справляли свадьбу семь дней и семь ночей.

Вскоре царь умер, и, так как у него не было наследника, зять занял его трон.

Прошло некоторое время. Однажды правый, сидя

у себя на балконе, увидел неправого, проходившего по улице. Он велел своим назирам вызвать его к себе. Неправого привели.

Царь спросил:

— Помнишь, у тебя был товарищ, куда он делся?

— О каком товарище ты говоришь? У меня не было товарища, — ответил неправый.

— Вспомни хорошенько.

Неправый долго думал и наконец вспомнил. Царь велел ему рассказать все как было. Тот начал рассказывать: так и так — был у меня товарищ, шли мы и заспорили, кому пойти вперед — правому или неправому. Встретили старика и спросили его. Тот сказал — неправому и дал мне нож, которым я вырезал ему глаза.

— Теперь не знаю, — закончил свой рассказ неправый, — жив ли мой товарищ или умер.

— Хорошо, иди, — сказал царь.

— Куда мне идти? И зачем ты меня расспрашивал? — возразил неправый.

— Так, — ответил царь.

— Умоляю тебя, скажи мне, зачем ты расспрашивал?

— Я был твоим товарищем, — ответил царь и рассказал ему все, что случилось с ним после того, как неправый покинул его у мельницы.

«Где это слыхано, чтобы правый стал царем, а я нет?» — подумал неправый и, уйдя от царя, прямо направился на мельницу. Войдя в нее, он спрятался в углу. В полночь собрались черти.

— Ах, как жаль, царская дочь исцелилась! — сказал один из чертей.

— Исцелился и тот человек, которому я выколол глаза.

— Он даже стал царем, — сказал другой.

Тогда старший из чертей спросил:

— А может быть, на мельнице был человек и подслушал нас? Поищите-ка хорошенько — нет ли тут кого-нибудь?

Черти бросились искать по углам и, найдя неправого, съезжившегося в углу, завернули его в ковер, набросились на него и стали колотить его до тех пор, пока тот не испустил дух.

Они достигли своей цели, да достигнете и вы вашей.
С неба упало три яблока: одно — рассказчику, другое — тому, кто слушал, третье — тому, кто услышал.

Не рой другому яму — сам в нее попадешь

Жил-был на свете человек. Несказанно богатый! Было у него много овец, табунов коней, и еще — ульев, мельниц — словом, так он богат был, что на родине на него пальцем указывали. Еще были у этого человека два сына, непутевые оба: болтались день-деньской без дела и даже не думали заняться чем-нибудь полезным. Отец уже стар был, и оставляли его силы. Заболел он как-то, свалился в постель и, чувствуя, что не встать ему больше, помолился за своих сыновей.

Подняли дети своего отца и похоронили с большими почестями. И вот проходит день, другой, третий, неделя, другая неделя, месяц, другой месяц, третий, шесть месяцев, наконец год.

И в один прекрасный день говорит старший брат младшему:

— Послушай, братец, хватит мне тебя кормить! Давай иди ты своей дорогой и будь сам себе голова.

— Как же так? — говорит младший. — Я ведь родной тебе брат, от одного отца-матери. Зачем же ты лишаешь меня всего? Добра-то у нас хватает, а потом в этом и моя доля есть.

— Нету здесь твоей доли! — говорит старший. — Все, что тут есть, отец мне завещал. А ты кто такой?

— Послушай, — говорит младший, — прошу тебя, сжался, и у меня ведь жена есть, дети.

Только кому он твердит все это? Старший и слышать не хочет, схватил младшего за руку и выгнал из дому с пустыми руками.

Идет тогда младший брат, находит на краю села торню¹, приводит туда детей своих и жену и живет себе. Ходит по чужим дворам, батрачит, за любую черную работу берется, добывает каждый день по нескольку грошей на кусок хлеба и кормит свою семью. И так,

¹ Торня — пекарня.

с хлеба на воду, сводят они концы с концами, но к старшему брату ни ногой.

Да вот не нравится старшему, что у младшего мало ли много, а есть чем семью прокормить, что день трудится тот, день ест; исходит его сердце желчью, и уж не знает он, какую беду накликают на брата — сердце свое ублажить.

«Давай, — думает, — пошлю-ка я его на вершину той горы, обману, что клад там зарыт, пойдет — не вернется, станет добычей зверей диких».

И однажды приходит он в дом к брату своему.

— Здорóво, братец! — говорит. — Хорошо ли тебе живется?

— Здорóво, добро пожаловать! — отвечает младший. — Живу, видишь, не жалуясь.

— Послушай, — говорит старший, — не хватит ли тебе прозябать в бедности, мучиться так куска хлеба ради? Пожалел бы себя, ребятишек своих!

— А как мне быть?

— Дал бы я тебе совет, да вот боюсь — не примешь.

— А с чего бы мне не принять. Говори.

— Ну раз так, слушай: возьмешь мешок, поднимешься на ту гору. Поищешь там — найдешь пещеру. Зайдешь туда и увидишь: полна она золота, бриллиантов и других драгоценных камней. Заберешь с собой все это, разбогатеешь, и пока жив — не будет тебе ни забот, ни печалей: положил голову и спи спокойно.

— Вправду? — спрашивает младший брат.

— Вправду! — отвечает старший.

— Раз такое дело — завтра в путь и пуцусь!

Едва занялся рассвет, говорит младший брат жене:

— Скорее, жена, тащи мешок, собери мне еды на дорогу!

— Куда это ты собрался, человек? — спрашивает жена.

— Брат сказал, на той горе пещера есть, полная золота. Иду за ним.

— Дурья голова, брата послушал — того, кто по миру тебя пустил!

— Что язык распустила, — сердится муж, — не твоего ума это дело! Делай что говорят.

Приносит жена несколько хлебов, увязывает их ему в дорогу и еще приносит мешок. Берет муж мешок,

кладет туда узелок с хлебом-сыром и пускается в путь. Идет он, идет: долго ли — коротко, далеко ли — близко, а приходит на ту самую гору, что брат говорил.

— Да обрушится дом твой, брат! — говорит он. — Куда ты меня послал? Что теперь со мной будет? Пропала моя головушка: придут дикие звери — съедят меня, несчастного!

Ходит он, ищет — куда бы ему укрыться.

Долго ходит и видит вдруг — пещера, а возле нее огромный камень, и закрывает тень от камня вход в пещеру. Прячется он за этот камень, мешок на голову, сжимается в комочек. Проходит час, другой, третий, и видит он: идутмышь, волк, лиса и еще медведь, заходят в пещеру, садятся друг подле дружки. При виде этих зверей душа младшего брата уходит в пятки, и сидит он ни жив ни мертв.

— Оф, оф, оф! — говоритмышь.

— Что вздыхаешь? — спрашивают ее друзья.

— А как не вздыхать? В норе моей пусто, хоть шаром покати, а рядом кувшин с золотом кто-то зарыл, да только пользы мне от него никакой: ни съесть не могу, ни употребить ни на что, так и сижу — зубы на полку.

— Э,— говорит медведь,— вы еще моего горя не знаете. Есть в одном месте дерево, а в дупле его пчелы поселились. И столько там меду набралось, столько набралось, что просто девать некуда! Не знаю, что и делать: подойдешь — пчелы навалятся враз да так искусают, не нарадуешься.

Сидят звери, делятся своими бедами, а человек слышит все и уж не знает, как радость свою скрыть.

«То-то бедный мой брат послал меня сюда, знал, видно, что говорил, не враг же он мне».

Утром, чуть свет, расходятся звери по своим делам. И человек поднимается. И ну бежать отсюда. Идет на то самое место, чтомышь говорила. Долго ищет. Наконец видит ее нору. Идет, находит где-то кирку и начинает копать возле ее норы. Выкопал с аршин, другой, третий, видит — и впрямь кувшин оказался. Открывает, а тот полон золота. Берет он полный карман этого золота, кувшин же снова закапывает и уходит. А неподалеку от того места село было. Идет он в то село, нанимает человек двадцать батраков, каменщиков на-

нимает, плотников, наконец всех мастеров, кто нужен для постройки дома, договаривается о цене и приводит их на ту гору.

— Вот здесь, — говорит, — поставьте для меня дома́.

Стараются мастера месяц, другой, третий, шесть месяцев — и такие дома поднимают, такие дома, что ни есть, ни пить, только любоваться на них — такие они красивые! А рядом пристроил он несколько домишек для прислуги, чтобы за домами смотрели. Еще заказывает он сделать ему ульев двадцать, идет со своими слугами к тому дереву, о котором медведь говорил, находит дупло и видит и вправду там столько меда, что девать его просто некуда. Велит слугам своим собрать весь мед в кувшины, а пчел загнать в ульи и принести домой. Выстраивает ульи в ряд у себя во дворе, мед же запирает в чулан. Так проходят за днями дни, и однажды решает он спуститься в свое село. Поручает дома́ слугам, а сам пускается в путь. Долго ли идет он — коротко, наконец приходит в свое село. И сразу же идет к брату.

— Так-то, брат, и так...

Садится и выкладывает, что да как с ним случилось, ну совсем как я вам рассказываю.

Старший брат как услышал, так и опешил.

«Вот тебе и на! Послал я брата, чтобы его сожрали хищные птицы да дикие звери, а он пошел, разбогател, добра разного себе нажил. Раз так, и я пойду, может, и мне повезет».

Встает старший брат чуть свет, тайком от жены берет в дорогу еды, хватает мешок и пускается в путь. Идет он, идет и приходит на ту гору. Прячется за камень, о котором брат говорил. С наступлением ночи видит: приходят те самые звери, забираются в пещеру и усаживаются рядышком.

— У кого что нового — выкладывай! — говорят друг другу звери.

— Что еще выкладывать? — говорит мышь. — Над моей норой люди такие дома понастроили, а золото все до последнего выгребли. Никак в ту ночь прятался тут человек, подслушал наш разговор.

— То же и со мной стряслось, — вставил медведь, — ни капли мне меда не оставили — все выскребли дочиста.

— Раз такое дело,— говорят лиса и волк,— давай выйдем, пройдемся вокруг.

— Пошли,— соглашаются остальные.

Старший ты брат, пробил твой час! Как услышал он это, пробежала по телу смертная дрожь и объял его ужас.

Ходят-бродят звери вокруг своей пещеры, заглядывают под камень — и видят: лежит под камнем человек, в комочек сжался. Хватают они его и разрывают на куски, чтобы другим неповадно было.

Оставим этого брата здесь, посмотрим, что с младшим случилось.

Видит младший брат, старший долго не возвращается, догадывается, что попал он в лапы лютых зверей и уж те его не пощадили. Сильно горюет он, рвет на себе волосы, да только поздно: слезами горю не можешь. Встает он, идет в дом брата и рассказывает его жене, что стряслось с братом.

— Так ему и надо: «Не рой другому яму — сам в нее попадешь».

— Э, да что там,— говорит младший брат,— что было, то прошло. Собирай свой скарб. Построил я на той горе дома добротные. Собирайся, там жить будешь.

— Там так там,— соглашается жена брата.

На другой день подрядили они десять телег, нагрузили доверху добром своим и отправились в горы.

Долго ли — коротко, быстро ли — медленно едут, наконец приезжают во владения младшего брата. Сгружают имущество, раскладывают вещи по местам, вселяются в комнаты и живут.

А как узнают о том с окрестных мест, приходят, строят тут дома, обживают землю. Так что скоро здесь целое село набирается.

Так младший брат благородством своим добивается богатства великого, а старший за злобу и жестокость свою становится добычей зверей.

С неба упало три яблока: одно — рассказчику, другое — тому, кто заставил меня рассказать, а третье — тому, кто слушал.

Змея преданной жены

Жила-была злая женщина. Она изводила мужа, а тот ничего не мог поделаться с ней. Однажды, когда стало мужу невмоготу, он взял мешок и говорит жене:

— Пойдем соберем в поле сухого навозу.

Жена пошла с мужем. Когда они добрались до колодца, муж говорит жене:

— Дай-ка я спущу тебя в колодец, достань воды — напьемся.

Та согласилась. Но, спустив жену, он тотчас же побежал, раздобыл большой камень и закрыл им отверстие колодца. Потом он искал, нашел змею и бросил ее в колодец. Поймал волка и медведя — бросил тоже вслед за змеей.

Жена снизу крикнула:

— Что же, ты этак думаешь избавиться от меня? Погоди, выйду отсюда, проучу я тебя!

— Звери не дадут тебе выйти из колодца! — ответил муж сверху и вернулся к себе домой.

Спустя неделю он говорит себе: «Дай-ка я пойду к колодцу, посмотрю, что стало с женой».

Придя туда и сдвинув камень, он услышал вой зверей:

— Умоляем, спаси нас от этой женщины, покою от нее нет! Век не забудем твоего добра!

Муж, спустив веревку, поодиночке вытащил из колодца змею, волка и медведя и отпустил их на все четыре стороны.

— Вытащи и меня, не то худо тебе будет! — крикнула жена.

— А ты поумнела, чтоб я тебя вытащил?

— Это не твое дело, говорят тебе — вытащи!

Муж спустил веревку и вытащил жену.

Как только она вышла, тут же, у колодца, набросилась на мужа и хорошенько его отколотила.

— Да чтоб я тебе посыпала голову пеплом! Как это ты посмел лишить меня моего очага! Пойдем-ка домой, не такую еще головомойку тебе задам! — закричала она на него.

И вернулись они домой.

Ночью раздался стук в дверь. Муж, открыв дверь, увидел волка, гнавшего в избу пять овец.

— Этих овец бери себе за то добро, что ты мне сделал,— сказал волк.

— Кто доставил этих овец? — спросила жена мужа.

— Волк, которого я бросил к тебе в колодец,— ответил муж.

— А посмел бы он не доставить! Это он от страха передо мной.

На следующий день перед их домом остановился верблюд, нагруженный всяким добром.

— Кто доставил верблюда? — спросила жена мужа.

— Медведь,— ответил муж.

— Видно, и медведь не забыл головомойки, которую я ему задала,— сказала жена.— Видишь, как трепещут хищники передо мной. Посмей только после этого слушаться меня!

Муж решил верблюда и овец зарезать и сделать каурму¹, а добро, нагруженное на верблюде, отдал жене.

Вскоре царские гонцы стали кричать на улицах:

— Пропал нагруженный царский верблюд! Кто его доставит царю — будет награжден. А у кого его найдут — тому голову снимут!

Услышав об этом, жена побежала домой и говорит мужу:

— Ты зарезал царского верблюда! Пойду-ка я сейчас об этом скажу царю. Меня наградят, да заодно и от тебя избавлюсь!

Муж взмолился:

— Не губи меня! Не ходи к царю.

Та не послушалась — пошла и донесла царю:

— Так и так, мой муж зарезал верблюда и сделал из него каурму, а добро припрятал. Сколько ни говорила: не надо красть царского добра — не послушался!

Царские гонцы пришли, забрали мужа и бросили его в темницу. По приказу царя на следующий день утром должны были отрубить ему голову.

Узнав о беде, случившейся с крестьянином, змея приползла во дворец, проникла в сени, где лежал шестимесячный царский внук, обвилась вокруг его шеи. Невестка царя, увидя змею, вскрикнула и бросилась бежать. Дали знать царю. Он пришел, увидел — и обмер

¹ Каурма — поджаренное мясо, для хранения на зиму.

от страха: змею убить было нельзя, иначе мог бы погибнуть и ребенок. Когда весть об этом дошла до крестьянина, сидевшего в темнице, он сказал про себя: «Это моя змея — она приползла выручать меня!».

— Подите доложите царю, что я так сниму змею с шеи ребенка, что он останется невредим, — сказал крестьянин.

Царь велел привести его к себе.

— Если ты снимешь змею с шеи моего внука, получишь все, что хочешь! — сказал царь.

— Царь-батюшка, — ответил крестьянин, — я избавлю твоего внука, но ты дай слово, что не тронешь моей змеи.

— Обещаю!

Крестьянин подошел к царскому внуку, приподнял полу своей чухи¹, подставил ее змее и сказал:

— Дорогая змея, ты оказалась преданней моей жены, — сползи с шеи ребенка.

Змея сейчас же сползла с шеи ребенка, заползла на чуху крестьянина и свернулась клубком. Закатав змею, крестьянин поднял ее и предстал перед царем.

— Как же ты снял ее с шеи ребенка? — спросил тот.

— Да никак. Только сказал, что она преданней моей жены, и змея сама сползла с шеи ребенка, — ответил крестьянин.

— Видно, тут что-то кроется. Расскажи-ка ты мне, в чем дело.

— Расскажу, царь, если ты разрешишь сначала пойти в поле, выпустить змею на волю.

Отпустив змею, крестьянин вернулся к царю и, рассказав ему про проделки жены, спросил у царя:

— Ну что же, имел ли я, царь, право сказать змее, что она преданней жены?

— Имел! — ответил царь и велел отрубить жене голову, чтобы муж навсегда избавился от нее.

¹ Чуха — верхняя длиннополая одежда.

Змея и бедняк

Как-то раз царю приснилось, что у него над изголовьем висит лиса. Вскочил он с постели, повелел вызывать во дворец всех мудрецов страны. Так, мол, и так, вот я, вот сон мой. Растолкуйте, что сон этот значит.

Но ни один мудрец так и не смог истолковать сон царя.

А в это время навстречу одному бедняку выползла в поле змея и сказала:

— Слушай, брат-человек, я открою тебе смысл царского сна. Ты поди расскажи царю. Он тебе денег даст, и мы эти деньги поделим.

— А что ж,— согласился бедняк,— говори, я слушаю. А деньги, что мне царь даст, я по-братски с тобой поделю.

И змея сказала:

— Пойдешь скажешь так: «Государь, сон твой означает, что этот год недобрый, обманом грозит. Так ты будь осторожен, не давайся в обман ни назирам-везирам своим, ни жене, ни сыновьям своим, держи глаза открытыми».

Пошел бедняк, истолковал царский сон и получил от царя большие деньги. Но домой он вернулся кружным путем, чтоб не встретиться со змеей, не выделить ей долю из полученных денег.

Через некоторое время привиделся царю другой сон: будто над его изголовьем висит меч... Вскочил он с постели, кричит:

— Зовите сейчас же того бедняка, пусть истолкует и этот сон!

Побежали слуги за бедняком: так, мол, и так, зовет тебя царь. Пошел бедняк во дворец, а по дороге встретила змея, свистит ему:

— Стой, братец-человек, выслушай, что я тебе скажу!

Остановился бедняк, смущенный и пристыженный, а змея говорит:

— Пойдешь скажешь царю: «Государь, сон твой означает, что в этом году ожидается большое кровопролитие, так что тебе надо заранее подготовиться к войне. А в этой войне ты победишь, так что не бойся!».

— Ладно, скажу так, — согласился бедняк. — А твою долю тебе выделю.

— Иди уж, господь с тобой! — сказала змея, уползая. — Хоть и нехорошо ты сделал, что обещанную в тот раз мне не выделил...

Пошел бедняк к царю, истолковал ему сон. А царь ему говорит:

— Ну, раз ожидается в стране война, дарю тебе меч — может, пригодится тебе при встрече с бедой или врагом.

Препоясавшись дареным мечом, сел на дареного коня, перекинул через руку хурджин с дареным золотом и поехал к себе домой.

В поле выползла ему навстречу змея, спрашивает: — Ну, брат-человек, привез мне мою долю?

Выхватил бедняк царский меч, нанес удар, чтобы убить змею, но промахнулся, отрубил только кончик хвоста. Увернулась змея и заползла в свою нору.

Прошел после этого целый год. Все случилось так, как говорила змея: была кровопролитная война, и царь одержал победу над врагами. И привиделся царю еще один сон: будто висят у него над изголовьем волк и ягненок. Встал царь, велел вызвать во дворец бедняка.

Идет бедняк во дворец и думает: «Эх, и зачем я обидел так змею?.. Ведь не сумею я без ее помощи истолковать сон, и слетит у меня голова с плеч...». Идет, не глядит по сторонам от горя, и вдруг вот она, змея, выползла ему навстречу и говорит:

— Иди, брат-человек, скажи царю: «Твой сон означает, что после этого наступает год мира и ягненок может мирно пастись рядом с волком».

Пошел бедняк к царю, истолковал его сон и получил большие подарки. Поехал он с ними к норе змеи, вызвал ее и говорит:

— Возьми себе царский подарок, сестрица, и подожди меня здесь — принесу все то, что раньше от царя получил, разделим по-братски.

— Да нет! — засмеялась змея. — Пользуйся себе на здоровье, мне ничего не надо!

— Ну как же получается, сестрица-змея, ведь я тебе столько зла причинил, а ты мне все добром отплачиваешь? — смутился бедняк.

— Иди с миром,— говорит змея.— Тут не только твоя вина. Первый год был лисий, обманный,— вот ты и обманул меня. Второй год был год меча, кровопролитный,— вот и ты пролил мою кровь: хвост мне отрубил. А третий год — год безопасности и мира,— вот ты и примирился со мной. Так иди же себе с миром!

Разум и сердце

Однажды разум и сердце заспорили. Сердце твердило, что люди живут для него, а ум настаивал на обратном. Они не стали прибегать к помощи судьи, а решили действовать в одиночку и не вмешиваться в дела друг друга. Свой уговор они решили испытать на одном крестьянине.

Крестьянин, как обычно, взял соху и пошел в поле. Когда он приступил к вспашке, соха его застряла в борозде. Нагнувшись, он увидел в земле медный кувшин с золотом.

«Как мне теперь быть? — подумал он.— Большие дела я могу сделать на эти деньги, могу стать богатым человеком».

В то же время пришло ему в голову: «А что, если узнают об этом воры и придут за ним? Коли стану пережить — меня убьют».

Занятый этими мыслями, он вдруг заметил судью той страны, проходившего по дороге.

«Лучше дам я золото судье, и сам спокойно продолжу свою работу»,— решил крестьянин и, бегом пустившись за судьей, привел его на свое поле.

Но тут вернулся к нему разум. Опомившись, крестьянин немедленно спрятал кувшин за спину и сказал судье:

— Ага, ты судья и человек ученый. Скажи-ка мне: из этих двух моих быков какой лучше?

Судья, услышав эти слова, в сердцах выругал его и ушел. С его уходом ушел от крестьянина и разум.

Вновь призадумался крестьянин: «Зачем я не дал ему золото, что я буду с золотом делать, где буду держать?».

Оставив работу, он этак размышлял до вечера, пока не заметил судью, возвращавшегося из деревни.

Бросился он к нему, стал умолять-упрашивать еще разок прийти к нему на поле.

Судья, решив, что тут что-то кроется, пошел с ним. Но разум опять вернулся крестьянину, и он сказал судье:

— Умоляю тебя, не сердись, посмотри на это мое поле, ты человек ученый! Что больше — вчерашняя моя запашка или сегодняшняя?

Судья, решив, что пахарь сошел с ума, засмеялся и ушел. С ним вместе отошел от крестьянина и разум — и уселся на краю поля.

— О господи! — сказал вне себя от ярости крестьянин. — Зачем я не дал судье золото, где и как я буду его держать?

И недолго думая запрятал кувшин с золотом в мешок, в котором доставляли ему в поле обед, закинул мешок за спину и, возвратившись домой, сказал жене:

— Жена, живо привяжи быков, дай им сена и убери соху! Я иду к судье.

Увидела жена за плечом мужа мешок и решила узнать, что в нем запрятано.

— Не мое женское дело привязывать быков — я вожусь только с овцами да коровами. Лучше привяжи сам и иди куда хочешь.

Оставив мешок в комнате, муж пошел загнать быков в хлев. Жена вынула из мешка кувшин с золотом и бросила в мешок камень. Выйдя из хлева, муж торопливо подхватил мешок и пустился прямо к судье.

— Вот тебе подарок, бери! — сказал он судье.

Когда судья развязал узел, крестьянин опешил. Судья рассердился, но, решив, что тут что-то неладно, велел посадить крестьянина в тюрьму и приставил к нему двух людей, приказав им сообщать все, что тот будет делать и говорить.

Сидя в тюрьме, крестьянин стал что-то бормотать и показывать руками: кувшин-де был таких-то размеров, носик такой-то, объем такой-то, дно такое-то, и столько-то в нем золота.

Приставленные к нему люди доложили судье: так и так, он махал руками, а говорить — ничего не говорил.

Судья велел вызвать его к себе.

— Расскажи, почему ты махал руками и что ты измерял?

Ум сейчас же вернулся к крестьянину, и он ответил судье:

— Измерял я тебя: голова твоя такая, шея такая, живот такой, борода такая, и говорил про себя: кто больше — ты или наш бородатый козел?

Судья вышел из себя и велел его повесить. Повели, чтобы повесить, но, когда, надев ему на шею петлю, хотели ее затянуть, он взмолился:

— Не казните меня, я пойду к судье и скажу ему всю правду!

Привели его к судье.

— Скажи правду, что это ты измерял в тюрьме?

— Нечего тебе мне говорить: если бы не сняли петлю с моей шеи, я бы погиб, вот и вся правда, — ответил крестьянин.

Засмеялся судья при этих словах и освободил крестьянина.

Раскаялись разум и сердце в том, что сделали, и дали зарок отныне действовать вместе, решив, что человека делают человеком разум и сердце, сердце и разум.

Глупец

Жил когда-то очень богатый человек. Ведя беспутный образ жизни, человек этот постепенно растерял все свое добро и в один прекрасный день остался гол как сокол. Потупив взор и понутив голову, он ахал и охал, вспоминая былые дни.

Однажды пришли к нему его знакомые. И один из них, человек бывалый, ему сказал:

— Видимо, ты провинился в чем-нибудь, что счастье твое ушло от тебя. Мой совет: пустьсь за своим счастьем. Может, найдешь его и будешь богат, как прежде.

Человек внял его словам и пустился по долам и горам в поисках своего счастья. Однажды он увидел во сне свое счастье висевшим со скалы головою вниз. Проснувшись утром, он немедля направился к той скале.

Шел он долго и встретил дорогою льва.

— Куда держишь путь? — спросил лев.

— Иду за своим счастьем.

— Я его знаю, — сказал лев. — Счастье твое очень

умное. Может быть, ты спросишь у него, чем я могу исцелиться. Вот уже семь лет, как я стал немощным. По возвращении сообщки, что оно скажет, и я сделаю для тебя все, что смогу.

Человек обещал исполнить его просьбу и продолжал путь.

Идя дальше, он набрел на сад, полный множества разных плодов. Но, срывая плоды и пробуя их, он нашел, что все они горькие. Увидев его, хозяин сада сначала разбил его; затем, когда человек рассказал ему о своем горе и о том, куда держит путь, хозяин сказал:

— Коли уж так, спроси, братец, чем исцелить мой сад, чтобы плоды его не были горькими. Сколько я ни бился, делал новые посадки, прививки — ничего не помогло! Если по возвращении ты мне принесешь ответ, я сделаю для тебя все, что в моих силах.

Человек обещал исполнить просьбу владельца сада, пошел дальше и дошел до замка, расположенного у высокой горы. Войдя в него, он увидел во дворе молодую, прекрасную женщину. На ее вопрос, что он делает в этих местах, человек рассказал все, что с ним случилось.

— У меня, — сказала женщина, — очень много всякого добра, но я страдаю от головной боли, которая мучает меня днем и ночью. Если спросишь об исцелении у твоего счастья, я сделаю для тебя все, что ты захочешь.

— Ладно, узнаю. — Человек продолжал путь и наконец нашел свое счастье висящим с горы.

Поздоровавшись с ним, человек рассказал ему о своей обиде, передал поручения и, получив ответы, предложил своему счастью пойти с ним вместе.

— Поди ты вперед, я приду за тобой, — сказала счастье.

На обратном пути человек, встретив красивую женщину, сказал ей:

— Если ты выйдешь замуж за молодца, исцелишься от своей болезни.

Хозяину сада сказал:

— Вода, которая орошает твой сад, протекает по золотоносной земле. Золотая пыль, находящаяся в воде, впитывается деревьями, и оттого плоды их делаются горькими. Чтобы плоды твоего сада перестали быть

горькими, ты должен или изменить русло реки, или достать золото из воды.

Придя ко льву, человек рассказал ему все, что он видел дорогою и у счастья.

— Что предложила тебе молодая женщина? — спросил лев.

— Она предложила мне жениться на ней и вместе с ней пользоваться ее добром — я не согласился.

— А что предложил владелец сада?

— Владелец сада достал из реки все золото — вышло очень много. Предложили он мне взять его себе, но я не взял и сказал: «Стану я его таскать в такую даль к себе домой!».

— Ну ладно, а теперь скажи, какой совет ты получил насчет моей болезни? — спросил лев.

— А про тебя счастье сказало, что лев исцелится, если съест голову глупого человека.

Лев, хорошенько поразмыслив над этими словами, тихонько протянул лапу к голове этого человека, схватил ее и сожрал.

— Клянусь богом, — сказал лев, — человека глупее тебя вряд ли я сыщу на земле!

Ремесло дороже золота

Жил некогда богатый царь. Он часто тайком от назиров и везиров одевался в рубище нищего и ходил странствовать по городам и селам, послушать, что о нем говорит народ.

Как-то раз в одном селе царь встретил девушку, такую красивую, что кто ни видел ее — говорил: ни пить, ни есть, на нее смотреть.

Царь вернулся к себе во дворец и сказал своим назирам и везирам:

— В такой-то деревне живет прекрасная девушка. Пойдите к ней и скажите, что царь хочет на ней жениться.

Назиры и везиры отправились в ту деревню, нашли дом девушки и тоже восхитились ее красотой. Сказали они отцу и матери девушки, что царь очарован их дочерью и хочет на ней жениться.

Отец девушки был бедный крестьянин. Не поверил

он, что царь удостоил его дочь такой чести. Но люди царя убедили его, и тогда он сказал:

— Мы слуги царя, как он прикажет, так и будет,— и обратился к дочери: — Дочь моя, царь послал своих назиров-везиров свататься за тебя. Что им ответить?

Девушка спросила:

— А какое у царя ремесло?

— Что ты, дочь моя, ума лишилась?! Какое у царя может быть ремесло? Он владеет миром, что захочет — сделает, а мы все — его слуги.

— Нет, мой муж должен владеть каким-нибудь ремеслом, иначе я за него замуж не пойду.

Пошли назирь-везиры передали царю ответ девушки. Удивился царь, но ничего не поделаешь, ради девушки решил выучиться ремеслу.

Выбрал он самое легкое ремесло — стал учиться ткать ковры. Овладев этим ремеслом, царь соткал для своей невесты красивый ковер и послал ей в подарок. Девушке понравился ковер. Распрощалась она с отцом и матерью и с назирами и везирами отправилась в царский дворец.

Царь семь дней и семь ночей свадьбу справлял. Поженились они и стали жить в почестях и славе.

Прошел не то год, не то два, и снова царь в одежде нищего стал обходить свои города и села, решив узнать, что о нем говорит народ.

Вот раз во время одного из таких странствий царь попал в руки разбойников, которые, узнав о его ремесле, не убили его, а продали богатому купцу.

Купец запер царя в темную каморку, дал ему шерсти, чтобы он ее растрепал и соткал ковер. Царь соткал ковер, да такой красивый, подобного которому не было во всем мире.

Увидев этот ковер, жена купца сказала мужу:

— Пусть он выткет большой ковер. Отнесешь его в подарок царю, а он авось в долгу не останется.

Купец пошел в каморку к ткачу и сказал ему:

— Хочу сделать царю подарок. Вытки ковер, да только смотри, чтобы в целом свете такого не было. И чтоб он был величиной с царский зал, ни на волос не больше и не меньше. Не снести тебе головы, если не выполнишь моих условий.

Царь, услышав это, очень обрадовался, а длину и

ширину своего зала он хорошо знал. И соткал он такой ковер, какой требовал хозяин. А в углу ковра выткал буквы (так, чтоб только одна царица могла прочитать), что понал он в беду и просит освободить его.

Купец остался доволен работой и понес ковер в царский дворец.

Назиры и везиры дали знать царице о принесенном подарке. Царица расстелила ковер, увидела, что он ни на волос не больше и не меньше комнаты, удивилась очень, осмотрела весь ковер и в одном углу увидела буквы. Прочитав надпись и узнав, что случилось с ее мужем, царица побледнела. Царь и прежде ходил по стране недели, месяцы и годы, но никогда ему и в голову не приходило, что может его постигнуть такая участь.

Царица тотчас повелела привести того, кто соткал этот ковер, целым и невредимым во дворец.

Назиры и везиры отправились с купцом к нему домой, зашли в темную каморку, но царь очень изменился, и они его не узнали. Ткача повели в баню, искупали, нарядили в новые одежды и отвели в царский дворец. А купец наставлял его, как вести себя во дворце, как стоять и кланяться.

Когда царь вошел в палату, царица тотчас же бросилась к нему. Обнялись они, поцеловались.

— Правду говорят, жена, — сказал царь, — что ремесло дороже золота.

Добро здесь, а зло у врага.

Мудрый ткач

Однажды, когда царь сидел на троне, из дальних стран пришел к нему путник, очертил полосу вокруг его трона и молча стал поодаль. Царь ничего во всем этом не понял. Он вызвал своих приближенных, но и те ничего не могли понять. Для царя было большим позором, что во всей его стране не нашлось человека, кто бы мог разгадать, что это значит. Он издал строгий приказ, что казнит всех мудрецов своей страны, если они не решат этой загадки.

Приближенные царя, искавшие мудреца, который мог бы разгадать эту тайну, случайно набрали на один

дом. Войдя туда, они увидели в комнате колыбель, которая качалась, хотя вокруг никого не было. Вошли в другую комнату, там тоже стояла колыбель и качалась, хотя и тут не было людей. Поднялись на крышу дома — там нашли разостланную мытую пшеницу, а рядом с ней качался воткнутый в землю тростник и разгонял птиц, чтоб те не клевали пшеницу, хотя и не было ветра.

Диву дались люди царя. Спустившись в нижнюю комнату, они увидели ткача за работой на станке. Ткач этот привязал одну нитку за основу, другую — за утёк, а третью — за ремизку. В то время как он ткал, нитки двигались и качали обе колыбели и тростник на крыше.

— Вот так мастер, не хуже мудреца!

Рассказали ткачу люди царя о том, как один странник провел полосу вокруг трона царя и никто не может узнать, что хочет он сказать этим, а потом предложили ему пойти и разгадать эту тайну.

— Если ты разгадаешь, большие подарки получишь от царя, — прибавили они.

Ткач призадумался, взял две бабки и курицу и пошел с ними к царю. Придя во дворец и увидя странника, ткач бросил перед ним две бабки. Странник при виде этого достал из кармана горсть проса и посыпал наземь. Ткач же бросил курицу, которая стала быстро клевать просо. После этого странник мгновенно надел лапти и удалился.

— Что хотел сказать странник? — спросили у ткача.

— Странник этот хотел сказать нашему царю, что его царь собирается прийти и осадить нашу землю, и хотел узнать, думает ли царь наш ему подчиниться или выйдет ему навстречу с войском. Я бросил перед ним бабки — дескать, вы перед нами дети, играйте лучше у себя дома в бабки и перестаньте думать о войне с нами. Странник насыпал просо, чтоб показать, что войску их числа нет. Я же, пустив курицу, ответил ему, что наш один воин разобьет все их войско.

Царь удостоил ткача больших почестей, богато наградил и хотел назначить его везиром, но ткач не согласился. За свою услугу он взял очень мало и на прощание сказал царю:

— Я бы хотел, царь, лишь одного: чтобы ты знал,

что среди твоих слуг можно найти людей более умных, нежели твои везиры, и чтобы отныне ты считал за людей ткачей и лапотников.

По одежке протягивай ножки

Однажды царь вызвал к себе всех портных своей страны и приказал шить ему одеяло по его росту: не длинно и не коротко. Никто из портных не мог исполнить желания царя, и он велел отрубить всем им головы.

После этого пришел к нему еще один портной.

— Царь, — сказал он, — я сошью тебе одеяло, и оно тебе будет впору: не длинно и не коротко. Прикажи — возьмусь за работу.

— Ладно, шей, — ответил царь, — но смотри, предупреждаю заранее, если оно будет хоть немного длинно или коротко, прикажу отрубить тебе голову!

— Согласен, — ответил портной.

Он взялся за работу, шил одеяло нарочно немного покороче, принес и положил перед царем; сам же под фартуком спрятал хлыст.

— Царь, долгой жизни тебе! — сказал портной. — Я принес одеяло, какое ты хотел. Посмотри, хорошо ли.

— Дай-ка погляжу, впору ли оно.

Царь лег, натянул на себя одеяло, но ноги его остались непокрытыми. Тогда портной достал из-под фартука хлыст и стегнул им по голым пяткам царя. Царь сейчас же спрятал ноги под одеяло.

— Держи ноги по длине своего одеяла! — сказал портной.

Услышав эти умные слова, царь ничего не сказал портному, щедро вознаграждал его и отпустил с миром.

Недаром говорит пословица: «По одежке протягивай ножки».

Лгун

Жил-был царь. Однажды он послал во все стороны глашатаев, которые стали кричать народу:

— Эй, вы! Кто из вас лучше всех солжет, тому царь даст золотое яблоко!

Стали приходить к царю отовсюду: царевичи, дети назиров, везиров — одним словом, очень много людей, но никто не мог угодить царю.

Пришел наконец к царю бедняк с большим кувшином в руке.

— Чего тебе надо? — спросил царь.

— Здравствуй, царь! — ответил бедняк. — Я пришел получить свои деньги: ты ведь мне должен кувшин золота.

— Врешь ты, — ответил царь, — я тебе ничего не должен!

— Вру? Так дай мне золотое яблоко, коли я вру.

Царь, поняв его хитрость, стал отнекиваться:

— Нет, ты не врешь.

— А не вру, так плати долг.

Царь, видя, что лгун выиграл, ни слова не сказав, достал и дал бедняку золотое яблоко.

Три брата

Жил-был царь. В стране этого царя жила одна сумасшедшая женщина. У нее было три сына: один из них был пахарем, другой — садовником, третий — ткачом. Однажды в стране этого царя начался голод, да такой голод, что не приведи господь увидеть такое и недругу моему. Из-за куска хлеба люди готовы были перегрызть горло друг другу. И вот как-то раз из царского каравана пропал верблюд. Сыновья этой сумасшедшей женщины увидели его и погнались к себе домой. Они боялись, что их сумасшедшая мать тут же побежит и донесет об этом царю, поэтому братья вырядили ее невестой, покрыли лицо фатой и велели ей стать в угол, как и полагалось невесте.

— Матушка, — сказали они, — мы решили снова обвенчать тебя. заколем этого верблюда, вот и гостям угощение.

Зарезали братья верблюда, приготовили каурму, наполнили чаны и спрятали в подвале, чтобы ненароком не попали на след, не то всех в Сибирь угонят. И каждый занялся своим делом.

Царь послал своих слуг на поиски. Слуги сбились с ног, искали они, искали, и все без толку. Отчаявшись, решили спросить у сыновей сумасшедшей женщины. Сперва пошли к старшему брату, который в то время работал в поле.

И спросили слуги царя:

— Братец, не видал ли ты тут случаем верблюда?

Старший брат прикинулся придурковатым.

— Вы что, не видите, что я пашу.

— Да мы спрашиваем: не видел ли ты верблюда?

Мы и сами видим, что пашешь.

— Нет, раз на раз не приходится: бывают дни — пашем одну десятину, а то — и две.

— Да мы про верблюда спрашиваем, про верблюда о четырех ногах, с двумя ушами и кривой шеей!

— Это мы пашем, а после посеем, вовремя польем, чтобы ростки не засохли.

Слуги царя переглянулись и подумали про себя: «От него толку не добьешься, видать, не в своем уме. Пойдем-ка лучше к среднему брату».

Отправились к садовнику, видят — сбивает он орехи с дерева.

— Братец, пропал царский верблюд. Может, ты его видал?

И этот притворился придурковатым.

— Да вы что, ослепли, не видите — орехи сбиваю.

— Мы про верблюда спрашиваем, верблюда! Видал, скажи да, а нет — так нет.

— Год на год не приходится; бывает, сотня за рубль идет, а бывает — за два.

— Да ты что, оглох? Про верблюда спрашиваем!

— Это еще деревья-малолетки, а большие — в том конце, с них еще не собрали.

Слуги переглянулись и порешили: «И у этого брата не все дома, пойдем-ка к ним домой, спросим у младшего брата — может, он знает».

Пошли к младшему брату-ткачу.

— Не видал ли ты, братец, случаем царского верблюда? Скажешь — магарыч будет.

И этот, как и старшие братья, прикинулся придурковатым.

— Да вы что, не видите? Продерите-ка получше глаза, я плотно тку.

— Мы про верблюда, а ты все про свое!

— Когда как, бывает — за день целый тюк наткешь, а бывает — и до половины не дотянешь.

— Ты что, спятил? Мы про верблюда, а ты все чепуху городишь!

— Бывает — тюк за шесть абаси идет, а бывает — за восемь или за два, смотря спрос какой.

Слуги подумали: «Видать, и у этого в голове не всё в порядке. Пойдем-ка лучше спросим у их матери — может, она скажет». Спросили у сумасшедшей, не видала ли она царского верблюда.

— Как не видать, видала. Сыновья мои привели, зарезали, приготовили каурму и спрятали в подвале.

— Когда?

— Когда я еще невестой была.

Слуги поняли, что она всем сумасшедшим сумасшедшая, и отправились ни с чем обратно.

Пошли и доложили царю, что они сбились с ног, искали-искали, но верблюда не нашли.

Поп Слик идет в рай

— Вставай, жена! — сказал поп Слик попадье. — Погрузим наше имущество на осла, возьмем детей наших и пойдем в рай!

Так и сделали, велели детям идти впереди и пустились в путь. Много ли прошли или мало, вдруг видят — идет навстречу Адам.

— Эгей, батюшка, будь встреча к добру! Куда это идешь ты всей семьей, всем домом?

— В рай иду.

— Какой рай? Да ты спятил, ума решился, поп? Пока человек не помрет, жизни не лишится, как же может он в рай попасть?

— А ты кто такой, что невежество свое показываешь? А ну поведай имя свое.

— Не узнал меня, что ли? Ведь я — Адам!

— А-а, это ты, Адо? Господь тебя честь-честью со-

адал, бессмертие дал и в рай поместил. Все, что на свете хорошего было, тебе даровал, чтобы ты ел-пил себе, радовался... А тебе все недостаточно было, заповедь божью нарушил, запретного плода вкусил, да и нас в грех ввергнул! Ведь все из-за тебя мы мучаемся, из-за прегрешения твоего. И все же ты со своими грехами в рай попасть сумел, а мне нельзя?

Поднял поп Слик свой посох, как кинется на Адама... Еле сумел Адам увернуться. А поп пошел себе дальше.

Много ли прошел, мало ли — вдруг навстречу ему Матос-ага¹.

— Благослови, батюшка!

— Будь благословен, сын мой!

— Куда идешь, батюшка!

— В рай иду.

— Какой рай? Да ты обезумел, батюшка? Ведь пока человек не умрет, жизни не лишится, как может он в рай попасть?

— А ты кто такой?

— Я — Матос-ага.

— Эй, ненасытный Мато! Не тебе ли господь сто девяносто девять лет жизни даровал, а тебе недостаточно показалось? Еще стал у бога просить, а господь к тебе своего ангела послал, через него передал: «Матос-ага, хватайся рукой за шею вола: сколькохватишь рукой волос, столько годов жизни тебе добавлю!..». А ты, ненасытный Мато, всем телом накинулся на вола. В это время ангел господний дал тебе по голове, так что и жизнь отлетела... Выходит, что ты при всей своей жадности сумел в рай пробраться, а мне нельзя?

Замахнулся тут поп Слик посохом — еле успел Матос-ага увернуться.

Пошел дальше поп Слик, а ему навстречу прародитель Ной.

— Благослови, батюшка! Ты это куда собрался?

— Будь благословен! А я в рай иду.

— Брось безумствовать, батюшка! Где слыхано, чтоб человек в рай собрался, прежде чем умрет?

— А ты кто такой, что так со мной говоришь?

— Так я же Ной, прародитель.

— А-а, вон ты кто... Сумел бога обмануть, заставил

¹ М а т о с - а г а — библейский Мафусаил.

потоп на землю наслать, всех людей сгубить, а сам в рай пробрался?! Хоть лопни, а я в рай попаду!

Пошел поп дальше, а ему навстречу патриарх Авраам.

— Будь к добру встреча, поп Слик! Куда ты собрался?

— В рай иду.

— Брось безумствовать, батюшка! Где слыхано, чтоб человек в рай собрался, прежде чем умрет?

— Ну и помирай себе, если нравится! Хорошим человеком был бы, не убил бы сына... А то сына молодого зарезал и сумел в рай пробраться, а мне нельзя?!

Замахнулся тут поп Слик своим посохом. Авраам кинулся бежать от него. Пошел поп дальше, а ему навстречу пророк Моисей.

— Куда это ты собрался, поп Слик?

— В рай иду.

— Да ты с ума сошел, батюшка! Да где же слыхано, чтоб люди с женой, детьми, скотом в рай шли? Человек должен сперва умереть, жизни лишиться, а уж потом речь о рае пойдет.

— А ты кто такой, что мне указания даешь?

— Так я же пророк Моисей!

— Эй, шепелявый Моисей, может, ты себя очень праведным человеком считаешь? Обманул свой народ, в пустыню завел, сорок лет там держал, чуть всех не загубил... Если уж впрямь таким праведником был, почему ж на вершине горы помер, так страны обетованной и не увидев? А ну проваливай! Не то как возьму посох, ноги тебе перебью!

Замахнулся поп Слик. Моисей убежал. А поп пошел себе дальше.

Прошел немного, а навстречу ему пророк Давид.

— Куда это ты собрался, батюшка?

— В рай иду.

— Да не разрушится дом твой, поп! Где это слыхано: с женой, детьми, скотом в рай идти? Рехнулся ты, что ли?

— А ну поведай мне имя свое, посмотрю — что ты за человек?

— Слеп ты, что ли, не видишь — перед тобой пророк Давид!

— Ослепни ты сам, распутник Дава! Не ты ли, со-

рок жен имея, Урию убил, чтоб и его женой завладеть? И после этого ты в раю очутился, а мне нельзя?! Шагай, жена, свидетель мне — могила святого Карапета: проберусь я в рай с детьми, женой, скотом своим!

Пошли они дальше по дороге. И вдруг кто-то перед ослom стал, сердито крикнул:

— Эй, ты кто, что по дороге без разрешения с детьми, женой да скотом своим идешь?

— А я — поп Слик. Взял я детей, жену да ишака своего, вместе с ними в рай иду.

— А ну заворачивай, возвращайся сейчас же, не то душу из тебя выну! Где это слыхано, чтобы человек с женой, детьми и скотом в рай шел?!

— А ты кто такой, что голос на меня поднимаешь?

— Ты что, на оба глаза ослеп, не видишь, кто перед тобой? Я — архангел Гавриил, которого бог по души людей посылает, когда им время пришло умирать.

— Эй, шальной Гаво, что сослепу по тысяче безвинных людей в день разишь! Тебе, значит, в рай можно, а мне нельзя!

Взмахнул тут поп Слик посохом, как кинется на Гавриила, как даст ему по лодыжкам... Подскочил архангел Гавриил, прихрамывая да прискакивая еле-еле убежал, а поп Слик пошел себе дальше.

Много ли прошли они, мало ли, как вдруг вдали замаячили белые стены и белые здания.

— Слушай, жена, — говорит поп Слик, — не иначе как дошли мы до рая. Давай-ка присядем, перекусим немного, отдохнем, а потом встанем да пойдем в рай.

Присели они, поели-попили, отдохнули, потом встали и пошли к тем белым стенам да зданиям. Но не успели они подойти к стенам, как вдруг стал перед ними кто-то и спросил:

— Кто вы и куда идете?

— Я — поп Слик. Вот это — моя попадьа, вот это — дети мои, а это — осел мой, на которого я свое имущество нагрузил. Все вместе идем в рай.

— Да ты в уме ли, батюшка? Ведь как-никак священником был, грамоту постиг, разбираешь, что черным по белому в библии написано... Неужто неведомо тебе, что пока человек не умрет, пока его не похоронят, чтоб он в потусторонний мир ушел, — о рае и речи быть не может?!

— Так ведь дошли же мы до дверей рая!.. Позволь уж войти — хоть посмотрим, что это за штука такая, рай этот самый!

— Нет, невозможного ты просишь, нельзя!

— Да ты кто такой? Хоть скажи нам имя свое.

— Я — Иисус Христос.

— Да рухнет дом твой, как рухнул уже! Если б ты таким уж праведным при жизни был, не поймали бы тебя, не распяли б на кресте! Поворачивай, жена, пойдём назад. Да разрушит господь до основания рай такой, в который человеку доступа нет...

Тут взял поп Слик жену и детей своих, осла своего с нагруженным на него имуществом, огорченный и рассерженный ни с чем домой вернулся.

Умный Яро

Жили-были в одном городе трое безбородых. Они каждый день выходили на дорогу и всячески надували встречных крестьян. Вот раз один крестьянин, по имени Яро, послал сына в город продать корову.

— Смотри, сынок, меньше трех золотых за корову не бери: наша корова красивая, молочная!

Сын Яро погнал корову в город. За селом повстречался ему безбородый.

— Здорово, братец! — сказал безбородый. — Не продашь ли теленка?

— Доброго здоровья! — ответил сын Яро. — Какой же это теленок? Это наша красивая, молочная корова.

— Корова? — засмеялся безбородый. — Это телка, а не корова. Коли хочешь ее продать, я, так и быть, дам за нее тридцать курушей¹.

— Ты что, смеешься надо мной? — сказал мальчик и погнал корову дальше.

Вдруг видит — идет другой безбородый.

— Продай телочку, — сказал второй безбородый.

— Это корова, а не телочка, — ответил мальчик.

— Не смеди народ, — сказал безбородый. — Я тебе дам на десять курушей больше, чем другие. Не возьмешь — пожалеешь! Человек ты, видать, бедный, мне тебя жалко!

¹ К у р у ш — мелкая турецкая монета.

— Нет,— сказал мальчик и погнал корову дальше. А потом задумался: «Неужто отец на самом деле подсунул мне телку вместо коровы?».

Вот он наконец добрался до города. Тут его остановил третий безбородый покупатель:

— Продай теленка!

— Это корова,— неуверенно ответил мальчик.

— Это теленок! — стал уверять безбородый.— Неужели я буду обманывать тебя? Отдай телку, я заплачу за нее на пятнадцать курушей больше, чем другие.

«Что за чудо? — удивился мальчик.— Все встречные в один голос твердят, будто у меня телка, а не корова. Может быть, на самом деле так?»

И он сказал:

— Так и быть, давай деньги!

Мальчик взял деньги и вернулся домой.

— Отец, почему ты сказал про телку, что она корова? Кого я ни встречал, все говорили, что это телка. И я ее продал за хорошую цену — за сорок пять курушей!

— Ты что, ослеп?! — рассердился отец.— Говори, кто тебя надул?

— Не знаю, отец, их было трое, и все были без бороды.

— Безбородые?.. Знаю теперь,— сказал отец.— Я им отомщу!

Яро был человек добрый и умный, но денег у него не было. Вот он пошел к соседу и сказал:

— Дай мне в долг три золотых.

Сосед дал ему три золотых. Яро вернулся домой, взял осла и погнал в город. Встретив на дороге одного из безбородых, он вложил золотые под хвост ослу. А когда поравнялся с безбородым, пырнул осла палкой. Осел махнул хвостом, и один золотой упал на землю. Яро, не торопясь, поднял его и положил в карман. Заметив это, безбородый обрадовался.

— Братец, продай осла!

— Нет, брат, ослу этому нет цены. Даже если семь колен твоих дедов и отцов соберутся, им не заплатить за него.

Пошел Яро дальше. А когда поравнялся со вторым безбородым, опять толкнул осла — и снова из-под ослиного хвоста выпал золотой, и Яро положил его к себе

в карман. То же проделал Яро и перед третьим безбородым. Все трое безбородых, убедившись, что осел Яро выбрасывает золото, стали упрашивать:

— Продай, братец, осла! Продай, братец, осла!

— Рехнулись вы, что ли? У вас не хватит денег заплатить за него. Одно могу сделать — за небольшую сумму уступлю вам его на двадцать четыре часа, но не дольше.

— Что ж, давай хоть на сутки!

Вот они стали торговаться. Наконец Яро отдал осла безбородым за восемь тысяч курушей.

Осла взял к себе один из безбородых. Он продержал его у себя некоторое время, но осел не выбрасывал ничего, кроме навоза. Безбородый ни слова не сказал об этом своим товарищам и передал им осла. Те всю ухаживали за ослом, но тоже ничего не добились.

— Ах он мошенник! — спохватились они. — Яро нас надул и забрал все наши деньги.

А Яро, придя домой, стал размышлять, как быть дальше. Он знал, что не так-то легко избавиться от безбородых. Он пошел и купил двух зайцев за пять золотых. Денег, что ли, у него не было? Сунет руку в правый карман — там золото, сунет в левый — там серебро.

Вот Яро принес зайцев домой, сказал жене:

— Жена, я пойду в поле, а ты одного зайца спрячь у себя, а другого я возьму с собой. Если придут безбородые, пошли их ко мне, а сама не забудь приготовить двадцать разных кушаний. Я хочу сыграть над ними одну шутку! — и ушел на поле.

Чуть свет, запыхавшись, прибежали безбородые.

— Куда делся разоритель Яро?

— В поле работает, — ответила жена.

Безбородые изо всех сил побежали в поле. Там они нашли Яро и чуть было не разорвали его на куски.

— Братцы, — сказал им Яро, — зря вы сердитесь! Я вам ваши деньги верну, они у меня дома. Погодите, вот кончу работать и пойдем вместе домой. Там закусим, и я вам верну деньги. Не съел же я их!

Яро достал из сетей зайца, сказал:

— Зайчишка, беги домой, скажи жене, пусть приготовит обед для меня и для гостей, — и выпустил его.

Заяц, конечно, во всю прыть пустился в горы. Но

безбородые поверили, будто заяц побежал прямо домой. А Яро обратился к безбородым:

— Ну, братцы, пойдете ко мне. Там закусим, и я верну вам деньги. Я ведь не из тех, кто любит при-
сваивать чужое добро.

Когда они подошли к дому, Яро закричал:

— Ну, жена, живо подай нам кушать!

Жена Яро стала расставлять все двадцать кушаний. Безбородые изумились. «Какой умный заяц у Яро!» — подумали они про себя.

Яро сказал:

— Полно вам, братцы, думать. Кушайте на здоровье! Сейчас вот встану и верну вам деньги! — После обеда Яро закричал: — Жена, живо дай ключ! Я верну им деньги!

Жена немного замешкалась. Яро напустил на себя гнев, взял палку и сделал вид, что, если бы не гости, поколотил бы жену.

— Ладно, успокойся! — сказали безбородые. — Не надо нам денег, лучше мы у тебя зайца купим.

— Нет, шалишь, зайца я вам не продам! Какая мне польза от того, что я вам продал осла? А теперь вы еще и зайца хотите.

Но безбородые были люди жадные. Они решили: «Ученый заяц не только вернет нам наш убыток, но и принесет нам еще наживу». Они дали за зайца столько же, сколько за осла, и ушли с покупкой.

Подойдя к городу, безбородые достали из мешка зайца, сказали ему:

— Поди передай нашим женам, чтоб они пригото-
вили обед! — и пустили его.

Заяц, конечно, не заставил себя долго просить и помчался...

Дома безбородые увидели, что ничего не сделано, и хорошенько поколотили жен. Но жены клялись и божились, что никакого зайца они не видели. Тут только безбородые догадались, что опять стали жертвой хитрости Яро, и повернули снова к нему. Но Яро заранее приготовился к этой встрече. Он наполнил бычий пузырь кровью и сказал жене:

— Безбородые, конечно, скоро опять придут. Надень этот пузырь на шею. Когда они придут, я тебе скажу: «Скорей принеси деньги». А ты ни с места, будто не

тебе говорят. Я рассержусь и закричу на тебя. А ты не обращай внимания. Тогда я схвачу острый нож и будто зарежу тебя. Ты не бойся — я только пузырь проколю. А как хлынет кровь, ты прикинись мертвой.

— Ладно,— сказала жена и взяла пузырь.

Не успели безбородые войти, как Яро заорал на жену:

— Живо достань и принеси деньги!

А та не обращает внимания.

— Ты что ж это, не слышишь, что ли? Говорят тебе, принеси деньги!

— Отстань, я не знаю, где ключи!

— Тебе говорят, такая-сякая, живо поворачивайся!

— Чего ты кричишь? Говорят тебе, нет у меня ключей!

— Достань немедленно ключи, не то зарежу тебя, как собаку!

— Руки коротки, злодей!

При этих словах Яро, притворившись, что он охвачен яростью, схватил жену за волосы, поволок в угол, повалил наземь и вонзил нож в пузырь. Кровь хлынула. Жена закрыла глаза и осталась лежать, как мертвая.

Безбородые испугались. Они подумали, что их еще могут обвинить в убийстве.

Бросились они к двери, но со страху никак не могли ее найти.

— Плуты! — закричал на них Яро.— Из-за вас я понапрасну жену зарезал! Теперь ваш черед: вам не уйти от моего ножа!

Душа у безбородых превратилась со страху в просяное зернышко. Наконец они кое-как нашли дверь и пустились без оглядки подальше от страшного Яро.

А Яро и его жена обняли друг друга и стали петь, плясать и веселиться.

Ведьма

Жил-был нищий. У него было много золота, зашитого в лохмотья. Попав как-то в город, он выбрал укромное местечко, оглянулся по сторонам и, увидев, что вокруг никого нет, решил: «Дай-ка сосчитаю, сколько у меня золота». Но за нищим следила старуха и, за-

метив, как он сосчитал золото и потом опять зашил его в лохмотья, подошла к нему и сказала:

— Здравствуй, муженек, где ты пропадал до этих пор? Ведь ты же мой муж!

— Сатана ты, что ли, что пристаешь ко мне?! Какая ты мне жена, если ее у меня отродясь не было! — ответил нищий.

— Нет уж, не морочь мне голову, ты мой муж, знать ничего не хочу!..

Слово за слово, сцепились и пошли к судье с жалобой.

Судья сказал нищему:

— Старина, чего упрямисься? Раз она хочет стать твоей женой, согласись: тебе не придется зря шататься — она будет зарабатывать и тебя кормить.

Старуха привела нищего к себе домой.

— Ай, ай, муженек, да чтоб я ослепла — до чего это у тебя грязное платье! Скинь, я его выстираю, выкупаю тебя, и ты будешь ходить чистый, — сказала она нищему.

Старик снял одежду и дал старухе. Она, взяв одежду, распоролла ее, вынула золото, потом выстирала лохмотья и развесила их на веревке, а сама убежала.

Старик все ждал ее возвращения. Но, видя, что ее долго нет, сказал про себя: «Выйду-ка, посмотрю, куда делась старуха». Но тут он сразу вспомнил о золоте и побежал к своим лохмотьям. Не найдя золота, старик понял, что старуха его обокрала. Долго он горевал и наконец решил пуститься по ее следам.

Тем временем старуха, забрав его золото, перебралась в другой город. Там, бродя по улицам, она остановилась у окон одного богатого человека. Дома была лишь одна хозяйка. Муж находился в другом городе. Хозяйка была очень красивая женщина. Посмотрев в окно и заметив старуху, она спросила:

— Что ты тут делаешь, нани?

— Да сделаться мне твоей жертвой, милая, — что же мне делать? Женщина я одинокая, умоляю тебя, дай мне угол, где бы я могла преклонить голову! За кусок хлеба буду тебе служить до конца моих дней.

Женщина взяла старуху к себе в дом, накормила и отвела ей угол. Спустя несколько дней она послала старуху на базар за покупкой.

На базаре один богатый купец зазвал ее к себе и сказал:

— Нани, мне приглянулась твоя хозяйка. Я дам тебе сколько хочешь денег, только устрой так, чтобы ночью я мог пробраться к ней.

— Дай триста рублей — я устрой это нынче же ночью, — ответила старуха.

Купец дал ей деньги, и она ушла. В полночь пришел купец и постучал в дверь. Старуха впустила его в дом.

— Нани, кого это ты впустила в дом? — спросила хозяйка.

— Ничего, милая, это мой земляк, заночует сегодня здесь и рано утром уйдет, — ответила старуха.

— Нет, нани, я не могу ночью впускать в дом чужого человека!

Но старуха стала ее просить позволить земляку заночевать у ней в сенях.

— Ну, уж пусть он заночует у тебя, — уступила женщина.

Старуха поехала купца к себе. В полночь тот спросил старуху:

— Как же теперь быть?

— Да так, — ответила старуха. — Я ей уже про тебя говорила. Разденься и поди к ней.

Купец разделся и пошел в покои женщины.

А хитрая старуха тем временем забрала его одежду, часы, пояс, обувь, заперла дверь и убежала.

Когда купец вошел к женщине, та испугалась:

— Чего тебе тут надо?

— Ведь ты же дала согласие — вот я и пришел.

— Кому я дала согласие?

— Старухе. Она забрала у меня вчера триста рублей, чтобы привести к тебе.

— Ах ты проклятая ведьма! — вскричала женщина. — Что это ты надумала за шутки шутить! — и побежала к старухе.

Но уже было поздно: старуха исчезла, захватив одежду купца.

Женщина подняла крик, прибежали на помощь соседи. Купец же, видя, что дело плохо, пустился наутек в одном белье.

Утром женщина наняла людей, чтобы кричали по

улицам о проделках старухи. В поисках старухи пришел в тот город и нищий. Он рассказал женщине про то, как старуха обчистила и его.

Наконец после долгих поисков старуху поймали и привели к царю. С ней вместе пошли к царю женщина, нищий и купец. Когда их привели во дворец, старуха сейчас же заметила, что женщина сильно понравилась царю.

Старуха тайком подкралась к царю и украдкой спросила его:

— Царь, зачем ты так пристально смотришь на эту женщину?

— Как же не смотреть — да обрушится твой дом! — такой красавицы в жизни своей еще не видывал, — ответил царь.

— Она моя дочь, царь. Что ты мне дашь, если я ее выдам за тебя?

— Проси чего хочешь!

— Дай триста рублей.

Царь дал ей триста рублей, и она сказала ему:

— Царь, помоги мне незаметно отсюда выбраться, не то дочь увидит меня тут и начнет плакать.

— Выпрыгни через это окно — тебя никто не заметит.

Когда старуха исчезла, царь вызвал женщину и сказал:

— Твоя мать выдала тебя за меня. Ты моя!

— Какая мать? Неужто она еще что-нибудь выкинула? Мы пришли к тебе с жалобой на нее!

Тут царь разгневался и велел во что бы то ни стало поймать старуху. Старуху поймали и привели к царю. Тот ее так исколотил, что она перестала дышать. Потом царь приказал обернуть ее тело в войлок и отдать погонщикам мулов, чтобы те бросили ее в море.

Погонщики навьючили тело старухи на мула и отправились к морю. Неподалеку от моря старуха очнулась, приподнялась и села. Погонщики опешили.

— Вернитесь к царю, — сказала им старуха, — и поздравьте его: скажите, что, мол, твоя матушка ожила. Я завещала, чтобы после моей смерти меня бросили в море.

Погонщики мулов поспешно вернулись к царю и доложили:

— Царь, поздравляем, мать твоя ожила и просила прислать за ней людей, чтоб ее доставили к тебе!

— Да чтоб обрушился ваш дом! Бегите назад, поймайте ее и доставьте сюда! — приказал царь.

Когда они побежали назад, там уже не оказалось ни старухи, ни мулов: старуха загнала мулов в лодку и переправилась на другой берег. Погонщики вернулись с пустыми руками.

— А где же старуха? — спросил царь.

— Царь, — ответили те, — покуда мы добрались до берега, она уже успела погрузить мулов на лодку и выйти в море.

Царь сказал женщине, нищему и купцу:

— Что же я могу сделать для вас, раз она со мной сыграла такую шутку?

Те повесили головы и отправились восвояси.

Наговор жены

Один благочестивый человек, каждый раз отправляясь в поле и возвращаясь оттуда, молился богу.

Однажды жена сказала ему:

— Муженек, почему ты в своей молитве не просишь бога, чтобы он избавил тебя от наговора жены?

— Этого еще недоставало! Что такое женщина, чтоб я стал молиться из страха перед ней?

Услышав это, жена решила проучить мужа и сыграть над ним шутку: купила несколько рыб, завязала их в узел и понесла вместе с обедом в поле. В то время как муж, взяв завтрак, пошел поесть к роднику, она тайком от него зарыла рыбок поодиночке в землю.

Сделав это, она собрала посуду от обеда и вернулась домой.

Муж, приступив к запашке, вдруг увидел, что из разрытой земли выходит рыба. Собрал он рыбок, принес вечером домой и рассказал жене, как выкопал их из земли, выразив свой восторг по поводу того, что господь бог и в земле может сотворить рыбу. Муж наказал жене их сварить, чтоб на следующий день пообедать ими в поле. Жена сварила рыбок, сама съела их и, взяв с собой немного похлебки, понесла мужу в поле.

— А где же рыбки? — спросил муж.

— О каких это рыбках ты говоришь?

— Да о тех, которых я достал из-под земли.

— Ты, право, рехнулся! Никаких таких рыбок ты домой не приносил, я их и видом не видела.

Муж при этих словах рассердился, взял дубину и хотел было наброситься на жену, но та подняла вой и позвала на помощь крестьян, работавших на соседних полях.

— Пустите,— сказал муж,— я проучу эту дрянь! Она съела моих рыбок и называет меня сумасшедшим.

Крестьяне, пришедшие на крик, спросили жену, о каких рыбках идет речь.

— Да я говорю о тех самых рыбках, что я вырыл в поле из-под земли,— сказал муж.

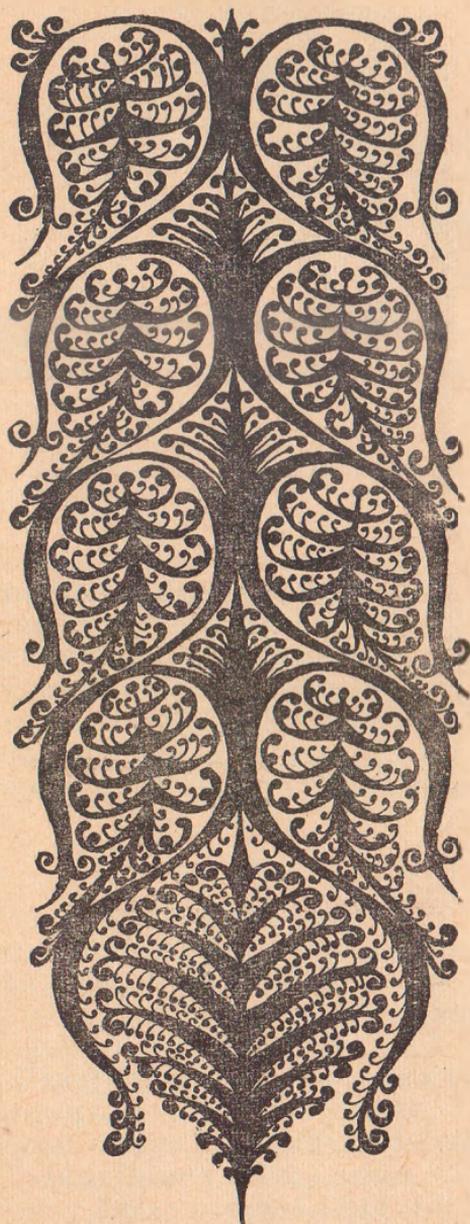
— Бедная, бедная женщина, ты права, он потерял рассудок! — решили собравшиеся и, сочтя крестьянина за сумасшедшего, связали ему руки, доставили домой и там привязали к столбу.

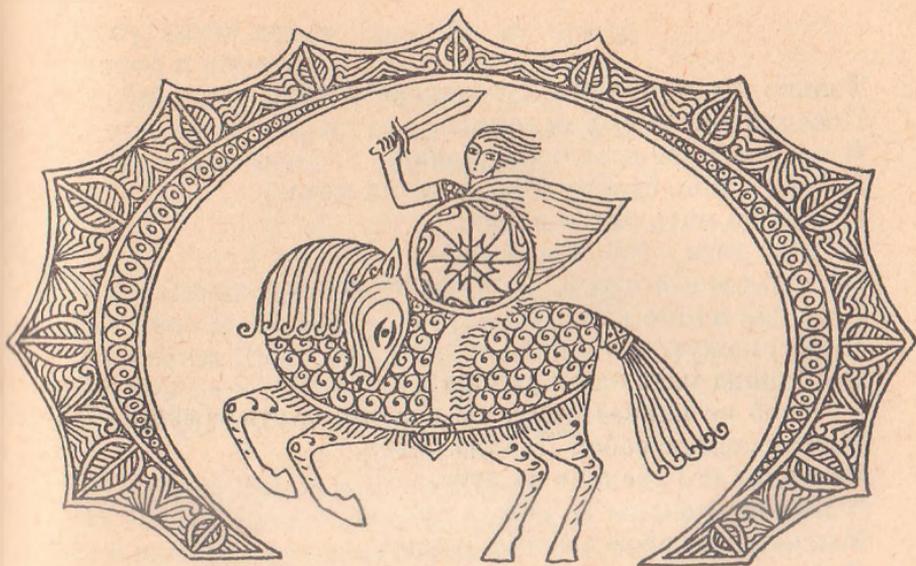
Когда люди разошлись и жена осталась с мужем с глазу на глаз, она сказала ему:

— Ну что, ты все еще не боишься наговора женщины? Знай, это наименьшее, что могло с тобой случиться.

— Молю тебя, жена, именем бога,— ответил муж,— развяжи веревку и избавь меня от этой напасти! Даю зарок в каждодневной молитве в первую очередь молиться за избавление меня от наговора женщины.

ДАВИД
САСУНСКИЙ

1

Мир господен тебе, — Абамэлик,
Мир господен тебе, — Санасар,
Мир господен тебе, — Багдасар,
Мир господен тебе, — Мэликсет,
Мир господен тебе, — Дзенов-Ован,
Мир господен тебе, — Цыран-Вэрго,
Мир господен тебе, — Тырлан-Давид,
Матерям и отцам тех, пред кем я пою.

2

Скончался когда Давида отец,
С Мысрамэликом мать пошла под венец,
Остался Давид и сир и млад,
Дядья собрались, промеж себя говорят.
Ован говорит: — Цыран-Вэрго,
Ты ль Давида возьмешь, или я возьму? —
Вэрго говорит: — Есть сын у меня,
Ты возьми, содержи, сделай сыном его. —
Взял Давида Ован и его содержал,
Был Овану Давид как духовный сын.

Только месяц прошел, стосковалася мать,
Послала она за сыном гонцов.

И в дому у нее поселился Давид.

Каждый день булаву Мысрамэлик метал,

И Давида мать ему говорит:

— Мое дитя с собой возьми.—

Мысрамэлик в ответ: — Я его не возьму.

А ну как в него попаду и убью?

Люди скажут, что я дитя волей убил.—

Но Давида мать опять говорит:

— Чтоб не плакать ему, ты возьми, пусть убьешь.—

Мысрамэлик с собой Давида повел,

Поставил его вдалеке на лугу.

И пошли удальцы — метать булаву.

Мысрамэлик свою метнул булаву,

Давид привстал,

Руку простер, булаву поймал.

Мысрамэлик тогда прогневался, сказал:

— День придет, на меня он войной пойдет!

Мысрамэлик домой, разгневан, пришел,

Принахмурил бровь, сидит и молчит,

Тут жена говорит:

— Почему ты молчишь, разгневан сидишь? —

Он жене в ответ: — Да мне что ж сказать?

Пред людьми твой сын меня осрамил.—

Говорит жена: — Да что сделал он?

— Как я нынче свою метнул булаву,

Давид привстал,

Руку простер, булаву поймал.—

Та в ответ: — Он же мал, еще несмышлен,—

Мысрамэлик тогда жене говорит:

— Коли мал Давид, еще несмышлен,

Ты со златом прибор поставь перед ним

И с углями прибор поставь перед ним.

Коли мал Давид, еще несмышлен,

Красный уголь он возьмет, злата он не возьмет.

И со златом прибор и с углями прибор

Был поставлен тогда пред Давидом на стол,

Руку поднял Давид, хотел золото взять,

Руку ангел отвел, положил на огонь.
Палец к углю прижал и палец обжег,
Палец в рот положил и язык обжег,
Как язык он обжег, мало — он онемел,
И его стали звать — заика-Давид.

4

Мысрамэлик не стал Давида держать,
И к дяде назад вернулся Давид,
Из железа Ован сапоги заказал,
Из железа Ован посошок припас,
И стал Давид с той поры пастухом.

Из железа Давид надел сапоги,
Из железа Давид захватил посошок,
И в поле Давид ягнят погнал.
Оставил Давид среди поля ягнят,
Сколько было волков, зайчат и лисиц,
И всяких зверей,
К себе притащил, со стадом смешал,
Под вечер погнал и в город привел.
Как увидел Сасун, испугался весь град,
Все — врата на замок, из домов нейдут.
Давид положил на камень лицо.
На земле сырой среди поля уснул.

На заре Ован сам к нему пошел.
Видит: много тот по горам гулял:
Износился его из железа сапог,
Изломалась его из железа клюка,
Говорит: — Давид, как твои дела? —
Тот в ответ: — Любо мне стадо черных ягнят,
Но не любо мне стадо серых ягнят,
Было трудно их в лесах собирать.—
Ован говорит: — Ты серых оставь,
Они — прокляты,
Тех, что сами пойдут, ты гони домой!

Стал на день еще Давид пастухом.
По горам опять погнал ягнят.
Сколько тигров нашлось, медведей и львов,
К себе притащил, со стадом смешал,

Под вечер погнал и в город привел.
Как увидел Сасун, испугался весь град,
Все — врата на замок, из домов нейдут.
Давид наземь лег, до утра проспал,
На заре сошлись горожане все,
Говорят: — Слушай нас, Дзенов-Ован!
Этот мальчик твой весь наш град разбил,
Боимся мы его волков,
И зайцев тех, и медведей.—
Ован говорит: — Коль боитесь вы,
Пойду приведу Давида домой.—
Пошел, привел Давида домой,
От хлеба ключи, от еды ключи
Давиду отдал и ему сказал:
— Коль гости придут, ты хлеба им дашь,
А хлеб как съедят, до ворот проведешь.

5

Так месяц прошел, и другой прошел...
Ована тогда жена, Сариз,
Ибо мальчик Давид красивым был,
Заглядысь на него, ему говорит:
— Ты должен ко мне в опочивальню прийти.—
Но ей в ответ Давид говорит:
— Ведь ты — моя мать, а я тебе — сын.

Сариз говорит: — Пойду голову мыть,
А Давид пускай на меня воду льет,
Как тело мое увидит Давид,
Так в сердце его и грех войдет.—
И Давида зовет, пусть он воду льет.
Но глаза свои Давид прикрыл,
Чтобы наготы не видать, греха не принять.
Так, глаза закрыв, он и воду лил.
Как помылась тогда Ована жена,
Повернулась она, увидала она,
Что плотно закрыл Давид глаза;
Зарыдала она, стала волосы рвать,
Все лицо свое разбила в кровь,
Домой пошла и села там,
Пока ее муж не пришел домой.
Ован говорит: — Что с тобой, жена? —

Та ему в ответ: — Как иначе быть?
То-то верила я, ты сына дал,
И не знала я, ты мне мужа дал.—
Ован говорит: — Эй, смотри, жена!
Быть не может так, говоришь ты ложь.—
Жена в ответ: — Говорю я не ложь,
Давид на меня сам руку занес,
Но я тогда ему не далась.
— Коли так, к вечеру я прилажу дверь.—
Ован к вечеру приладил дверь,
Пришел Давид, увидал, говорит:
— Мог бы, дядя, я ударить ногой,
И дверь и ты сам провалились бы вдруг,
Но как же мне быть, не ты виноват,
Но злая жена обманула тебя.

6

Сделал Давид себе стрелы и лук,
На охоту пошел за город в поля,
То ли каждый день охотится он,
Убивает он перепелов, воробьев,
К старухе одной под вечер идет,
Той, что милой была его отца.
Старуха та ему говорит:
— А зачем ты, Давид, по моей грече ¹ ходил!
Но грече ходил, мою гречу помял.—
Давид говорит: — А как же мне быть? —
Старуха тогда Давиду в ответ:
— Ведь был твой отец могучим царем
И много имел скота и добра.
А как помер отец, и по сей самый год
Мысрамэлику Ован податей не платил.
Мысрамэлик теперь за ними пошлет,
И заплатит Ован подать за семь лет.

Уснул Давид и спал до зари;
На рассвете встал, лук и стрелы взял,
На гречу пошел, перепелку убил.
Мысрамэлика ж посол, именем Козбадин,

¹ Культура гречи была неизвестна армянам. Здесь имеется в виду просо.— *Прим. составителя.*

Пришел, отворил ворота казны
И казну считал, унести хотел.
Старуха пошла, увидала посла
И что в грече Давид перепелку убил,
Говорит: — Давид, чтоб тебе да пропасть!
Только есть у меня, что греча моя,
Хлеба куска ты лишаешь меня.
Если ты удалец, так поди посмотри,
Мысрамэлика посол, именем Козбадин,
Там отца твоего уносит казну.—
Давид ей в ответ: — А где он, покажи.

Старуха тогда Давида повела,
Вернулась сама, а Давид увидал,
Что посол Козбадин считает казну.
Как завидел Давид —
Кровью взор налился,
Рассердился, сказал:
— Ты встань, Козбадин, а я буду считать! —
Не встал Козбадин.
Занес руку Давид, его за руку взял
Да как бросит его до самых дверей.
А сам присел и меру — вверх дном,
Палкой дно высадил,
Золото высыпал,
Не оставил ни денежки,
Пустую меру повернул, сказал: — Это — раз! —
Козбадин говорит:
— Ован, отгони мальчишку прочь,
Надо платить, так плати подать за семь лет,
Коли нет, так пойду Мысрамэлику скажу,
Он придет и Сасун разгромит, разобьет,
За Мысыром другой он построит град.—
Рассердился Давид, он на ноги встал,
Козбадина в лоб он мерою — хлоп,
И губы прочь отрезал ему,
И зубы в лоб ему вбил да сказал:
— К Мысрамэлику ступай, ему дай ответ,
Пусть что хочет он, то теперь и творит.

Поднялся Козбадин, к Мысрамэлику пошел.
 Женщины глядят: Козбадин идет,
 Словно рот он открыл, хохочет точь-в-точь.
 Говорят: — Вот забрал подать за семь лет.—
 Козбадин как пришел, близко к ним подошел,
 Увидали они: у него губ-то нет,
 И зубы его ему вбиты в лоб.
 Тут они говорят:
 — Ты отколь, Козбадин, вперевалку бредешь? —
 Козбадин им в ответ:
 — Что вам знать, я отколь вперевалку бреду,
 От Сасунской страны наводнению быть.—
 К Мысрамэлику потом пошел и сказал:
 — Не дает нам Давид подать за семь лет,
 О тебе говорит: пусть что хочет творит.

Мысрамэлик послал бирючей ходить,
 Войска собрать, повсюду кричать:
 — Мне должно собрать полторы тысячи
 Новорожденных детей,
 Мне должно собрать полторы тысячи
 Безусых юнцов,
 Мне должно собрать полторы тысячи
 Темнобородых мужей,
 Мне должно собрать полторы тысячи
 Белобородых мужей.—
 Сказал, собрал, в одно место всех свел.
 Войско повел в город Сасун,
 Палатки свои среди поля разбил,
 И к Овану своих гонцов послал.
 Говорит: — Ован!
 Коли подать платить, по чести плати,
 Не заплатишь, пойду разгромлю Сасун,
 Под Мысыром другим построю я град.—
 Говорит Ован: — Не хотим воевать,
 Кто готов воевать, так только Давид,
 Потерпи, погоди, мы спросим его.—
 Давид говорит: — Казны отца не отдам,
 Мысрамэлик пускай что хочет творит.—
 Давиду Ован тогда говорит:
 — Коли так, Давид, в эту ночь они

Придут, нападут, разгромят наш град. —

Давид в ответ:

— Все идите домой, ложитесь спать,

А я на заре пойду воевать.

8

Разгневался Давид,

Всю ночь не спал,

На рассвете встал, лук и стрелы взял,

Как собрался пойти, старуха ему:

— Давид, ты куда? — А Давид в ответ:

— С Мысрамэликом я воевать иду!

— Что же есть у тебя? Только стрелы и лук?

С Мысрамэликом ли так хочешь ты воевать?

— Да ведь нет у меня ни коня, ни меча. —

Старуха в ответ: — Да побьет тебя Грох ¹!

Достоин ли ты отца своего!

У отца твоего был конь Джалали,

Молния-меч,

Головной убор,

Золотой кафтан,

Пояс — ал.

Божья мать была Марутская с ним,

Патараз ² крест в деснице его. —

Говорит Давид: — Где, старуха, всё?

— Пропади твой дом, отнял дядя всё!

Не отдаст добром он твоих вещей,

Ты поди, схвати дядю за ворот —

На своем настой, силой все возьми!

К Овану тогда Давид пошел,

Руки поднял, дядю за ворот взял,

Так что ноги того от земли взнеслись.

— От тебя, — говорит, — дядя, требую:

Божью мать верни мне Марутскую,

Патараз крест, что в десной был отца,

Коня Джалали

¹ Грох — букв. писец; вероятно, имя языческого бога (может быть, тождественно с именем Тира). — *Прим. В. Брюсова.*

² Марут — гора; Патараз — вероятно, имя языческого бога. — *Прим. В. Брюсова.*

И меч-молнию,
Головной убор,
Золотой кафтан,
Алый пояс мой!
Не отдашь добром, возьму силою!

Тут Ован в ответ: — Пропади, Давид!
Не твои то слова — подучили тебя.
С того самого дня, как твой помер отец,
Я не видел нигде коня Джалали,
Мысрамэлика страшась, его в стойле держал;
Мысрамэлика страшась, я заделал дверь,
Через ердик ему мы корм даем.
Если силен ты, если властен ты,
Так поди: пред тобой дверь раскроется.

Пошел Давид, ударил ногой,
Ударил ногой, и распалась стена.
Хотел потрепать коня по бедру,
Но Давида конь не признав, взметнул,
По стене лягнул, та обрушилась.
Зарыдал Давид, зарычал, говорит:
— Ах, что делать мне, чей ты, конь Джалали!
Думал я, ты меня на войне спасешь. —
Повелел господь, конь в ответ сказал:
— Коли так, Давид, послужу я тебе.
С того самого дня, как твой помер отец,
Твой дядя Ован ходил за мной,
Содержал меня как будто в тюрьме,
Ты ж скребницей меня хорошенько почишь. —
Потрепал Давид коня по бедру,
Был кругом от кур по локоть помет,
Но вывел коня под солнце Давид,
Поскакал и стал у ворот дворца.
Вышел дядя Ован, все, что должно, принес:
Головной убор,
Золотой кафтан,
Пояс — ал
И меч-молнию.
Говорит: — Давид, Патараза крест
В сундуке лежит.
К сундуку пойди,
На колени стань,

Богу помолись.
Коль, подобно отцу, праведен ты,
На десницу твою сам придет, возблестев,
Патараза крест.

И Давид пошел, на колени стал,
На колени стал, зарыдал, завыл...
Повелел господь: Патараза крест
Полетел и сам на десной осел.

9

Сел Давид тогда на коня Джалали,
И надел отцов головной убор,
И надел отцов золотой кафтан,
Повязал себе и меч-молнию,
Окрутил вокруг также пояс — ал.
Спину сорок раз пояс тот обвил,
По земле стучал тот меч-молния,
На глаза сползал головной убор
(Ваты сорок пуд подложить пришлось,
Чтобы тот убор на себя надеть!).

Поскакал Давид, за оградой стал,
Стал да слушает,
Что ему в тот час дядя вымолвит.
Говорит Ован:
— Уж как жаль, сто раз жаль
Коня Джалали!
Уж как жаль, сто раз жаль
Головной убор!
Уж как жаль, сто раз жаль
Золотой кафтан!
Уж как жаль, сто раз жаль
Тот наш пояс — ал!
Уж как жаль, сто раз жаль
Наш меч-молнию!
Уж как жаль, сто раз жаль
Патараза крест!
Уж как жаль, сто раз жаль
Того нашего, того мальчика.—
Говорит Давид:
— Исполать тебе, что меня помянул,

Кабы ты меня помянуть забыл,
Раньше битвы я тебя бы убил. —

Так сказал, поскакал, в поле выехал.
Повелел господь, сказал конь Джалали:
— Ты скачи, Давид, где молочный ключ.
Там, где стану я, ты с меня слезай. —
Поскакал и стал, где молочный ключ,
Но Давид забыл и с коня не слез,
Лишь подумал Давид, что конь устал,
В бок ударил его и сломил ребро.
Рассердился конь и проржал — сказал:
— Мог бы, к солнцу взнесясь, я тебя спалить,
Как ты скоро забыл мои слова!
Но во имя отца я тебя пощажу,
Ты скачи, Давид, где железный столб,
Ты ударь мечом о железный столб,
Коли срубишь столб, мы вернемся назад.

Тогда с коня слезает Давид,
Молочным ключом его бок целит,
Сам напился воды и хлеба поел,
Над молочным ключом уснул, захрапел.
Только час проспал, — удивился, как встал:
Так-то он пополнил,
Так-то он растолстел,
Столько силы вошло, столько мочи в него,
Что и выше он стал, чем был до того.
Тогда взял Давид головной убор,
Ваты сорок пуд на землю швырнул,
Шапка и тогда до бровей не дошла;
Молнию-меч, что стучал по земле,
Надел, не дошел он ему до колен;
Пояс — ал, что его сорок раз обвивал,
Надел, только раз он спину обвил.

Поскакал Давид, где железный столб;
Ударил мечом о железный столб,
Разрубил столб от удара меча.
Въехал Давид на вершину горы,
Посмотрел кругом, что-то видно вокруг.
Сколько есть в небесах лучистых звезд,
Мысрамэлик в полях наставил шатров,

Увидал Давид, испугался, сказал:
— Славен будь, господь, милосерд бог,
Да будет воля твоя,
Только как же мне быть?
Если б ватой они все сделались вдруг,
А я стал бы огнем, не пожечь мне их всех.
Если б агнцами все они сделались вдруг,
А я волком бы стал, не пожрать мне их всех.—
Джалали говорит: — Ты не бойся, Давид!
Сколько скосишь мечом, я скошу хвостом,
Что скосить мечу, я копытом скошу.
Лишь на мне усиди и не дайся в обман.—
Говорит Давид: — Только как же мне быть?
Тайком подползать — скажут, вышел, как тать,
Идти прямо к врагам, испугаюсь я сам.

Так подумал Давид, потом так кричит:
— В шатре кто спит, да проснется тот,
Проснулся кто, да скорей встает,
Поднялся кто, да броню берет,
Броню кто надел, да несет седло,
Оседлал кто коня, да садится в седло,
И, чур, не кричать, что пришел я, как тать!

Так сказал, поскакал, полетел на войска,
Два раза проскакал и вперед и назад,
Словно крови поток поднялся и потек,
Скольких меч порубил, стольких конь потоптал.

Был в том войске мудрец, седой старик,
Пред Давидом он стал, Давиду сказал:
— Ты зачем, Давид, убиваешь людей?
У всех-то у них ведь матери есть,
Сюда Мысрамэлик нас силой привел,
Коли ты удалец, поди с ним повоюй.—
Говорит Давид: — Где его шатер? —
Старик говорит: — Вон зеленый шатер.

10

Пред зеленым шатром Давид стал, сказал:
— Мысрамэлик, выходи, драться иди.
Коль бессмертен ты, тебе смерть я принес,
Коль без Гроха ты, тебе Гроха принес.—

Мать Давида тогда ему говорит:
— Мысрамэлик в постели спит,
Семь дён ему спать, только три проспал.—
Давид говорит: — Что за дело мне!
Разбудите его, ему драться пора.

Тут огонь несут, большой вертел жгут
Да им по ногам Мысрамэлика бьют.
Мысрамэлик во сне закричал, сказал:
— Нынче плохо мне постлали постель,
Укусила меня блоха во сне.—
А Давид ему говорит: — Вставай!
Ведь то не блоха, пред тобою — я.—
Мысрамэлик не встал и опять уснул.
Тут огонь несут, плуга лемех жгут
Да им по ногам Мысрамэлика бьют.
Мысрамэлик во сне закричал, сказал:
— Нынче плохо мне постлали постель,
Укусила меня блоха во сне.—

А Давид ему говорит: — Вставай!
Нынче со мной должен драться ты.—
Мысрамэлик тут встал, Давида узнал,
На него дохнул, думал: тот полетит,
Но Давид на коне остался стоять.
Мысрамэлик тогда Давиду сказал:
— Приходи, Давид, поедим с тобой,
Поболтаем вдвоем, а там драться начнем.—
Дался тогда Давид в обман,
С коня он слез, а конь убежал,
Рассердясь, ускакал на вершину горы.
Мысрамэлик меж тем велел яму изрыть,—
Глубиной она была в сорок мечей,—
Прикрыта она была сеткой поверх,
А на сетку тут постлали ковры.
Давида тогда посадили туда,
Он в яму упал, Мысрамэлик же сказал:
— Так вот как, Давид, ты подрался со мной,
Оставайся там, пока кости сгниют.

11

Дзенов-Ован видел ночью сон:
Мысра звезда ясна была,
Сасуна звезда покрылась тьмой.

Проснулся Ован, жене сказал:
— Поднимайся, жена! Я видел сон:
Мысра звезда ясна была,
Сасуна звезда покрылась тьмой,
Погиб наш Давид! —
Жена говорит: — Пропади твой дом!
Сам ты спишь, а во сне все видишь других.—
Уснул Ован, вновь увидел сон:
Мысра звезда ясна была,
Сасуна звезда померкла совсем.
Проснулся Ован, жене сказал:
— Поднимайся, жена! Я видел сон:
Мысра звезда ясна была,
Сасуна звезда померкла совсем,
Погиб наш Давид!
Жена говорит: — Пропади твой дом!
Чего ты не спишь и мне спать не даешь.—
Уснул Ован, вновь увидел сон:
Мысра звезда ясна была,
И Сасуна звезду поглотили совсем.
Проснулся Ован, жене сказал:
— Поднимайся жена, Давид убит! —
Жена говорит: — Ох, чего ты не спишь,
Видно, млеешь во сне с красоткой какой! —
Рассердился Ован, пхнул жену ногой,
Жена поднялась и свет зажгла.
Ован говорит: — Подай меч и щит! —
Жена подала, и Ован их надел,
Сам пошел, отворил в конюшню дверь,
Ударил в бедро коня Белого
(прикоснулся конь животом до земли),
Говорит: — Белый конь, как поскачешь ты,
Скоро ль ты доведешь меня, где Давид? —
Конь в ответ: — Донесу я тебя до зари.—
Говорит Ован: — Поганым будь корм,
Каким досель я тебя кормил.—
Ударил в бедро коня Рыжего
(прикоснулся конь животом до земли),
Говорит: — Рыжий конь, как поскачешь ты,
Скоро ль ты доведешь меня, где Давид? —
Конь в ответ: — Донесу я тебя в один час.—
Говорит Ован: — Поганым будь корм,
Каким досель я тебя кормил.—

Ударил в бедро Вороного коня,
Не коснулся конь животом до земли.
Облобызал Ован Вороного коня,
Говорит: — Вороной, как поскачешь ты,
Скоро ль ты довезешь меня, где Давид? —
Конь в ответ: — Ухватись за меня посильней.
Только станешь ногой ты в стремя одно,
А другую взнесешь, чтоб в другое попасть,
Донесу я тебя туда, где Давид.

Сел Дзенев-Ован на Вороного коня,
Только стал ногой на стремя одно,
А другую занес, чтоб в другое попасть, —
А уж конь Вороной полетел, как огонь,
Домчался и стал на вершине горы.
Лишь конь Джалали его увидал,
Громко заржал, к нему подскакал.
Испугался Ован, про себя сказал:
«Если конь убежал, так Давид убит».
И Дзенев-Ован тогда закричал,
По горам и долам его крик прозвучал:
— Эй, где ты, Давид! Помяни теперь
Ты Марутскую богородицу,
Патаразу крест, что в десной твоей! —
Давид услышал тот Ована крик,
Давид расслышал и сказал тогда:
— Ты Марутская богородица,
Патаразу крест, что в десной моей! —
Так он раз сказал, телом всем тряхнул,
Повелел господь — и распалась цепь,
И из ямы Давид тогда выскочил.
Мысрамэлик к нему подойти не посмел,
Ован же позвал: — Поди сюда, Давид! —
Давид на тот зов к Овану пришел,
Ему Ован коня подвел,
Сел Давид и сказал:
— Отправляйся теперь ты, дядя, домой,
С Мысрамэликом я пойду воевать.

К Мысрамэлику Давид прискакал, сказал:
 — Мысрамэлик, меня ты тогда обманул,
 А что же теперь станешь делать ты? —
 Мысрамэлик сказал: — Ну, иди, садись. —
 Но Давид говорит: — Нет, нам драться пора. —
 Мысрамэлик ему: — Чур, мой первый черед. —
 Пошел Давид, на площади стал.
 Мысрамэлик махнул, пустил булавой,
 Над Давидом пыль поднялась столбом,
 И солнечный лик застлала пыль.
 Мысрамэлик сказал:
 — Был прахом Давид, стал прахом Давид. —
 Но Давид в ответ: — Нет, еще я тут,
 Ты ступай опять булавой метать. —
 Мысрамэлик махнул, пустил булавой,
 Над Давидом пыль поднялась столбом,
 И солнечный лик застлала пыль.
 Мысрамэлик сказал:
 — Был прахом Давид, стал прахом Давид. —
 Но Давид в ответ: — Нет, еще я тут,
 Ты ступай опять булавой метать. —
 Мысрамэлик в третий пустил булавой,
 Как осела пыль, Давид говорит:
 — Все еще я тут, но черед уж мой.

Мысрамэлик сказал: — Давид, подожди.
 Вырыть яму хочу в сорок верст глубиной,
 В эту яму хочу опуститься на дно,
 Сорок я навалю жерновов на дно,
 Сорок я наложу шкур волов на себя. —
 Давид говорит: — Что же, рой, накрывай,
 Как любо тебе, так ты поступай.

Мысрамэлик сидит в той яме на дне,
 Сорок он навалил жерновов на себя,
 Сорок он наложил шкур волов на себя.
 Разбежался Давид, ударить хотел.
 Мать Давида пришла, ему говорит:
 — Разве грудью тебя не кормила я?

Ты уважь меня, этот раз не бей. —
Согласился Давид и уважил мать.

Разбежался Давид, махнул булавой.
Мысрамэлика сестра пришла, говорит:
— Не носила ль я тебя на спине?
Ты уважь меня, этот раз не бей. —
Согласился Давид и уважил ее,
Только раз один остался ему.

Разбежался Давид, взмахнул булавой,
Давида сестра пришла, говорит:
— Ты уважь меня, этот раз не бей. —
Но Давид в ответ: — Нет, черед уж мой!

Божье имя тогда Давид помянул,
Марутскую он божью мать помянул,
Патараза крест на десной своей,
Ударил лишь раз Давид булавой.
Повелел господь: как ударил Давид,
Он сорок пробил тогда жерновов,
Он сорок пробил воловьих шкур
И полголовы Мысрамэлику снес.

Мысрамэлик сказал: — Еще я тут. —
Но Давид в ответ: — Ты всем телом тряхни. —
Мысрамэлик тогда всем телом тряхнул,
На две части он развалился весь:
Половина — там, половина — здесь.
Прекратилась так Мысрамэлика жизнь.

*Издания армянского фольклора
на русском языке*

- «Армянские сказки», пер. и примечания Я. С. Хачатрянца, введение М. Шагинян, М., 1931.
- «Армянские сказки», пер. Я. С. Хачатрянца, М.—Л., 1933.
- «Армянские народные сказки», М., 1939.
- «Армянские народные сказки», вступительная статья, составление и примечания А. Т. Ганалаяна, Ереван, 1965.
- «Армянские пословицы и поговорки», пер. и примечания Г. О. Карапетяна, М., 1964.
- «Пословицы и поговорки народов Востока», под ред. И. С. Брагинского, сост. Ю. Э. Брегель, М., 1961, стр. 71—102.
- «Давид Сасунский», пер. с армянского В. Брюсова и М. Лозинского, М., 1939.
- «Давид Сасунский. Сказание о четырех поколениях сасунских богатырей», пер. В. В. Державина и др., М., 1939.
- «Давид Сасунский», армянский народный эпос, под редакцией и с предисловием академика И. А. Орбели, Ереван, 1939.
- «Поэзия Армении», в переводах и оценке В. Я. Брюсова, под редакцией А. Т. Ганалаяна, Ереван, 1963.
- «Поэзия Армении, с древнейших времен до наших дней, в переводе русских поэтов», редакция, вступительный очерк и примечания Валерия Брюсова, Ереван, 1966.
- «Басни средневековой Армении», пер. и введение академика И. А. Орбели, М.—Л., 1956.

Содержание

Предисловие	3
Пословицы и поговорки. Перевод Г. О. Карапетяна	11
Народ. Личность	13
Закон. Правосудие	13
Богатство. Бедность. Пандухт	14
Деньги. Купля-продажа. Долг	18
Крестьяне. Крестьянский быт. Горожане	20
Церковь. Священники	21
Правда. Ложь	21
Знание. Опыт. Невежество	22
Труд. Лень. Тунеядство	28
Слово. Молва	30
Ум. Глупость. Ловкость. Находчивость	32
Добро. Зло. От плохого к худшему	35
Родители. Дети. Родственники. Соседи	37
Любовь. Дружба. Гостеприимство. Вражда	42
Молодость. Старость. Красота. Здоровье. Опрятность	43
Радость. Горе. Жизнь. Смерть	44
Благодарность. Неблагодарность	46
Достоинство. Мужество. Честь. Скромность. Благоразумие	46
Трусость. Осторожность. Лицемерие	48
Хвастливость. Пустословие. Упрямство	51
Жадность. Скупость. Воровство	54
Свое — чужое. Назойливость	55
Еда. Питье. Одежда	59
Всему свое время. Каждому — свое	59
Поверья. Обычай. Поучения	62
Причина и следствие	66
Разные	67
Загадки. Перевод Г. О. Карапетяна	73
Природа	75
Небесные тела и природные явления	75
Время	80
Растительный мир	82
Животный мир	85
Люди и их жизнь	90
Человек	90
Пища	93
Куриательные принадлежности	94
Одежда	94

Деньги и украшения	95
Хозяйственные орудия и утварь	95
Жилище, хозяйственные постройки	102
Обучение, книги, канцелярские принадлежности	103
Транспорт	104
Оружие	105
Загадка многопредметная	105
Примечания к загадкам	105
Карабахский балагур Пулу-Пуги. Перевод	
Г. О. Карапетяна	109
Пари Мелик-Шахназара и Пулу-Пуги	111
Ложь Мелик-Шахназара и Пулу-Пуги	113
Неудача Мелик-Шахназара	113
Список глупцов и сумасшедших	114
Вор	115
Похороны отца Мелик-Шахназара	116
Жалоба трех братьев	116
Конец света	118
Пулу-Пуги и его сосед	118
Пулу-Пуги и воры	119
Пулу-Пуги учит осла Мелик-Шахназара	120
Неграмотный батюшка	120
Сказки	121
Азарап-Блбул. Перевод Я. Хачатрянца	123
Братец-ягненок. Перевод И. Карумян	138
Аревахат и змееныш. Перевод Я. Хачатрянца	142
Сказка о красной корове. Перевод Я. Хачатрянца	146
Волшебный перстень. Перевод Я. Хачатрянца	151
Чопчи. Перевод Я. Хачатрянца	154
Бадикан и Хан-Боху. Перевод Я. Хачатрянца	158
Сказка о правом и неправом. Перевод Я. Хачатрянца	161
Не рой другому яму — сам в нее попадешь. Перевод А. Саградяна	165
Змея преданней жены. Перевод Я. Хачатрянца	170
Змея и бедняк. Перевод А. Тадеосян	173
Разум и сердце. Перевод Я. Хачатрянца	175
Глупец. Перевод Я. Хачатрянца	177
Ремесло дороже золота. Перевод И. Карумян	179
Мудрый ткач. Перевод Я. Хачатрянца	181
По одежке протягивай ножки. Перевод Я. Хачатрянца	183
Лгун. Перевод Я. Хачатрянца	184
Три брата. Перевод М. Мазманиян	184
Поп Слик идет в рай. Перевод А. Тадеосян	186

Умный Яро. Перевод Я. Хачатрянца . . .	190
Ведьма. Перевод Я. Хачатрянца	194
Наговор жены. Перевод Я. Хачатрянца .	198
Давид Сасунский (народная эпопея). Перевод В. Брюсова	201
Издания армянского фольклора на русском языке	220

Издательство "Левая книга"

Москва, ул. Мясницкая, д. 2/4
119019

Тел.: 251-11-11, 251-11-12

С 1990 г. издательство переехало по адресу:
Москва, ул. Мясницкая, д. 2/4

С 1990 г. издательство переехало по адресу:
Москва, ул. Мясницкая, д. 2/4

С 1990 г. издательство переехало по адресу:
Москва, ул. Мясницкая, д. 2/4

С 1990 г. издательство переехало по адресу:
Москва, ул. Мясницкая, д. 2/4

Цена 50 коп.

